

**ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х.МАРГУЛАНА
КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ «БЕГАЗЫ-ТАСМОЛА»
САРЬАРКИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИ КАРАГАНДИНСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. Е.А.БУКЕТОВА**

А. З. БЕЙСЕНОВ, П. И. ШУЛЬГА, В. Г. ЛОМАН

ПОСЕЛЕНИЯ САКСКОЙ ЭПОХИ

МОНОГРАФИЯ

**Алматы
2017**

УДК 902(574)
ББК 63.4(5каз)
Б 41

Ответственный редактор: А. З. Бейсенов

Рецензенты:

В. В. Евдокимов, д. и. н., профессор
К. С. Алдажуманов, к. и. н., профессор

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии имени А. Х. Маргулана
Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Б 41 **Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. Поселения сакской эпохи.** Монография.
Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. 208 с.

ISBN 978-601-7312-67-1

В монографии даны материалы и обобщения по исследованию поселений сакского времени Центрального Казахстана и Горного Алтая. Книга знакомит читателя с историей изучения памятников, показывает особенности керамических комплексов, жилищ. Авторы представили, также, ряд выводов на данном этапе изучения поселений.

Книга будет интересна историкам, археологам, студентам вузов и всем тем, кому дорого историко-культурное наследие нашей Родины.

Издание осуществлено в рамках гранта 4370/ГФ4 Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан по теме «Исследование раннесакских поселений Центрального Казахстана» (руководитель А.З. Бейсенов).

ISBN 978-601-7312-67-1

УДК 902(574)
ББК 63.4(5каз)

© Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г., 2017
© Научно-исследовательский центр истории
и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из важных, но по сей день неразработанных, направлений в археологии раннего железного века степной Евразии является поселенческая тематика. В настоящее время повсеместно в Казахстане, а также в целом ряде прилегающих регионов открыты поселения сакского времени. Степень изученности их и введения в научный оборот полученных материалов разная. Тем не менее, высокая важность и актуальность материалов поселений не требует особых доказательств.

Согласно имеющимся данным, поселения распространяются в разных топографических уголках Казахстана еще на раннем этапе сакской эпохи, в период VIII-VII вв. до н.э. Многие вопросы, связанные с ними, еще требуют углубленного исследования, необходим значительный объем как раскопочных данных, так и результатов мультидисциплинарных изысканий, но уже можно сказать, что материалы поселений вполне достоверно отражают общие и региональные особенности хозяйства населения сакской эпохи. В Жетысу еще на раннесакском этапе появляются круглогодичные поселки скотоводов и земледельцев, к ним должны быть близки поселения Северного Казахстана, типа Кеноткель-10, памятники этого же круга следует ожидать на территории Прииртышья. Известные в восточных районах Центрального Казахстана поселения отнесены к типу сезонных. Они рассматриваются как зимники населения тасмолинской культуры, по всей вероятности, здесь также будут открыты в будущем и круглогодичные поселения.

В монографию вошли материалы по памятникам Центрального Казахстана и Горного Алтая, подготовленные А.З.Бейсеновым (Глава I) и П.И.Шульгой (Глава II), а также в отдельную главу включены результаты исследования керамики из поселений, выполненного В.Г.Ломаном (Глава III). Содержание разделов не претендует на какое-либо

окончательное решение задач и проблем, поскольку, во-первых, в рамках обусловленного объема издания часть материалов не вошла в книгу, во-вторых, ожидается дальнейшее продолжение исследований, с новыми результатами. Ряд положений ранее авторами были высказаны в отдельных статьях, тезисах, использованы в книгах и альбомах; публикуемая монография, включающая новые данные, является некоторым обобщением результатов на современном этапе.

Рисунки в приложении подготовлены авторами, также Дж.С. Джанабаевым, С.К. Ахияровым, Н. Джуманазаровым, Д.Б. Дуйсенбай. В главе I использованы фотографии автора и О. Беялова, В.В. Варфоломеева, В.К. Мерца, Д.Б. Дуйсенбай, Д.Т. Шашенова. Авторы выражают признательность всем коллегам, оказавшим содействие в подготовке книги.

А.З. Бейсенов

Глава I

ПОСЕЛЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Казахский мелкосопочник. Особенности распространения поселений

Центральный Казахстан входит в черту Казахского мелкосопочника с характерным ландшафтом холмистых степей, каменистых гряд и островных низкогорий. Ландшафтные уголки здесь разнообразные, есть даже пустыни. Огромную территорию, протянутую от Чингизтау на востоке до Тургая на западе, на севере включающую районы Западно-Сибирской низменности и Южного Зауралья, казахи еще в стародавние времена называли Сарыаркой. В этом поэтическом названии обширной земли ковыльных степей выделяется его более древняя форма – Арка, страна Арка. В советское время *народный исторический* термин Сарыарка/Арка был отождествлен с термином Казахский мелкосопочник,

Фото 1. Степной пейзаж Сарырки. Фото О.Белялова

восходящим к дореволюционным работам геолога Н.И.Тихоновича [Нурманбетов, Акиянова, 2004, с. 28], хотя собственно «страна Арка» в казахском понятии куда шире *геологически очерченной* низкогорной провинции. Усилиями многих квалифицированных специалистов были разработаны многочисленные термины и понятия в системе географического районирования (Прииртышье, Приишимье, Тургайское плато, Северное Прибалхашье, Северный Казахстан, Восточный Казахстан, Центральный Казахстан и др.). Ввиду удобства, широкого освещения и закрепления в научной, художественной литературе, публицистике, эти термины повсеместно применяются, в том числе и в археологической литературе, и сейчас.

Климат Казахского мелкосопочника резко-континентальный, с жарким летом и холодной снежной зимой. Особое свойство климату придают, можно сказать, довольно сильные ветры, которые создают зимой знаменитые в прошлом аркинские бураны (Арқаның ақ бораны). Здесь не только для сакской эпохи, но и для последующих периодов господствующим оставалось скотоводческое направление в экономике. Казахский мелкосопочник – единственная *природно-географическая область* Казахстана, которая полностью находится на территории страны и не выходит за ее пределы. Примерно одинаковые природно-климатические условия выработали такой же единый в общем облике хозяйственно-культурный тип. Некоторые внутренние различия в развитии хозяйства были связаны с особенностями отдельных районов мелкосопочника. Для раннего железного века в этом отношении могут быть некоторые различия, пока еще отчетливо не выявленные нами, между западными и восточными районами мелкосопочника.

Несмотря на кажущееся однообразие рельефа, различаются запад и восток мелкосопочника. Западная часть более низкая, относительно выровненная, абсолютные отметки поверхности находятся в пределах 300-400 м. Самые высокие отметки связаны с обширным низкогорьем Улытау (1113 м). Восточная половина Казахского мелкосопочника является более возвышенной, средние абсолютные отметки составляют уже 500–1000 м. Здесь особую роль играет большая группа низкогорных массивов Чингизтау (1305 м), Каркаралы (1403 м), Кент (1415 м), Кызыларай (1565 м), Баянаул (1026 м) и др. Такие низкогорья и их системы включают обширные межгорные долины [Нурманбетов, Акиянова, 2004, с. 29-32], богатые травой увалисто-холмистые степи. Следует отметить и частое расположение каменистых возвышенностей в самой системе таких низкогорий, как бы переходящих одна в другую и иногда создающих впечатление обширного и сплошного низко-гористого района. Такой характер природы повлиял на степень концентрации населения в этой части мелкосопочника. Памятников сакского времени здесь намного больше, чем в на западе.

В районах низкогорных массивов Казахского мелкосопочника, достаточно обеспеченных водой, с хорошим травостоем, всегда обитали значительные группы населения, оставившие многочисленные памятники разных исторических эпох. Своеобразные оазисы в таких районах, как Каркаралы-Кент, Балкантау, Едирей, Кызыларай-Бегазы, Бугулы, Улытау, Кокшетау, Ерейментау, Баянаул, Шидерты, Ортау-Кызылтау, Атасу и др., имели большое значение в жизни населения как в древние эпохи, так и в этнографическое время.

Центральный Казахстан занимает значительную часть Казахского мелкосопочника. Восточная часть первого одновременно входит в восточное крыло второго. Исследование

Фото 2. Горный пейзаж Восточной Сарыарки. Кент

поселенческих памятников Центрального Казахстана было начато в самом начале третьего тысячелетия. Эта работа началась на востоке Центрального Казахстана, на территории Каркаралинского района Карагандинской области.

Первые поисковые работы, предпринятые осенью 2000 г. и в начале лета 2001 г., производились в районе гор Каракуыс и Едирей, известных наличием многочисленных старинных казахских зимовок, ныне представленных руинизированными остатками каменных стен. Первые шурфы и небольшой раскоп автором были заложены на поселении Едирей-1 (раскоп 1, 108 кв. м) в 2001 г., в этом же году, спустя всего пару недель после Едирея, была осуществлена шурфовка на поселении Сарыбуйрат в районе горы Каракуыс. Основным материалом был представлен керамикой, особенности которой уже позволили, несмотря на небольшой объем данных, заметить ее своеобразие. Это повлекло за собой [Бейсенов, 2002; 2006] все остальные работы, продолжающиеся и поныне. Почти одновременно, К.А.Акишевым и М.К.Хабдулиной в Северном Казахстане, на территории Силетинского района Акмолинской области, были исследованы поселения Таскора и Таскора-1, материалы которых, после Кеноткеля-10, уже по-новому показали [Хабдулина, 2003] перспективность работ в данном направлении. Сейчас число поселений на востоке Центрального Казахстана растет ежегодно, хотя в последнее время специальных расширенных поисков не проводятся.

В настоящее время поселения сакского времени открыты в разных уголках Казахстана, а также и на многих прилегающих территориях. Судя по опубликованным данным, они известны в регионах Центрального [Бейсенов, 2012; 2014а; 2014б; 2014в; 2015; 2016; 2017а; 2017б; 2017в; Бейсенов, Ломан, 2007; 2009а; 2009б; Бейсенов, Мерц, 2010; Бедельбаева, Варфоломеев, 2008; Beisenov, 2015], Северного Казахстана [Хабдулина, 2003; 2017], Прииртышья [Мерц, 2015], Тарбагатая [Төлеубаев, Үмітқалиев, 2014] Жетысу [Григорьев, 1998, с. 261-262, рис. 1; Байпаков, Чанг, 2000; Байпаков, Марьяшев, 2001; Байпа-

Фото 3. Поселение сакского времени в горах Едирей

сится к поздне-сакской эпохе и усуньскому времени. В Центральном Казахстане, где исследования ведутся в восточных районах, актуальным является проблема поиска и открытия поселенческих памятников в западной части региона, не выяснена ситуация и для южной полосы. Целесообразно продолжение исследований на территории Северного Казахстана, начатых К.А.Акишевым и М.К.Хабдулиной. Восточный Казахстан еще не охвачен поиском поселений, особенно актуальными являются работы в районах локализации маймерской и пазырыкской культур. Исследование такого важного памятника, как поселение позднедонгальско-раннесакского времени Новошувльбинское на Иртыше [Ермолаева и др., 1998], открывает хорошую перспективу в этом вопросе. Пожалуй, в плане истории исследования, количества открытых объектов, важности предлагаемых выводов и наблюдений, уровня актуализации проблемы и постановки ряда перспективных задач следует отметить работы алтайских исследователей. Хотя о достаточно больших раскопчных объемах работ и здесь говорить нельзя, особенно для Горного Алтая. Одним словом, пока нельзя говорить о целостном, сложившемся поселенческом направлении в археологии сакского времени Евразии. Вместе с тем, имеющийся объем источников подчеркивает актуальность и перспективу работ в данном направлении, материалы поселений начинают применяться в постановке и решении соответствующих проблем, задач. Особенно это заметно в настоящее время и эта тенденция в целом растет [Базарбаева, 2017, с. 165-166; Хабдулина, 2017, с. 45-47].

В восточных районах Центрального Казахстана сейчас открыто свыше 50 поселений, относимых к сакской

ков, 2008; Горячев, 2010; 2011; Горячев, Егорова, 2015], в Северном Кыргызстане [Табалдиев, 2005] на Алтае, в Минусинской котловине (работы П.И.Шульги и ряда других археологов, см.: [Глава II настоящей монографии; Абсалямов, 1977; Амзараков и др., 2015]), Южном Урале [Савельев, 2015].

Поселения сакского времени на указанных территориях исследуются неравномерно. В ряде случаев речь идет только о фиксации памятников или вскрытии небольших площадей. Особо много поселений открыто на территории Жетысу, открытие их продолжается. Основная масса этих памятников отно-

Фото 4. Едирей, гора Алишынбая (Әшекең сораңы)

эпохе (рис.1). Под руководством автора раскопные работы проводились на поселениях Едирей-1, Едирей-3, Керегетас-2, Сарыбуйрат, Кызылсуир-2, Туйетас, Абылай, поселенческая керамика найдена в пункте Бегазы. Помимо этого, на целом ряде памятников автором были произведены шурфовки. Далее, поселение Шидертинское-2 исследовано совместно с В.К.Мерцем [Бейсенов, Мерц, 2010]. В.В.Варфоломеев и М.В.Бедельбаева провели раскопки на поселении Кыштан в Кызылкентском ущелье. А.А.Ткачев произвел раскопки на памятнике Красные горы, который впоследствии В.В.Варфоломеевым [Бедельбаева, Варфоломеев, 2008] был трактован в качестве поселения сакского времени, с чем согласен автор данного раздела. Почти все эти памятники выявлены в восточной части Центрального Казахстана. Исключение составляет поселение Бакатас, обнаруженный автором и Ж.Р.Утубаевым в ходе совместной разведки в районе массива Улытау. Это единственное поселение, которое удалось найти на склонах Улытау, на территории Жанааркинского же района поиски не увенчались успехом. Возможно, здесь сыграла роль кратковременность поисков, еще значительная часть территории Жанаарки остается необследованной, не осмотрена также и территория Нуринаского района. Хотя, на всей обследованной территории указанных районов (Улытау, Жанаарка), поселения, кроме Бакатаса, не встречены и этому должны быть свои причины.

А.А.Ткачев свидетельствовал, что проведенные в 1980-х гг. разведки в районе реки Нура показали немногочисленность курганов тасмолинской культуры, представленных здесь лишь отдельными объектами. Исследователем сделано важное наблюдение: «берега среднего и нижнего течения р. Нуры в условиях увлажнения климата использовались кочевниками достаточно активно только в теплое время года. В зимний период, при постоянно дующих ветрах, пойма реки должна была плотно забиваться снегом и получить воду и корм для скота не представлялось возможным. Природно-климатические условия степных районов Сарыарки способствовали использованию в летнее время берегов р. Нуры при перекочевках только для кратковременных летовок, вокруг которых могли совершаться захоронения людей». По его мнению, крупные могильники тасмолинского населения связаны с районами расположения зимников в восточных горных районах, а сами урочища, где концентрируются яркие памятники, такие как урочище Тасмола на реке Шидерты, являлись «культурно-родовыми и сакральными центрами для значительной группы кочевников Центрального Казахстана» [Ткачев, Волошин, 2011, с. 85].

На фоне имеющихся материалов по восточной части Сарыарки, следует полностью согласиться с мнением этого исследователя, хорошо знающего регион, характер его местностей, в течение многих лет проводившего здесь плодотворные полевые изыскания.

Меткое наблюдение видного ученого А.А.Ткачева может быть применено и в отношении ряда других территорий, лежащих к западу от г. Караганды, в том числе и равнинного Осакаровского района, одного из самых холодных и снежных районов Центрального Казахстана. Нельзя думать, что в гористых восточных районах не бывает снега зимой. Дело в том, что склоны гор и других возвышенностей при частых ветрах неизбежно оголяются, тогда как на равнинах, в долинах рек действительно всё пространство «плотно забивается снегом». Здесь кроется причина того, почему сакские зимние поселения, как и казахские зимовки впоследствии, «поднялись» выше, на склоны. Но именно из-за большого снега, способствующего к серьезным половодьям в весеннее время, в речных

долинах летом вырастала буйная, плотная трава, как говорили в этнографическое время, – «по брюхо коню». В летнее время долины рек превращались в места традиционных летовок, в царство кумыса и молока.

Зимние ветры порождали бураны, иногда затяжные, при сильных морозах они приносили бедствия. В 1889 г. 21 ноября в результате затяжного бурана в Дагандельской волости Каркаралинского уезда, что на территории Шубартауского района бывшей Семипалатинской области, ныне ВКО, пало 370 баранов, 58 лошадей, 17 верблюдов и 11 коров. В Кувской волости, основная часть которой находилась на территории современного Каркаралинского района Карагандинской области, в 1889 г. во время апрельского бурана пало 10 верблюдов, 100 лошадей, 49 коров, 600 баранов. В Сарытауской волости (ныне на территории Каркаралинского района) этого же уезда, 28 апреля 1889 года во время бурана пало 365 баранов, 200 лошадей, 40 коров и 3 верблюда [Попов, 2010]. Последние два события показывают, что «апрельский буран» 1889 г., видимо, бушевал не только в течение многих дней, но и сплошь на значительной территории Каркаралинского уезда. Таковы были последствия зимних ветров. Но, вместе с тем, именно благодаря ветрам оголялись склоны возвышенностей, создавая здесь удобные пастбищные места для скота, особенно мелкого, сгоняя снег вниз, на равнину.

Дореволюционные материалы, прежде всего данные экспедиции Ф.А.Щербины, позволили лучше раскрыть сущность терминов «карабаур», «каракунгей» и «етек». Все три термина имеют отношение к особенностям хозяйствования казахов мелкосопочника. Прежде всего, следует подчеркнуть особое их хождение в среде казахов восточного крыла мелкосопочника, а именно, каркаралинского, баянаульского и чингистауского регионов [Материалы по киргизскому..., 1903; 1905; 1909]. «Черные склоны», «черные солнечные склоны», вот места, где казахи указанных регионов ставили, при возможности, свои зимовки, укрывали «скот и души» (мал-жан). Чаще такие урочища находились с восточной, юго-восточной сторон значительно пологой горы, хребта с рельефно-удлиненными пологими склонами или какой-либо другой важной возвышенности. Нижняя часть этого своеобразного зимнего плацдарма, «койбулюка», т.е. овечьего пастбища, «съедается» पहले, так как, если промедлить, тут сразу ляжет снег и такие участки «позже делаются малодоступными для пастьбы», да и вообще на зимовках «с начала зимы вытравляют низкие места, по которым потом глубокий снег, под конец оставляют более высокие места» [Материалы по киргизскому..., 1903, общий очерк..., с. 38, 97]. Та часть равнины, которая переходит к склонам гор, возвышенностей, называли «етек», подол. Если «подола» нет, говорят «етегы кесилген», т.е. как бы куцый, с «отрезанным подолом», это уже умаляет качество данного пастбища [Материалы по киргизскому..., 1905, очерк..., с. 37]. На етек часто располагаются кузеу (кузек). На кузеках собираются перед окончательным переходом на кыстау, часто ждут, чтобы слишком рано не оказаться на кыстау. Обыкновенно, правильное стояние осенью на кузеке уже означает правильное начало зимовья. Эти и другие термины и понятия бытовали вплоть до 1970-1980 гг. и ушли вместе с тем поколением аксакалов, родившихся в эпоху царя Николая II. Ценность научного источника в том, что сейчас есть возможность оценить и применить такого рода данные в современных исследованиях.

По Павлодарскому уезду, где на юге находился горный баянаульский регион, сотрудники экспедиции Щербины отметили: «гористая часть уезда изобилует удобными

зимними пастбищами, или совершенно свободными от снега, или покрытыми таким тонким слоем, что добывание подножного корма вполне удобно» [Материалы по киргизскому..., 1903, общий очерк..., с. 34].

Так же характеризуется каркаралинский регион, где казахи «выбирают для зимнего времени такие пастбища, на которых или вовсе не бывает снега, или он лежит таким тонким слоем, что не мешает пастьбе. Такими пастбищами, кроме крайнего юга, где снега бывает вообще мало, служат склоны гор, открытые действию господствующих ветров, уносящих снег, а также так называемые карабаур, это ближайшие к подножию гор места с подветренной стороны, с которых ветер, скользящий по склону, взрывает снег и, подхватив его, относит далеко в степь. В этом отношении Каркаралинский уезд находится в счастливых уездах, так как почти всюду имеются эти карабауры и каракунгей, т.е. черные южные склоны, обнажаемые господствующими здесь юго-западными ветрами» [Материалы по киргизскому..., 1905, общий очерк..., с. 5]. «Каркаралинский уезд в обычное время является если не самым многоскотным из всех исследованных экспедицией уездов, так во всяком случае одним из многоскотных» [Материалы по киргизскому..., 1905, Очерки..., с. 50].

Таким же «счастливым» описан и регион Чингистау, где наиболее удобными для хозяйства оказались аналогичные предгорья, нижние части склонов хребта. «Все ущелья, особенно те, которые открыты господствующему SW ветру, забиваются глубоким снегом, как и ущелья, лежащие в непосредственной близости главного хребта Чингисских гор. Вследствие этого главная масса киргизских зимовок расположены на восточной стороне Чингисского кряжа, в его предгорьях. Главное пастбище представляют эти северо-восточные предгорья, с которых SW ветер, дующий через Чингис, сдувает снежный покров, обнажая растительность и землю, как метафорически выражаются здешние киргизы «насыбайлык кар джок», т.е. нет снега даже на понюшку табака, который смачивают каплями воды. Предгорья, с которых сдувается снег, называется карабаур. После него лучшую часть зимнего пастбища представляют кунгей – солнечные пастбища, - расположенные на южных склонах хребтов, сопок и гор. Благодаря развитому рельефу, Чингисские горы богаты кунгями и, благодаря своему расположению поперек господствующему SW ветру, дают огромные площади карабауров, тянувшихся вдоль главного кряжа 200 верст, и вследствие этих преимуществ Чингисские горы считаются в степи лучшим пастбищем, не знают джута, падежа скота от плохой зимы, - почему и установилась слава за Чингисскими горами, как за пупом скотоводства: мал кындыгы» [Материалы по киргизскому..., 1909, 2. Естественнo-ист..., с. 36-37].

Как бы ни казались здесь излишне обширными приведенные данные царских чиновников, тем не менее они наилучшим образом характеризуют горные районы востока Казахского мелкосопочника, где в настоящее время как раз и известны поселения сакского времени. Природа исторической науки признает поступательный, методичный характер процесса. Накопление данных, развитие дальнейших событий позволит внести соответствующие коррективы, в том числе и отказаться от таких, возможно, кажущихся излишне прямолинейными, сравнений. На данном этапе такое сравнение вполне возможно и уместно.

Хозяйственный цикл кочевника восточных районов Центрального Казахстана можно представить по схеме «возвышенность – равнина» или «гора – река». При таких условиях,

Фото 5. Долина реки Жарлы, Каркаралы

скотоводы, укрывавшие на склонах гор свои «скот и души» (мал-жан), боялись не суровой снежной зимы, напротив, опасна была своими последствиями бесснежная зима, еще хуже - зима с ранними оттепелями, приводящими к джуту. Последний в истории казахского хозяйства известен как самое настоящее всенародное бедствие, что общеизвестно. Например, в знаменитый джут 1897/1898 г. в Каркаралинском уезде пало 45% всего поголовья скота [Материалы по киргизскому..., 1905]. Многоснежная зима благоприятна влияла и для казахского земледелия, как отметил это Н.Никитин для казахских хозяйств Семипалатинской области: «говоря об урожайности хлебов, следует отметить громадное значение для последней многоснежных зим, посевов во влажную почву и дождей в мае [Н(икитин), 1898, с. 13-14]. Во время обследования экспедиции Щербины в Айгыржалской волости, близ Чингистау, жители пояснили, что «имеют небольшие посевы при зимовках, косят не каждый год: урожаи бывают только после многоснежных зим» [Материалы по киргизскому..., 1909, 14. Прим..., с. 2-3].

По материалам восточных районов Центрального Казахстана, может быть замечена связь расположения крупных курганов с указанными условиями местности. Древние кладбища располагаются в долинах рек, находящихся в системе горных возвышенностей. Памятники реки Талды устроены вдоль Кентских гор, курганы бассейна реки Жарлы (Нуркен-2, Назар, Серекты и др.) тяготеют горам Каракуйс, Таскотан и др., курганы Акбеит и Карашоки также располагаются на небольших речных долинах внутри горных гряд. По-видимому, относительно крупные и влиятельные кланы занимали такие местности, которые включали в себя наиболее удобные горные гряды, неподалеку от которых находились речные долины с хорошим травостоем. Трудоемкие, сложные работы по устройству элитных курганов проводились в летнее время, когда условия речных долин вполне способствуют к объединению усилий значительного количества людей. Так было и в этнографическое время, когда все мазары более или менее значимых лиц устраивались в речных долинах, при большом стечении народа. Такие мазары строились чаще вблизи призимовочных территорий, на кузеках, а также и на джайляу, но выбирались места вдоль

водных источников. Такая особенность тасмолинских элитных курганов, как применение грунтовых блоков в насыпях, наличие в них ила, дерна опять же связана с условиями речных долин.

В этнографическое время побережья реки Шидерты, известные как знаменитые, раздолные летовки, были в хозяйственном отношении тесно связаны с горными массивами Баянаул и Каркаралы, где находились зимники казахов; возможно, нечто подобное было и в сакское время (подробнее см.: [Бейсенов, 2017в]). Зимовка ага-султана Каркаралинского округа* Турсына Чингисова, утвержденного в этой должности в апреле 1824 г., находилась у подножья Каракуыс, в урочище Бақыбулак (***Примечание.** Термин «округ» в истории Области сибирских казахов относится к периоду до 1867/1868 гг., когда вместо них были открыты уезды в составе двух областей, Семипалатинской и Акмолинской). На берегу реки Жарлы, на расстоянии 15-20 км от зимовки находились летовки вышеназванного султана, где он, как и его сыновья и внуки, устраивал небольшие посевы пшеницы и проса, имел тоганы [Материалы по киргизскому..., 1905, с. 66; История Каркаралы..., 2008, с. 249]. На берегу Жарлы и поныне стоит семейный мазар его. Зимовые места султана Тауке Букейханова, его сына Кусбека Таукина, второго ага-султана после вышеназванного, многочисленных других отпрысков этой семьи, а также многих других казахов располагались в урочищах Кентских гор и их ответвлений, летовки устраивались, как правило, на реке Талды, на расстоянии 20-50 км от зимовых мест. Здесь султанами были сооружены несколько тоганов

*Фото 6. Усыпальница семьи Кусбека Таукина (Букейханова).
Долина реки Талды*

[Бейсенов, 2017д; Коншин, 1901, с. 53]. Семейная усыпальница этих людей также построена на реке Талды. На этой же реке, выше по течению исследованы раннесакские курганы могильника Талды-2.

Река Талды вообще была одним из излюбленных, обширных летовочных пространств для многочисленных хозяйств Кентских гор. Исследователи отмечали: «летовки Кентской волости расположены в трех местах по рекам Талды и Тюндык. Летовки эти находятся в пользовании отдельных родов и расположены против их зимних пастбищ» [Материалы по киргизскому..., 1905, с. 73].

Потомки Батыра Букейханова зимовали в горах Желтау (каз. «ветренная гора») и его окрестностях, что на территории современного Актогайского района, лето проводили на реке Жинишке, проходя всего 15-30 км, где также устраивали небольшие посевы пшеницы. В конце XIX в., во время работы экспедиции Щербины, семья Нурмухамеда Букейханова, отца выдающегося государственного деятеля и ученого Алихана Букейханова, зимовала в местности Каражал на склоне Желтау, на лето аул из пяти хозяйств, состоящих из 24 человек обоого пола, приходил на Жинишке [Материалы по киргизскому..., 1905, с. 231].

Этот список историко-этнографических данных можно было бы продолжить. Из многих нюансов, здесь важны летовочные пространства, находящиеся вблизи от зимовок. При использовании этнографических материалов в изучении раннего железного века необходима известная осторожность. Все стороны казахского быта напрямую переносить на древность нельзя. Этнографический материал должен быть привлечен с района расположения изучаемых археологических памятников. Без учета этого, взятые из обширного перечня материалов царской эпохи данные казахских групп, родов, местностей, о которых современный исследователь нередко не имеет понятия, не принесут пользы. В восточной части Сарыарки в сокращении или же удлинении перекочевков казахов на летовки, в изменении мест последних, могла играть роль земельная теснота, на что в свою очередь влияло изъятие царской властью значительной части казахских земель, а также и демографические процессы в среде казахского общества. В период XIX – начала XX вв., до печально известных мероприятий советской власти, численность казахов росла неуклонно и быстрыми темпами. В материалах Ч.Ч.Валиханова, М.Красовского видно, что огромное значение для казахских хозяйств степных округов середины XIX в. играли долины рек Нура, Шидерты, Уленты, Есил, Тобыл, куда стекались аулы, выйдя весной из гор, лесов, приречных тугаев и приозерных камышей [Валиханов, 1985а; 1985б, с. 108; Материалы для статистики..., 1868а]. В середине XIX в. здесь в летнее время накапливались, говоря словами Красовского, до 30 волостей [Материалы для статистики..., 1868а, с. 385]. К концу XX в. казахские хозяйства восточной части мелкосопочника уже занимают многочисленные летовочные пространства вдоль практически всех небольших степных рек, озер.

Что касается сакской эпохи, вряд ли ошибочным будет представление о том, что тасмолинского населения было намного меньше, чем казахов на этой территории в XIX в. Невозможно представить необходимость в дальних перекочевках малочисленных древних коллективов, если мы исходим из примерно одинаковых природных условий, - для восточных районах Центрального Казахстана. Ни о каких массовых, «таборных» кочевках «тасмолинцев» речь не должна идти, это касается и «маймерцев», «бесшатырцев» и др. сообществ раннесакского времени. Данные по тасмолинской культуре говорят о массе небольших могильников, оставленных малыми общинами из близкородственных семей, что еще отмечал М.К.Кадырбаев [1966]. Это положение вполне верифицируется результатами изучения зимних поселений, имеющих небольшие площади.

Этнографические материалы из жизни казахов восточной части мелкосопочника позволяют провести некоторые сравнения для выяснения вопросов образа жизни населения сакского времени, чьи памятники располагаются на этой территории. Этого позволяет делать наличие в этом районе определенного минимума по раскопанным могильникам и поселениям. Некоторые исследования по части возможности сравнения археологических и этнографических данных показали актуальность в данном вопросе материалов по казахским общинам таких регионов, как Каркаралы, Баянаул и Чингистау.

Согласно археологическим данным, при рассмотрении которых могут быть применены территориально соответствующие этнографические сведения, сакское население восточной части Центрального Казахстана в основном проживало в чертах обширных гористых возвышенностей, устраивая и зимовки и летовки сравнительно недалеко от друг от друга. Говоря иными словами, наибольшая плотность этого населения была характерна для районов и местностей с указанными природными особенностями.

В археолого-этнографических параллелях в данном случае важен вопрос пребывания групп населения в зимнее и летнее время. Казахская этнография обширна. У казахов многие этнографические особенности совпадают или очень близки между собой. Это касается многочисленных данных по хозяйству, домашним промыслам, постройкам из камня, глины, дерна, дерева и т.д. Особая осторожность нужна в сравнении данных по перекочевкам, прежде всего, в выяснении особенностей системы зимовок и летовок. Понятно, что изготовление войлока, юрты или, например, таких специфических казахских продуктов, как айран, кумыс, курт, везде было одинаковым. Но такого однообразия нельзя ожидать в определении кыстау и жайляу, так как этот вопрос зависит от *конкретных природных условий* района обитания той или иной группы.

Приведем некоторые примеры. Жители части южных, более равнинных Акчатауской, Моинтинской волостей Каркаралинского уезда, как и ряда южных волостей соседнего Акмолинского уезда, пересекая Бетпақдалу, на зиму уходили в район реки Чу [Бедельбаева, Бейсенов, 2017, с. 6-10], также в пески Мойынқум. Акчатауские, моинтинские земли находятся в восточной части Центрального Казахстана, но занимают ее южную окраину. Чу, Мойынқум находятся еще южнее, за пределами Центрального Казахстана. Для акчатауских и моинтинских казахов побережья реки Чу всегда считались благодатной землей, своей вотчиной для зимовий. В конце XIX в. часть территорий побережий реки Чу была в составе Чуйской волости Каркаралинского уезда [Попов, 2010]. Ранее эти чуйские земли были в составе Моинтинской волости. Благодаря беспрестанному ходатайству служащих уезда, сильно отдаленная Чуйская волость в 1905 г. была изъята из состава Каркаралинского уезда и передана в состав близлежащего Аулиеатинского уезда (на территории современной Жамбылской области) Сырдарьинской области.

Следует ли теперь сделать вывод, что «тасмолинцы» района Акчатау и Моинты имели зимники на реке Чу, исходя из этих конкретных этнографических данных? Разумеется, нет. По крайней мере, до тех пор, пока не будет получен и соответственно исследован археологический материал из этих районов. Должно состояться исследование вопроса.

Укажем на исторический случай «исчезновения» Сарысуской волости в начальный этап советского строительства, в 1920-х гг. Эта волость располагалась на реке Сарысу на территории современного Жанаркинского района Карагандинской области. «Потерявшаяся» советская волость в осенне-зимний период была «обнаружена» южнее, на территории современной Жамбылской области, в районе Чу и Мойынқум. Как выяснилось, вопреки подозрениям чекистов никакой крамолы и антисоветчины не было, хозяйства своевременно убыли на зимовки. Вскоре перекочевки были остановлены в ходе дальнейших событий конца 1920-начала 1930-х гг., волость была прикреплена к новой территориальной администрации. Таким образом, донныне в составе Жамбылской области присутствует административная-территориальная единица под названием «Сарысуский район», хотя сама река эта находится на территории соседней Карагандинской области. Следует отметить, что именно для хозяйств таких более равнинных районов Центрального Казахстана были характерны большие перекочевки. Если уж переносить данный вопрос из этнографии на археологию сакского времени, то нужно отметить необходимость соответствующих исследований прежде всего в районе реки Чу, горы Хантау и их окрестностей, традиционно связанных с Центральным Казахстаном. Проводить подобные сравнения с районами Сырдарья, в особенности, Приаралья, оснований нет.

Какие районы могут быть особо применимы для этнографических параллелей на фоне материалов восточной части Казахского мелкосопочника? Для XIX в. речь идет о Степных округах Сибирского ведомства, на территории которых затем, в результате реформы 1867-1868 гг., были созданы уезды с областным, как и прежде сибирским, подчинением. Для восточных районов Казахского мелкосопочника интерес должны представлять территориально соответствующие уезды в составе тогдашней Семипалатинской области (не путать с Семипалатинской областью советской эпохи! - А.Б.).

Это, прежде всего, материалы по Каркаралинскому уезду. Эта единица представляет собой огромную территорию. Семипалатинская область занимала площадь в 442.245,2 кв. верст и состояла из 5 уездов. Среди последних один только Каркаралинский занимал площадь в 181.430,6 кв. верст и соответственно 41,4% (!) от всей территории области [Волости и населенные..., 1895, с. 1; Памятная книжка Семипалатинской..., 1901, Стат. свед., с. 1]. В природном и историко-этнографическом отношении близки к каркаралинскому региону ряд районов на территории Павлодарского и Семипалатинского уездов. В Павлодарском уезде интерес представляют южные гористые волости: Акпеттауская (Акбеттау), Кызылтауская, Аккелинская, Баянаульская, Далбинская, Карамулинская. Все эти волости, ранее составлявшие основу Баянаульского округа, располагаются на территории современных баянаульских и пришидертинских земель. В Семипалатинском уезде наибольший интерес должны представлять чингистауские волости, общий ареал которых примыкает к каркаралинскому региону с востока. Все чингистауские волости ранее были в составе Каркаралинского округа, затем в ходе реформы 1867-1868 гг., были выведены оттуда с целью укрупнения Семипалатинского уезда. Здесь, в районе хребта Чингизтау, оказались важными, прежде всего, материалы по Чаганской, Бугулинской, Чингизской, Мукурской, Кызылмулинской волостям [Материалы по киргизскому..., 1904; 1906; 1909]. Таким образом, если исходить из районов ныне известных поселений и могильников тасмолинского времени, то для историко-этнографических параллелей интерес должны представлять прежде всего каркаралинский, баянаульский и чингистауский регионы. Все указанные выше природные характеристики, оказавшиеся очень удобными для ведения скотоводства в условиях Восточной Сарыарки, являются общими для этих трех регионов.

Вопросы датировки поселений

Поселения восточных районов Центрального Казахстана на основании керамики (рис. 2-5, 26-60), и других находок, в том числе немногочисленных металлических (бронзовых) предметов (рис. 7, 1-5), в ряде публикации были датированы автором в рамках периода VII-V вв. до н.э. Результаты радиоуглеродных анализов, полученные в лабораториях России, Украины и Великобритании по костным образцам из поселений, подтверждают такую датировку. То, что эти поселения на востоке Центрального Казахстана бытовали уже в VII в., как будто не вызывает возражений. Вместе с тем, в настоящее время актуальным является вопрос нижней даты поселений.

М.К.Хабдулина поселения улыбай-тасмолинской культуры Северного Казахстана рассматривает в рамках периода VIII-VI вв. до н.э. [Хабдулина, 2003]. Материалы этих поселений настолько близки к аналогиям из Центрального Казахстана, что отделить их друг

от друга практически невозможно. Памятники Северного Казахстана являются местным локальным вариантом тасмолинской культуры (или историко-культурной общности) [Хабдулина, 2017, с. 35]. Это мнение серьезно подтверждается по материалам поселений.

Полученные к настоящему моменту многочисленные углеродные даты, основная масса которых проведена в лаборатории Великобритании, комплекс археологических данных позволяют датировать погребальные памятники сакского времени Центрального Казахстана периодом VIII-V вв. до н.э. [Бейсенов, 2015; 2016б; 2017г, табл.2].

Радиоуглеродные даты из поселений в какой-то степени также подчеркивают актуальность вопроса нижней даты. Интересны в этом отношении прежде всего данные лаборатории Великобритании, полученные по двум поселениям - Тагыбайбулаку, жилище 2 и Сарыбуйрату (табл. 1). Калибровочные данные укладываются в рамках следующего периода: не ранее середины VIII и не позже V в. до н.э.

Таблица 1. AMS ¹⁴C даты проанализированных образцов из поселений тасмолинской культуры (Центральный Казахстан). Анализы проведены в лаборатории Королевского Университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания, исполнитель – С. В. Святко. Материал – кость животных

п/н	шифр	поселение	¹⁴ C BP	Калибровка Сигма 1 (1 σ 68,3)	Калибровка Сигма 2 (2 σ, 95,4)
1	UBA-24075	Поселение Тагыбайбулак, жилище 2	2461±30	CalBC 751–683 (0.399) 668–637 (0.177) 624–615 (0.031) 591–510 (0.392)	CalBC 759–678 (0.313) 673–429 (0.687)
2	UBA-25472	Поселение Сарыбуйрат, раскоп 2	2421±30	CalBC 537–411 (1.000)	CalBC 747–685 (0.166) 666–641 (0.050) 587–580 (0.005) 558–403 (0.780)

Жилище 2 поселения Тагыбайбулак, по всей вероятности, является одним из самых ранних среди известных (изученных) памятников такого рода. Поселение знаменательно тем, что на его площади исследованы два жилища, относящиеся к двум последовательным историческим этапам.

Жилище 1 (фото 7), раскопанное М.К.Кадырбаевым в 1974 г. [Маргулан, 1979] и первоначально включенное в ряд памятников эпохи поздней бронзы, в настоящее время рассматривается в рамках донгальского (позднедонгальского) периода. Изученное относительно недавно жилище 2, однослойное, дало раннесакский материал. Таким образом, два жилища, находящиеся рядом, в 10 м друг от друга, дали материалы двух взаимосвязанных этапов – донгальского и раннесакского (подробнее см.: [Бейсенов, 2014б]). По радиоуглеродному анализу, калибровочные значения как по Сигма 1, так и по Сигма 2 в качестве нижней границы бытования жилища 2 указывают на середину-вторую половину VIII в. до н.э.

В.Г.Ломан по особенностям керамики одним из самых ранних считает поселение Едирей-1 и предлагает для него дату – VII в. до н.э. (см. Глава III). Исследователь исходит из того, что он датирует донгал периодом VIII в. до н.э. При такой ситуации хронология всей раннесакской эпохи будет начинаться лишь с VII в., с чем согласиться нельзя. Дон-

Фото 7. Тагыбайбулак, жилище 1. Из архива А.С.Ермолаевой

лений сакского времени предположил несколько позднюю дату поселения Сарыбуйрат, с чем согласился автор настоящего раздела. В совместном исследовании 2009 г. было отмечено, что, «время существования поселения Сарыбуйрат следует относить к VI (VI-V) вв. до н.э.» [Бейсенов, Ломан, 2009, с. 244].

Сарыбуйрат – самое крупное из всех выявленных поселений сакского времени востока Центрального Казахстана, площадь его составляет около 10 000 га. Второй важной особенностью поселения является его планировка. На его площади нет отдельно стоящих домов (жилищ, хозпостроек). Все строения на его площади связаны друг с другом и представляют очень своеобразную общую планировку, сложную и довольно обширную для рассматриваемых памятников (см. ниже). Внутри общей планировки как бы выделяются три больших жилищно-хозяйственных комплекса, из которых раскопано два. Эти особенности (значительная площадь, особая планировка), может быть, носят хронологический характер и отмечают изменения, эволюцию в развитии поселенческой традиции тасмолинских племен. Как бы то ни было, полученная в дальнейшем углеродная дата (табл. 1) подтвердила относительно позднюю дату памятника. По Сигма 1 поселение датируется периодом VI-V вв. до н.э. По Сигма 2 среди четырех калибровочных значений наибольшее по вероятности (0.780) охватывает также период VI-V вв. до н.э. Следует отметить, что и в целом ряде других случаев углеродные даты по тасмолинским памятникам неплохо коррелируют и подтверждают археологические даты.

Вероятно, многочисленные курганы и могильники бассейна реки Жарлы, такие как Нуркен-2, Назар-2, Серекты-1 и др., расположенные в речных долинах, связаны с поселениями типа Кызылсуир-2, Сарыбуйрат, Абылай, Туйетас, находящимися неподалеку, на склонах и в ущельях гор. Некоторый свет на эту проблему могут пролить дальнейшие открытия и исследования поселений в этом районе.

Поселение, как известно, не является закрытым комплексом. В большинстве случаев для углеродного анализа используются кости. Здесь исследователи не избавлены от

гальский период должен датироваться значительно ранним временем – рубежом II-I тысячелетий до н.э. А.Е.Касеналин предложил период X-IX в. в качестве второго, завершающего этапа донгала [Касеналин, 2017, 207 б.]. В.В. Потаповым была предложена более ранняя дата и для нурских памятников Поволжья [Потапов, 2003]. Жилище 2 поселения Тагыбайбулак и поселение Едирей-1 следует относить к периоду VIII-VII вв. до н.э.

В.Г.Ломан, опять же исходя из особенностей керамики, еще в начале керамологических исследований материалов посе-

случайностей, так как кости на поселение могут попасть из ближайшего окружения, например, из более ранних памятников, или же их могут на площадь поселения занести гораздо позже звери, собаки. На площади поселения могут пребывать люди в более поздние периоды. Приведем пример. На двух поселениях Едирейской группы (Едирей-1, Едирей-3) в Киевской лаборатории в 2006 г. были получены поздние даты, указывающие на конец I тысячелетия до н.э. [Бейсенов, 2017г]. Этот период связан с памятниками коргантасского типа. Тогда как керамика и другие данные этих поселений будто бы исключают наличие на них слоя этого периода. Новые материалы, возможно, дадут какие-либо уточнения.

Фото 8. Погребение коргантасского времени на площади поселения Шидертинское-2. Фото В.К.Мерц

Имеющиеся данные, с другой стороны, показывают факты пребывания коргантассцев в районах поселений сакского времени. Вблизи поселения Сарыбуйрат автором были раскопаны два захоронения коргантасского периода. В трех случаях, а именно на сакских поселениях Кызылсуир-2, Шидертинское-2 и Абылай, прямо на их площадях, в развалах каменных строений вскрыты по одному коргантасскому погребению, прорезавших культурный слой предыдущей эпохи [Бейсенов, Мерц, 2010; Бейсенов, Гимранов, Ахияров, Дуйсенбай, 2017] (фото 8, 9). Это обстоятельство позволяет заключить, что к началу коргантасского периода сакские поселения уже были заброшены. Если учесть, что период коргантаса датирован IV-II вв. до н.э., в том числе и на основе углеродных данных, то определение V в. в качестве верхней хронологической границы существования сакских

поселений востока Центрального Казахстана получает дополнительное основание.

Таким образом, рассматриваемые поселения восточной части Центрального Казахстана датируются в рамках периода VIII-V вв. до н.э. Самые ранние из них, по-видимому, появились в период VIII-VII вв. до н.э.

В отношении ближайшего окружения этих поселений можно отметить наличие на гребнях и высоких склонах возвышенностей каменных курганов, как правило, небольшой высоты и диаметра. Они еще не были предметом специального интереса. Один из двух курганов близ поселения Керегетас-2 (второй не раскопан)

Фото 9. Погребение коргантасского времени на площади поселения Абылай

заключал неглубокую грунтовую яму, ориентированную по линии З-В. В ограбленной могиле сохранилась часть костей скелета человека, ориентированного головой на З. Два небольших кургана вскрыты на гребне горы Сарыбуйрат, буквально у подножья которой находится одноименное поселение. Здесь, в первом кургане могильника Сарыбуйрат-2, в грунтовой могильной яме глубиной 0,4 м, ориентированной по линии СЗ-ЮВ, найдены лишь разрозненные отдельные кости человека. В кургане 2, в грунтовой яме глубиной 0,35 м, лежал скелет человека, без вещей. Антропологические исследования показали, что череп, принадлежавший мужчине 40-45 лет, по своим особенностям входит в тасмолинскую серию [Бейсенов, Исмагулова, Китов, Китова, 2015]. Возможно, такие небольшие курганы с каменной насыпью, с незначительной глубиной могил, принадлежавшие рядовому населению, сооружались вокруг поселений в холодное время года, на высоких склонах или гребнях возвышенностей, где не бывает снега. Это мнение требует уточнения.

О хозяйстве населения

Согласно материалам археологических исследований, на территории Казахстана в эпоху раннего железного века преобладало скотоводческое направление экономики, традиции которого сложились еще предыдущие эпохи. Исследователи сходятся во мнении, что эволюция придомного пастушества привела к сложению в степях Евразии в эпоху финальной бронзы той формы скотоводства, которую принято называть отгонной (отгонно-яйлажной) [Варфоломеев, 2011; Потапов, 2017].

Поселения, открытые на востоке Казахского мелкосопочника, небольшие, устроены на северо-восточных, юго-восточных, южных склонах возвышенностей. Имеют очень характерную планировку с преобладанием каменных толстостенных строений приземистого облика, тонкий культурный слой. Они не могут считаться стационарными круглогодичными поселками. Это зимники тасмолинского населения, по крайней мере той его части, которая обитала в восточных районах мелкосопочника. Эти памятники, вкуче с материалами их исследования, могут служить подтверждением того мнения ученых, согласно которому в начале сакской эпохи в среде степного населения установилась кочевая форма хозяйствования, в основе которой лежала посезонная регламентация пастбищных угодий (разработки К.А.Акишева). Из всех открытых поселений восточной части Казахского мелкосопочника наибольшую площадь имеет Сарыбуйрат – около 10000 кв. м. Остальные поселения значительно меньше по площади. Поселение Едирей-1 занимает площадь в 3600 кв. м., Керегетас-2 – 2650 кв. м, Абылай – более 2000 кв. м. Основная масса поселений состоит всего из нескольких небольших строений.

Зимний аул казахов Восточной Сарыарки состоял всего из нескольких хозяйств. Могут представлять интерес в этом отношении данные по зимним аулам Каркаралинского уезда, собранные экспедицией Ф.А.Щербины. На его территории в конце XIX в. аулов, состоящих из 10 и более хозяйств, было меньше всего, свыше 2% от общего числа. Самый распространенный тип аула, это 2 хозяйства – 27,3%. Аулы, состоящие из 1 или 2 хозяйств, вкуче составляли 42,7% [Материалы по киргизскому..., 1905, очерки..., с. 19].

Говоря о скотоводстве древнего населения Центрального Казахстана, М.К. Кадырбаев отмечал, что «носители тасмолинской культуры были прежде всего пастухами и конными воинами» [Кадырбаев, 1966, с. 415]. Исследователь, основываясь на материалах своих раскопок, писал о типах лошадей и овец у тасмолинцев. Лошади были двух типов:

один – низкорослый, толстоногий с массивной головой, широким туловищем, другой – более рослый, использовавшийся конными воинами. Тасмолинские овцы были крупными, по мнению специалистов, близкими к казахским курдючным овцам. Вместе с тем, эти овцы «обнаруживают значительные сходства с дикими формами, и, в частности, с архаром» [Кадырбаев, 1966, с. 414-415].

У казахов степные лошади, «низкорослые и толстоногие» по характеристике М.К.Кадырбаева, в хозяйстве имели исключительное значение благодаря удивительной приспособленности к условиям степей, в том числе способности добывать корм зимой.

Согласно этнографии и письменным данным, в обычной ситуации на снегу средней плотности казахские лошади, на областной территории, тебеневали на глубину «в 0,5 аршина» (аршин 0,71 м, - А.Б.), что считалось «нормально глубиной». Бывали особые зимы, когда взрослые кобылы и жеребцы в табуне буквально прокапывали в снегу глубокие и широкие траншеи (обычно вытянуто-округлых, овальных очертаний), а за ними шли молодые особи. Так, в одну снежную зиму баянаульские казахи в конце XIX в. гнали табуны на север, в леса, в Маралдинскую волость. Согласно рассказу очевидца, «лошади, добывая себе корм, зарывались в снег чуть ли не до самой спины» [Материалы по киргизскому..., 1903, общ. очерк, с. 41]. Неплохо добывала корм в мягком и невысоком снегу и казахская овца.

Казахская порода лошадей была прекрасно приспособлена степным условиям, не требуя особого ухода, хорошо выдерживала дальние расстояния. Красовский подчеркивал «летучесть» казахской почты: «одвуконь едущий почтарь делает в сутки 200, а на одной лошади 150 верст. На малых расстояниях киргизская почта всегда, да и на больших очень часто, обгоняет нашу летучую» [Материалы для географии..., 1868а, с. 238]. Еще ранее С.Броневский также свидетельствовал, что казахи начала XIX в. за день могли покрывать очень большие расстояния. У этого автора, казахи «в езде не знают утомления, быстро перебегают иногда 200 верст в один день». Всадники «опытны в искусстве знания свойств лошади, умеют сберечь ее силы, для вынесения бега, иногда простирающегося далее всякого вероятия». Броневский привел пример, когда «один султан, по виду богатырь, в коем весу было, по крайней мере, около 8-ми пуд», с несколькими товарищами «одвуконь перебежал в одни сутки 300 верст, частью через горы, по каменистому грунту; они не чувствовали никакой усталости, жаловались только, что не спали». Он полагает, что «примеры такие бесчисленны» [Броневский, 1830, ч. 42, кн. 121, с. 173-174].

Согласно исследованиям, тасмолинцы являлись жителями степной глубинки, рассеянными небольшими общинами по удобным урочищам и хорошо адаптировавшимися, как и казахи впоследствии, к условиям окружающей природы. Лошади и овцы в их хозяйстве, возможно, играли такую же роль.

Традиция гончарства в раннесакскую эпоху продолжилась, но уже не имела того значения, имевшегося в хозяйстве населения предыдущих периодов. Керамика, обладающая безусловным единством (рис. 2-5, 26-60) для всего рассматриваемого ареала, представлена гораздо меньше, чем это характерно для поселений эпохи бронзы. Немногочисленность керамики объясняется широким распространением в сакскую эпоху кожаной, деревянной, металлической посуды. Бытует мнение, что в тасмолинских курганах полностью отсутствует керамика. Сейчас это положение должно быть пересмотрено. Новые исследования памятников в восточных районах Казахского мелкосопочника убеждают нас в том, что тасмолинцы один или несколько сосудов ставили в насыпи кургана.

Фрагменты керамики найдены в курганах могильников Кызыл, Сати, Нуркен-2 Серекты-1, Бақыбулак, Карашоқы, Кособа, Акбеит, Акбеит-6 и др. Чаще фрагменты керамики встречены в насыпи в центральном секторе, в районе могильной ямы. В процессе ограбления сосуда разбиваются, их редкие обломки находят как здесь, в районе грабительского лаза, так и в заполнении и на дне могилы. Основная масса керамики из насыпей курганов (рис. 6) обнаруживает близкое сходство с поселенческой. Редкому образцу относится один (рис. 6, 7) из трех фрагментов, найденных в курганах могильника Нуркен-2. Такой фрагмент сосуда с уплощенными желобками на высокой шейке не встречен среди поселенческой керамики. Все остальные формы из насыпей курганов хорошо известны среди поселенческой посуды.

По сравнению с памятниками эпохи бронзы мало также и костей животных. Некоторые данные изучения костей животных (к.б.н. Б.У.Байшашов, к.и.н. Д.О.Гимранов) показало, что в едирейских поселениях много костей овцы и лошади, а на поселении Абылай – мелкого рогатого скота, затем крупного рогатого скота и лошади [Бейсенов, Гимранов, Ахияров, Дуйсенбай, 2017].

Но в отношении ситуации с костями животных приходится быть осторожным, ибо перед нами не поселения эпохи бронзы, оставленные оседлыми группами, материалы которых давно и успешно служат основой для классических разработок по скотоводству. Жители сакских поселений кости могли сжигать в качестве топлива, как в этнографическое время. Высока вероятность использования в качестве топлива и кизяка (тезек, қи) в сакское время. Этот вид топлива не потерял своего значения и поныне (фото 10).

Каменные орудия (рис. 8-11) найдены на поселениях в большом количестве. В основном они повторяют известные типы орудий бронзовой эпохи, те же «мотыжки», «скребла и терочки», «зернотерки и куранты» и т.д. Материалом для них служили местные породы, имеющиеся в районах расположения поселения. На поселениях в районах гор Каракуыс, Едирей (минералогические определения орудий проведены к. г.-мин. н. Н.Л.Панкратовой, к. г.-мин. н. А.В.Павлюцем) и Таскотан выявлено разное соотношение пород камней в изготовлении орудий.

На поселении Сарыбуырат, в районе горы Каракуыс, жители больше использовали гранит. Среди отобранных для определения 88 орудий 47 (53%) сделаны из гранитных пород, далее следуют кварциты, липариты, сланцы, песчаники и др. [Бейсенов, Ломан, 2009, табл. X]. На поселении Керегетас-2, что в Едирейских горах, среди отобранных 35 орудий всего пять сделаны из гранита (7%), остальные представлены изделиями из базальта, дацита, песчаника, алевролита и др., примерно в равных пропорциях [Бейсенов, Ломан, 2009, табл. XIII]. На поселении Абы-

Фото 10. Кизяк (қи). Босага, Агадыр. Центральный Казахстан

Фото 11. Каракуйс, скала Туйетас (Верблюд-камень)

песты, терочники, скребла, абразивы и др. На поселении Абылай найдены изделия, напоминающие жертвенники (рис. 11, 1-3), обычно находимые в погребениях тасмолинской культуры. Часть каменных орудий подверглась трасологическому (к. и. н. А. А. Плешаков, Петропавловск, Казахстан; к. и. н. Н. Ю. Кунгурова, Барнаул, Россия) анализу [Бейсенов, Ломан, 2009]. Как показали трасологические исследования, по количеству на первом месте стоят мотыги (рис. 9), которых на каждом раскопанном поселении найдено по несколько десятков. Зернотерок (рис. 8, 1-6; 11, 4) на поселениях также довольно много. К примеру, на поселении Сарыбуйрат из 210 каменных орудий 93 являются мотыгами, 16 орудий представлены обломками зернотерок и курантов. В Центральном Казахстане зернотерки находят и в насыпях тасмолинских курганов (рис. 8, 7-11).

Трасологическое изучение показало использование основной части мотыг в земляных работах. Вместе с тем, имеются также экземпляры со следами от твердой поверхности, их меньше.

Особенностью мотыг на сакских поселениях является их малая величина, малый вес, по отношению к экземплярам эпохи бронзы Казахстана. Как показали экспериментальные работы в Западной Сибири, с помощью мотыги ирменской культуры, вес которой был 500 г, могли неплохо выполнять вторичную обработку почвы. Для рыхления поверхности почвы, удаления дерна требовались другие орудия [Сидоров, 1986]. Для эпохи бронзы Казахстана характерны более массивные мотыги. Так, мотыги из поселений Атасу и Мыржык имеют вес 1-2 кг [Ержанова, 2015].

Среди мотыг сакского поселения Кызылсуир-2 основную часть составили орудия весом от 200 до 500 г, более тяжелых – меньше. Самая массивная мотыга с этого поселения весит 974 г, размеры 13,5x9,6x3,3 см (фото 12). Аналогичная картина имеется и на поселении Тагыбайбулак. Здесь самая крупная мотыга весит 706 г. (размеры 14x7,7x3,5 см). Мотыги весом около 400-500 г и больше могли быть применены в земляных работах, в том числе в земледелии.

лай, находящемся на расстоянии 25 км севернее Сарыбуйрата, но уже в системе горной возвышенности Таскотан, на площади 208 кв. м (раскоп 1) найдено свыше 200 каменных орудий и заготовок. Проведенные к. г.-мин. н. А.А.Антоненко определения показали, что большая часть орудий и заготовок представлена туфами, 65,8% от общего числа, затем, гранитами, 20,6%, и песчаниками, 6,3%. Далее имеются орудия из туфо-песчаника, 2,9%, алевролита, 1,6%, аргиллита, 1,6%.

Среди каменных орудий имеются многочисленные мотыги малых форм, зернотерки, куранты,

Фото 12. Мотыга
из поселения Кызылсуир-2

Вместе с тем, все мотыгообразные орудия не являются обязательно орудиями для работы именно с землей. Для определения их основной функции необходим трасологический анализ. На поселении Абылай (раскоп 1) найдено 68 мотыгообразных орудий, также есть зернотерки и терочные плиты, но трасологическое определение еще не проведено.

Среди сакских мотыгообразных орудий встречаются совсем небольшие, миниатюрные изделия весом 100-200 г. Такие орудия могли быть использованы как режущие-ударные орудия по дереву, с их помощью могли удалять кору с дерева, рубить кустарник. Например, такие орудия найдены на поселении Сарыбуйрат [Бейсенов, Ломан, 2009, с. 141]. В этнографическое время казахи восточных районов мелкосопочника рубили кустарник для корма скоту и для топлива. Следующие данные относятся к казахам чингистауских волостей. «Бозкараган идет на корм скоту, его

на корню ест карамал (верблюды, рогатый скот и овцы), или собирают его, как суррогат сена. На востоке и юго-востоке района караган и тобылгы употребляется на топливо» [Материалы по киргизскому..., 1909, Естественно-ист..., с. 5]. В Чингисских горах, по их ущельям, склонам «растут арча, итмурын, бадамча, каратыкень, ушкат, тасджарган, майкараган, бозкараган, тобылгы. Все эти кустарники потребляются на топливо» [Материалы по киргизскому..., 2. Естественно-ист., с. 40].

Многие орудия представлены различными терочниками, пестами, скреблами и др. (рис. 10), использовавшимися в обработке кожи. Обращает внимания такой факт, - костяные орудия представлены лишь единицами. На поселении Сарыбуйрат найден костяной совок, на поселении Абылай (раскоп 1) – обломок тупика и еще двух неопределенных орудий.

В ходе трасологических исследований по зернотеркам и курантам специалистами отмечены следующие категории следов:

- 1) от частиц, имеющих острые грани;
- 2) от растирания веществ наподобие красок;
- 3) от растирания веществ растительного происхождения;
- 4) от растирания злаков.

По данным трасологических определений, на поселениях сакского времени Центрального Казахстана люди перерабатывали злаки. Это говорит о том, что при преобладании скотоводства, тасмолинцы имели небольшие посева. Многочисленные мотыги могли применяться в обработке почвы. С помощью каких орудий «тасмолинцы» производили рыхление поверхности, вопрос особый. Некоторые приемы областных казахов показывает не только хорошее знание природных особенностей мест своего проживания, но и указывает на какие-то древние способы работы с землей. Согласно С.Б.Броневскому, в начале XIX в. казахи вместо бороны применяли «засушенный корень дерева с сучьями» [Броневский, 1830, ч. 42, с. 193]; согласно материалам экспедиции Щербины, рыхлили уже политую поверхность земли. Казахское земледелие на всей территории, где проживали казахи, было в основном поливным, различались, главным образом, площади посевов,

урожайность, вообще удельный вес этой отрасли в хозяйстве в зависимости от конкретных регионов. На областной территории небольшие площади, часто в 1-5 десятины, с хорошим, значит ровным и густым, выходом боз (коде), обильно поливали и напиткивали водой из арыка, проведенного из ручья, после чего производилась вспашка, рыхление поверхности, иногда участок засевали перед вспашкой. Работа на таких небольших посевах выполнялась исключительно ранней весной, в апреле, когда земля еще не успела высохнуть, затвердеть. Этот срок совпадал, с другой стороны, с периодом, когда семьи переходили с зимовок на летовки.

Возможно, нечто подобное существовало в хозяйстве скотоводческого населения сакского времени восточной части Центрального Казахстана. Имеющиеся данные позволяют ожидать хорошую перспективу в изучении этого вопроса. Антропологические данные тасмолинской культуры показывают, что преобладающим был белковый рацион питания при низкой доле углеводов [Бейсенов, Исмагулова, Китов, Китова, 2015, с. 141]. Вместе с тем, чисто скотоводческий уклад в экономике степных народов бывает очень редко, всегда присутствует земледелие в той или иной степени.

Впервые по материалам тасмолинской культуры был проведен изотопный анализ для изучения диеты населения (табл. 2). Работы проведены С. В. Святко в лаборатории Королевского университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания. Для анализа были использованы образцы костей 27 человек из 27 курганов и трех животных (два из поселений, один из кургана) тасмолинской культуры из 30 памятников Центрального Казахстана. По результатам радиоуглеродного анализа все образцы датируются периодом VIII-V вв. до н.э., как и тасмолинская культура в целом.

Табл. 2. Образцы костей людей и животных тасмолинской культуры, использованные для изотопного анализа [Святко, Бейсенов, 2017]

Лаб. шифр	$\delta^{13}\text{C}$	$\delta^{15}\text{N}$	C:N_{at}	% колл.	Пол	Возраст	Полевой шифр
Кости людей							
UBA-28344	-19.1	14.5	3.1	19.4	-	4-5	Бакыбулак, к. 14
UBA-23671	-17.6	15.4	3.3	4.2	♀	25-35	Карашоқы, к. 8
UBA-25474	-18.9	13.7	3.1	32.1	♀	35-45	Кызыл, к. 3, левый скелет
UBA-28346	-18.0	15.9	3.3	11.2	♀	45-55	Кызылкой, к. 1
UBA-28349	-18.9	13.7	3.2	16.2	♀	18-25	Курган Жамантас
UBA-28350	-19.2	14.0	3.2	15.2	♀	18-25	Кызылшилик, к. 8
UBA-28352	-18.6	14.1	3.2	14.0	♀	25-35	Бирлик, к. 15
UBA-28353	-17.5	14.0	3.2	6.1	♀	35-45	Бирлик, к. 29
UBA-23664	-14.1	14.3	3.2	16.4	-	-	Койтас, к.
UBA-23666	-17.1	15.8	3.2	9.0	-	-	Бакыбулак, к. 15
UBA-23667	-14.5	15.2	3.3	11.7	-	-	Талды-2, к. 2
UBA-23669	-18.4	14.1	3.2	10.3	-	-	Назар-2, к. 2
UBA-23670	-17.7	15.0	3.3	6.9	-	-	Акбеит, к. 2
UBA-23673	-18.2	13.3	3.2	7.0	-	-	Тайсойган, к. 3
UBA-24917	-18.5	13.6	3.1	18.7	-	-	Кособа, к. 2
UBA-28347	-18.7	13.3	3.2	15.0	-	-	Тандайлы-2, к. 2

UBA-28351	-17.3	15.4	3.2	13.7	-	4-5	Акбеит, к. 7
UBA-28366	-18.2	15.0	3.2	4.1	-	-	Бакыбулак, к. 2
UBA-23665	-18.7	13.9	3.2	8.8	♂	25-35	Назар-2, к. 1
UBA-23668	-17.7	15.1	3.2	13.7	♂	25-35	Карашоқы-6, к.1
UBA-23672	-15.7	16.2	3.3	7.9	♂	55+	Акбеит, к. 1
UBA-24916	-18.2	13.1	3.1	17.6	♂	25-35	Кызылшилик, к. 2
UBA-24918	-18.4	15.5	3.1	17.5	♂	35-45	Комплекс «37 воинов», к. 11
UBA-25473	-18.1	10.7	3.1	13.4	♂	25-35	Бегазы, к.7
UBA-28343	-17.3	14.5	3.2	15.4	♂	35-45	Нуркен-2, к.1, нижний скелет
UBA-28345	-17.2	16.6	3.2	15.3	♂	35-45	Бектауата, к. 1
UBA-23674	-16.0	16.9	3.2	13.4	были кости взросл. и ребенка 1 года		Карашоқы, к. 1
Кости животных							
UBA-23677	-19.1	8.5	3.2	3.6	-	-	Поселение Тагыбайбулак
UBA-24915	-19.9	6.9	3.2	5.7	-	-	Кызылшилик, к. 2, край насыпи, крепида
UBA-25472	-19.6	13.4	3.1	23.1	-	-	Поселение Сарыбуйрат

Исследования показали следующие результаты. Изотопные показатели людей отличаются большим разбросом как $\delta^{13}\text{C}$, так и $\delta^{15}\text{N}$ (средние значения $-17.7 \pm 2.6\%$ и $14.5 \pm 2.4\%$ соответственно), и в среднем на 1.8‰ и 6.8‰ выше аналогичных показателей животных. Один из образцов (Бегазы, курган 7), с самым низким значением $\delta^{15}\text{N}$, возможно, был интерпретирован ошибочно и принадлежит травоядному.

По мнению С.В.Святко, большой разброс показателей изотопных значений углерода у людей говорит о том, что в их рацион в разной степени входили растения C_4 , по всей видимости, просо. Особенно это видно по образцам четырех людей с наиболее высокими показателями $\delta^{13}\text{C}$ из могильников Койтас (курган 1), Талды-2 (курган 2), Акбеит (курган 1) и Карашоқы (курган 1) [Святко, Бейсенов, 2017]. Все упомянутые индивиды с наиболее высокими уровнями изотопов углерода датируются VIII-VI вв. до н.э., что говорит о существовании проса в Центральном Казахстане в раннесакское время.

Стоит отметить, что эти указанные четыре индивида происходят из элитных курганов, что, возможно, говорит в пользу того, что просо входило в рацион представителей высших слоев тасмолинского общества. То есть блюда из проса не являлись едой только для рядового населения. Изотопные данные по тасмолинской культуре согласуются с результатами флотации культурного слоя поселения Абылай, проведенной Н.Е.Рябогиной и А.С.Афониным в Тюменском научном центре РАН. В культурном слое этого поселения были обнаружены карбонизированные зерна проса и ячменя (материал готовится к печати). По изотопным данным, потребление проса было зафиксировано в Центральном Казахстане в памятниках конца эпохи бронзы [Святко, Бейсенов, 2017]. Как видно, эта традиция была продолжена в начале раннего железа.

О значении проса у степных народов в этнографическое время сказано немало. Казахи не исключение. Различные каши, талкан, похлебки, напитки, изготовленные из проса (тары) и пшеницы (бидай), были очень широко распространены на всей территории, где проживали казахи. Они не забыты и поныне. Особого значения имел и сам инструмент измельчения этих злаков, - деревянная ступа, называемая кели (келі) (фото 13-14).

В сакское время бытовали в Центральном Казахстане и ручные мельницы из двух каменных жерновов. В двух курганах с «усами», раскопанных на территории Каркаралинского района в составе могильников Кабакши и Караоба, были найдены по два каменных жернова, находящиеся под насыпью, в центре, и положенные в «рабочем состоянии», т. е. один на другом. В обоих случаях комплексы представляли тип 1, состоящий только из одной насыпи с отходящими на восток каменными грядами. Другие находки в обоих случаях отсутствовали.

Курган с «усами» 3 могильника Кабакши имел диаметр 8,5 м, длина гряд: северная - 35 м, южная – 28 м. На поверхности верхнего камня (фото 15) в центре расположено основное отверстие диаметром 4 см, на расстоянии 8 см от которого имеется одно углубление для деревянной ручки. Диаметр углубления 2, 5 см и глубина 2 см. Диаметр верхнего камня 33 см, толщи-

Фото 14. Ступа (келі) начала XX в.
Фонды Карагандинского областного музея.
Фото Д.Т.Шашенова

на 5, 5 см. Диаметр нижнего камня 34, 5 см, толщина 4, 5 см, здесь диаметр центрального отверстия – 3, 5 см. Курган с «усами», изученный в составе большого рановременного могильника Караоба из свыше 70 различных объектов погребального и поминального назначения, расположен в южной части ансамбля. Диаметр насыпи 5 м, длина северной и южной гряд - соответственно 50 и 39 м. Диаметр верхней плиты 34 см, толщина 6, 5 см. Имеется центральное отверстие диаметром 5 см и два углубления для ручки, диаметры их 2, 5 и 2 см, глубина соответственно 1,5 и 1,2 см. Диаметр нижней плиты 35 см, толщина 4, 5 см (фото 16). Диаметр отверстия – 2,5 см. Судя по рабочей поверхности плит, в обоих случаях жернова использовались в работе.

Размеры этих жерновов, найденных на расстоянии свыше 100 км друг от друга, их центральных отверстий и углублений для ручек примерно одинаковые. Это говорит о бытовании в Центральном Казахстане устойчивой традиции изготовления этих мельниц.

Фото 13. «Толчение проса на реке Нура». Фото С.М.Дудина.
По [Резван, 2016]

Фото 15. Жернова из кургана с «усами» 3 могильника Кабакиши.
1, 2 – верхний камень, 3, 4 – нижний камень

ма для казахов того времени не такая маленькая. В конце XIX в. среди баянаульских казахов, в Кызылтауской волости, «выделка 1000 сырцовых кирпичей стоило 3 рубля или козылы кой», а изготовление «юрты в 8 канатов хорошей работы – 40 рублей» [Материалы по киргизскому..., 1903, с. 118]. По данным Каркаралинского уезда, Аксаринской волости, лошадь казахи продавали по 12 руб., верблюды стоил 20 руб., корова – 8, а баран – 3 руб. [Материалы по киргизскому..., 1905, Очерк..., с. 45]. Устойчивый характер изготовления и продажи «жерновных и точильных камней» у казахов говорит о глубокой традиционности этого промысла. М.К.Кадырбаев в свое время отмечал высокий уровень традиции работы с камнем у тасмолинского населения [1966, с. 423].

По материалам Алтая, где неоднократно были найдены каменные жернова в памятниках сакского времени, исследователи уверенно говорят о бытовании в скифо-сакскую эпоху ручной мельницы, а также о существовании в хозяйстве населения региона земледельческой отрасли, наряду с главенствующей ролью скотоводства [Молодин, Бородовский, 1994; Соёнов, 2003; Шульга, 2012]. Это же можно сказать и по отношению к восточным районам Центрального Казахстана.

В этнографическое время в Казахстане повсеместно широко бытовали аналогичные жернова. По материалам Красовского, у областных казахов изготовление и вывоз на линию каменных жерновов и точил было распространенным и довольно доходным промыслом. Так, в 1861 г. «жернового и точильного камня было вывезено» на линию из четырех таможенных дистанции, Петропавловской, Пресногорьковской, Омской и Коряковской, всего 2508 штук на сумму 220 руб. Камня добывали «во многих горах каждого округа». Причем, хотя в округах было «множество местностей, изобилующих мельничными и точильными камнями», для вывоза имели значение «только близлежащие», так как из других мест вывозить камень было далеко [Материалы для географии..., 1868а, с. 284-285]. Указанная сумма для казахов того времени не такая маленькая.

Фото 16. Жернова из кургана с «усами» из могильника Караоба

В дореволюционных материалах имеются интересные сведения об особенностях земледелия у казахов, в том числе и по интересующему нас сибирскому ведомству. Этот вопрос не изучался на должном уровне. В настоящее время каких-либо углубленных исследований, в первую очередь, по хозяйствам областных казахов, также не проводится. Причина не только в приоритетах советской исторической науки, которая в целом не стремилась вскрыть многие специфические стороны степного хозяйства, а была заинтересована прежде всего в освещении «глобальных» социалистических преобразований в жизни вчерашних «отсталых кочевников». Одна из важных причин малоизвестности степного земледелия заключается в самом характере источниковедческих данных, разбросанных в публикациях разного уровня. Эти данные отрывочные и поверхностные, так как не являются результатом каких-либо целенаправленных разработок. Авторы зачастую ограничиваются сведениями, отражающими их собственную оценку, нежели результаты исследования. Это характерно для большинства публикаций тех времен. Разумеется, есть и важные данные, оставленные хорошо знавшими степные регионы авторами. В число последних входят материалы авторов, по настоящему знавших как казахскую степь, так и самих казахов, таких заслуженных деятелей, как Н.Я.Коншин, В.Н.Никитин и многих других сибиряков.

Для областных казахов исключительную важность имеют материалы экспедиции Ф.А.Щербины, представляющие собой результаты беспрецедентного масштабного статистического исследования хозяйства и земельных отношений казахов. Некоторые взгляды, рассматривающие результаты экспедиции всего лишь в рамках колониальной политики царизма, на самом деле не учитывают высокую научную ценность собранных материалов. Блестящие результаты экспедиции во многом были обязаны ее начальнику и организатору – выдающемуся русскому ученому, исследователю, основоположнику русской бюджетной статистики Федору Андреевичу Щербине, русскому патриоту, человеку многогранной деятельности и яркой личности [Галутво, 1999; 2016; 2017; Галутво, Ратушняк, 2016; Дмитриев, Корицкий, 2000].

Ф.А.Щербина привлек в работу многих специалистов, в том числе казахов А.Букейханова, М.Чумбалова, Д.Сатыбалдина, И.Тилекеева, У.Абишева, Г.Саркина, Е.Итбаева и других образованных лиц, владевших методикой данного исследования и хорошо знавших степные регионы. Многие помощники Щербины попросту были не только сторонниками его методики, но и приверженцами его политических взглядов. Как и сам руководитель экспедиции, отбывавший ссылки, его помощники тоже были из неблагонадежных, тот же Л.К.Чермак, А.Букейханов, И.Ф.Гусев и др.; известно, что не только сам А.Букейханов, но все другие казахские сотрудники этой экспедиции скоро оказались в рядах Алаша* (*Примечание. Политическая партия зарождавшейся в начале XX в. казахской национальной буржуазии, созданная А.Букейхановым. Первоначально стояла на кадетских взглядах. Национальное самоопределение, автономизация и просвещение народа по западному образцу стала затем основным определяющим курсом. Впоследствии члены партии были уничтожены советской властью). Сам А.Букейханов, экономист и статистик, сформировался как первоклассный специалист в этой экспедиции. Его глубокое знание степного региона было приумножено профессиональными навыками, хорошей методикой сбора и обработки данных.

В ряде советских публикаций отрицается какая-нибудь польза от материалов экспедиции, что далеко не соответствует действительности. Федор Щербина крайне негативно отнесся к большевизму, за какие-то несколько лет каким-то чудом предвидев последствия ближайшей перспективы. Поэтому, причины отрицательной оценки работы Ф.А.Щербины в советское время понятны. Сейчас отношение к его неординарной личности, его наследию опять же неоднозначное, но это не имеет решительно никакого отношения к его материалам по казахским хозяйствам, в частности по областным казахам.

Современные исследователи, хорошо знакомые с проблемами истории Казахстана дореволюционной эпохи, состоянием источников, отмечали положительную в целом роль экспедиции Ф.А.Щербины в жизни казахов того времени, подчеркивали важность материалов экспедиции для научных разработок [Асылбеков, Сеитов, 2003, с. 105-112; Тасилова, 2016]. Вся казахская команда Ф.А.Щербины была собрана лично А.Букейхановым, исследователи также допускают возможность того, что Л.К.Чермак, И.Ф.Гусев, И.Д.Трипольский, находившиеся в ссылке в казахских степях, тоже оказались в составе экспедиции благодаря ему [Асылбеков, Сеитов, 2003, с. 105-106]. Многие согласны с тем, что хорошие результаты экспедиции Ф.А.Щербины, в частности, по областным казахам, обязаны также и его команде. Как бы ни казались громоздкими некоторые отмеченные ниже положения, свойство и характер материалов экспедиции требуют определенного пояснения по ряду обстоятельств.

Касательно самих материалов, - речь идет о статистической форме сбора данных. Сведения по земледелию областных казахов в материалах экспедиции Щербины отражены в разных и разбросанных по группам хозяйств разделах и таблицах, примечаниях. Такая форма материала требует от читателя большого внимания, охвата всех данных, многих «мелочей», а не громких мнений, в конечном счете определенной аналитической работы, не говоря о каком-либо знании самих районов обследований и этнографических нюансов. Поэтому, для исследователей, ориентированных на быстрое выписывание готовых цифр, отражающих численность скота, площадь казахских пашен, урожайность, такие материалы не могли принести весомую пользу. В таком случае упускается один из самых важных моментов, а именно, прослеживаемый в материалах экспедиции Щербины сам *характер земледелия* областных казахов, уникальный и невидимый для постороннего взгляда.

Листая Щербину, можно увидеть, что на областной территории земледелие не являлось отдельным занятием, параллельным скотоводству, как того хотели видеть многие исследователи и неизбежно приходили к выводу о его «отсталости». Казахское земледелие на областной территории являлось дополнительной отраслью внутри скотоводства, поэтому те или иные изменения в «земледелии», по существу отражали особенности, формы и темпы развития самого степного скотоводства. Такая ситуация, по-видимому, имела место уже с самого начального этапа становления и развития кочевого скотоводства, почему и должен интересовать нас данный аспект. Именно этого стоит заметить исследователю степной, «кочевой» формы хозяйства. В степи изначально нет земледелия, как оно существует в Средней Азии, у русского крестьянина, у украинца-хлебороба. Исследователи у областных казахов искали то, чего не было в природе. Разумеется, о своеобразии степного земледелия отмечали задолго до Щербины и Букейханова, например, тот же Левшин. Дело в том, что в материалах экспедиции Щербины этот вопрос можно увидеть, следя

за данными статистики, по «природным районам», «хознаулам» и «административным аулам», примечаниях по разным «мелочам». Раз так, тут не обошлось и без экологического фактора, столь нужного в деле исследования степного хозяйства. В районах досточно полноводных рек у казахов мелкосопочника постепенно развивалась тоганная форма поливного земледелия, образовывались оседлые районы, где уже скотоводство отходит на второй план.

Несколько моментов о «достоверности» сведений экспедиции Щербины, поскольку они снова касаются особенностей степного образа жизни вообще [Некоторые проблемы источниковедческого..., 2012]. Исследователи еще с царских времен ставили вопрос о заниженности цифровых данных, касающихся количества количества казахского скота. Возможно, с этим можно согласиться. Главная причина этого была не в условиях работы экспедиции в казахских степях, не в погрешностях ее, а также и не только в том, что казахи утаивали подлинную численность своего скота, чтобы меньше платить налоги и подати, как, в частности, считал еще царский специалист А.А.Кауфман.

Сознательно уменьшать численность своего скота, не хвастать перед чужими количеством скота, равно как и детей, является старинной казахской традицией. Вот как объяснил это положение исследователь конца XIX в. «Приведенные цифры надо принимать лишь за приблизительно верные. Дело в том, что скотовод-киргиз твердо верит, что если сделать правильное исчисление скота, а тем более сообщить полученную цифру другому, то его табуны непременно постигнут всевозможные несчастья и они сильно уменьшатся. Такое суеверье заставляет кочевников скрывать действительное количество своего скота и при расспросах показывать число, гораздо меньше действительного, а потери – сильно преувеличивать. По глубокому убеждению киргизов, преувеличение потерь оградит их стада от несчастий на будущее время» [Волости и населенные..., 1895, с. 25]. Так называемые частые жалобы казахов нередко являлись следствием такого положения дела, здесь необязательно ставить вопрос о желании скотоводов платить меньше подати, возведя это в абсолют, хотя последнее нельзя также вовсе сбрасывать со счета. Не иначе было и с детьми. Вот один из фольклорных данных. Бертис Шаншарулы, би, правитель своего улуса, имел почетное прозвище «Каркаралы хан Бертис». Жены ему родили 17 сыновей, помимо девочек, которые, согласно традиции, не считались. Однажды он прогневил бога, заявив, что бога бояться ему нечего, имея 17 сыновей. Будто бы это произошло в словесной перепалке с бухарским ханом. В течение трех дней все его сыновья умерли один за другим от внезапной болезни. Так говорит предание. Тут есть одна неясность; умалчивается, была ли это божья кара или несчастье было послано как людское проклятье. Могила этого Бертиса некогда стояла севернее озера Балхаш.

Дореволюционные материалы требуют осмысленного подхода к цифрам, бумагам тех времен. Что касается количества скота казахов, домов, пашен, сенокосов и т.д., недостоверным, кажется, было многое. Неточности были направлены в сторону уменьшения. Многие трудности в делопроизводстве имели место особенно в отдаленных уездах, где канцелярии служащих казались маленькими островками среди безбрежных степей. Выше была указано, какую громадную территорию охватывал Каркаралинский уезд. Моинтинская волость Каркаралинского уезда располагалась на 4108943 десятинах, это примерно 40000 кв. км, Дагандельская имела площадь в 2818100 десятин, довольно «средняя» Аксаринская - в 1059500 десятин [Волости и населенные..., 1895, Прил.]. На

таких территориях добиваться достоверности численности казахского скота, устраивать любые проверки, были задачей не из легких. Доставлялись в уездные канцелярии сведения от казахских волостных управителей, опиравшиеся, в свою очередь, на донесения аульных старшин; далее, составленные в уездной конторе отчеты отправлялись наверх, в Омск, без излишних сомнений.

Приведем пример. В Каркаралинском уезде, в Темирчинской волости, административный аул 1, хозаул 17, проживала в ур. Карабаур семья Абеу Ермека, отца известного деятеля, члена Алаша, математика Алимхана Ермекова, чьим именем названа улица в г. Караганде. В материалах Щербины видим следующие данные по хозяйству. Зимовка основана 80 лет назад. 1 хозяйство, 6 душ о.п. 1 юрта, 2 шым уй, 2 шошала. Лошадей и жеребят 30 и 11, коров и телят 3 и 1, верблюдов 4, овец с ягнятами 183, коз 16. Нанимают пастухов и работников 3 человек, годовых. Имеют сенокосение, сеют. Убирают сено 300 копен. Сеют 2 пуда пшеницы [Материалы по киргизскому..., 1905, А. Поаульн. табл..., с. 231]. Эта семья слыла богатой, глава семьи Абеу Ермек не раз избирался управителем Темирчинской волости [Попов, 2010]. Приведенные данные записаны сотрудниками экспедиции, но тем не менее, возможно, эти данные о численности скота (у волостного управителя 30 взрослых лошадей и 3 коровы!) не совсем соответствуют для хозяйства известного в Каркаралинском крае бая. Вот данные по хозяйству Акбая Жандеркина, также неоднократно служившего управителем Бериккаринской волости, отца Жакып (Якуб мурза) Акбаева, бывшего членом Алаша, юриста по образованию. Административный аул №4, хозаул №6. Зимовка в урочище Тогерек-тас. 4 хозяйства, 16 душ о. п. 4 юрты, 2 шым уй и 2 агаш уй, 4 шошала. Лошадей и жеребят – 223 и 48; коров и телят – 19 и 9; верблюдов и бота – 20 и 2; овец с ягнятами – 508; коз и козлят – 23. Не сеют. Сенокосы на 5-ти участках, в 2-х верстах от кыстау. Все 4 хозяйства убирают сено, на своей земле – 650 копен, на арендованной – 140 копен.

Современные исследователи, допуская недостоверность в цифрах в материалах экспедиции, тем не менее, в целом их не считают особо значимыми. Метод сплошного обследования хозяйств показал многие преимущества данного исследования. Сведения привязаны к конкретным хозяйствам, их можно рассматривать в связи с теми или иными особенностями данного района, данной местности и данного урочища. Материалы экспедиции со своей стороны во многом дополняют сведения, содержащиеся в бумагах отчетного характера.

М.Красовский еще в 1860-х гг. напрямую предостерегал быть осторожным по отношению к сведениям, находящимся в отчетных материалах степных округов. В частности, негативную оценку он дал по отношению к цифрам по количеству каменных домов у казахов, считая эти данные неверными и сильно искаженными. По его мнению, часто аульные старшины «сами не знают» о возводимых домах, «или не понимают о каких домах приказы* запрашивают их» (*Примечание. Речь идет об окружных приказах, замененных после реформы уездными канцеляриями).

Как отмечает Красовский, дело по составлению сведений ведется в степи «чрезвычайно небрежно, из отчетных цифр окружных приказов положительно нельзя вынести никаких верных заключений о ходе домостроительства у киргизов» [Материалы по географии..., 1868в, с. 217]. Приведенный Красовским пример по Атбасарскому округу

весьма красноречив. В 1862 г. он насчитал «в одном Кара-кенгирском бассейне», по крайней мере 100 казахских домов, «сложенных из дикого камня или землебитного кирпича». Но, как отмечает Красовский, «в отчете окружного приказа за этот год их показано в целом округе, как показывает таблица, всего 7, а в 1863 году всего два» [Материалы по географии..., 1868в, с. 220]. Искажение по каменным домам здесь составляет пропорцию 1: 14. Но и это не отражает какой-нибудь серьезной ситуации, так как приказ для целого округа указал цифру 7, тогда как Красовский только для бассейна реки Каракенгир назвал цифру 100. В действительности, территория целого округа значительно больше чем последний, следовательно, и домов было намного больше.

Во времена обзора Красовского, в 1863 г. в Каркаралинском округе было 17 волостей, 102 аула, 18398 кибиток, 105 домов [Материалы по географии..., 1868в, с. 221]. При этом на каждую волость приходилось 6,2 домов, а на каждый аул 1 дом. Можно ли такие данные брать в счет для разных исследований, сказать весьма сложно. Ведь вполне серьезный обозреватель того времени Красовский отчетные цифры не только Атбасарского, но и других округов считал «сильно неверными» [Материалы по географии..., 1868в, с. 220]. Таково положение дела с казахскими домами (зимовками), по бумагам областной территории.

Нелишне будет указать на одно обстоятельство по поводу количества «домов» у казахов. Рациональное зерно для понимания ситуации держится в словах того же сердитого Красовского, который обвинял канцелярию и казахских волостных и аульных старшин в том, что они «не понимали» друг друга. Скорее, это так и есть. Казахи времен Красовского, да и времен Щербины, свои зимние постройки не называли «домом». Это «кыстау», «кора», построенные хоть из чего. Сплетенные в одну связку постройки заключали в себе и жилую часть и хозяйственные помещения, в которых держали скот, сено для молодняка, кизяк, все что угодно. Юрты они не могли назвать, так как бумага требовала «домы» из камня, дерева, сырца и т.д. «Дом» казахи представляли в виде отдельного строения, например, на манер русской избы, внутри которой есть большая печь. Практичные старшины и волостные, чтобы не злить канцелярию, могли написать первую попавшуюся цифру: «имеем 3 дома». Вроде ответили начальству, чего еще. Этого для канцелярии и требуется. Летучка на косматых полудиких «киргизцах» мчится, одвуконь, на областной манер, поднимая пыль и пугая сурков, в Семей, старой пикетной дорогой, через Ку, далее Аркалык и Едирей, или по новому Майлыгаринскому тракту, - обогнув Кент, через Догалан. Сведения затем идут в Омск, туда, откуда все и началось. Запроси беспокойная канцелярия Аксаринскую волость сведения о количестве печей, возможно, пришел бы тоже ответ: «печей в нашей волости не имеется» или «имеем 6 печей». На волость. Казахи имели «казандык», а не печь. Внизу горит огонь, сверху готовится еда. Всё – в казане, что установлено сверху. Если все это готовится вне «дома», то это – «ошак». Среди аульных казахов был «ауылнай», он же «старшын», обычно малый весьма бывалый, плутоватый, как рисует его образ фольклор и художественная литература, но непременно «умный», хорошо знающий «город», «русских». Отвечать требовалось вовсе не честно, но умно. Основная масса хозяйственных сведений в отчетах по областным казахам шла из рук таких «старшын», являвшихся настоящим «экономистом и статистом» аула, а не от волостного управителя, лица важного и политического, обладателя высочайше подаренного халата, а то и вовсе «Анны» какой-нибудь. Одним словом, современный исследователь должен

учитывать природу некоторых неточностей в канцелярских бумагах. Другое дело – сплошное обследование хозяйств, цифры сплошные, «мелочи».

Согласно материалам экспедиции, в двух аулах вышеуказанных каркаралинских волостных записаны 4 шым уй и 2 агаш уй, не считая шошала и юрт. В двух аулах, состоящих всего из 5 хозяйства (семей), в т. ч., 1 хозяйство у Ермековых и 4 хозяйства у Жандеркиных, зарегистрированы 6 зимних строений, кора. Как быть с такими данными, как 7 или 2 «каменных домов» на весь Атбасарский округ?! В Каркаралинском округе в 1863 г. было в 17 волостях всего 105 «домов». На каждый «аул» примерно приходилось 180 хозяйств и 1 «дом». Если «домы» самовольно превратить в зимовки, то, таким образом, в одной зимовке обитали 180 хозяйств. Это совсем мало и для 1860-х гг. Похоже, Красовский злился не без основания. У Красовского есть пояснения и насчет «увеличения» количества «домов». «В 1863 году число домов у областных киргизов становится в 5 раз более, нежели их показано было четыре года назад. Произошло это конечно, не потому, что действительно так быстро продвигалось вперед домостроительство между киргизами, но потому, что отчетные цифры с каждым годом становятся ближе и ближе к истине». Но, как отмечает, он, в «отношении каменных домов и землянок* цифры отчетов положительно никуда не годятся: они сильно малы противу действительности» [Материалы по географии..., 1868в, с. 219]. (*Примечание. Это не землянки, применяемые в качестве разновидности древнего жилища в археологических исследованиях. «Землянками», «землебитными домами» в то время называли казахские постройки, имеющие каменные основания и поставленные на них стены из сырцового кирпича, дерна. Сложность в том, что остается неясным более точный характер стен: сырцовый кирпич или же дерн, или же комбинация их. В разных случаях могли применить разные варианты стен по отдельности, могли и вместе. Это следует учитывать особо).

Ф.А.Щербину строгие оппоненты упрекали в злоупотреблении средними величинами. Этот момент для историко-археологических разработок не особо важен. В исследованиях, целью которых является поиск возможностей условных параллелей с древними эпохами, усредненные данные не являются предметом первой необходимости. Напротив, усредненные цифры, взятые без известной диалектики, испортить результат могут. Например, по вопросу казахских домов, зимовок, первостепенное значение имеют топография и планиграфия, материал, данные техники строительства зданий, важно также вскрыть условия их привязки к тем или иным местностям. По вопросу земледелия также усредненные цифры могут не отражать реальную картину.

На севере Павлодарского и Семипалатинского уездов, на территории которых располагаются баянаульские и чингистауские волости, протекает река Иртыш. Сведения, касающиеся хозяйства прииртышских казахов, например, по сенокосению, земледелию, промыслам и др., нельзя рассматривать вкуче с соответствующими материалами южных гористых волостей. Для историко-археологических параллелей такие неточности и искажения тем более недопустимы. На крайнем юге Каркаралинского уезда проживали земледельцы на реке Чу, данные которых, в особенности, относительно площади пашен, урожайности, нельзя распространять на хозяйства остальных традиционно скотоводческих волостей. Благо, во всех трех томах, посвященных указанным трем уездам, даны специальные пояснения на этот счет.

Согласно материалам экспедиции, в Павлодарском уезде в среднем 24,2% казахских хозяйств имели посевы. «В среднем по уезду» на одно сеющее хозяйство приходится 1,6 десятин посева [Материалы по киргизскому..., 1903, общ. очерк..., с. 42]. В Семипалатинском уезде в 1900 г. засчитали 19571 казахских хозяйств, куда не вошли хозяйства на арендованной у правительства земле. «Сеют менее половины всего числа хозяйства и высевают в среднем не свыше трех пудов зерна на хозяйство» [Материалы по киргизскому..., 1909, введение, с. 6-7]. По Каркаралинскому уезду авторы сразу отметили в сторону Чуйских земледельцев, которых описывали отдельно, и, за исключением их, средний показатель сеющих хозяйств по уезду вышел - 14,5%. На одно сеющее хозяйство приходится 2, 2 пуда зерна [Материалы по киргизскому..., 1905, очерк..., с. 35]. Вот средние показатели, к которым надо подходить с учетом особенностей той иной местности, урочища.

Согласно материалам экспедиции, в северных прииртышских волостях Павлодарского и Семипалатинского уездов показатели сеющих хозяйств, объема посева на одно хозяйство выше, чем в баянаульских и чингистауских волостях, находящихся в их составе. В более однородном в природном отношении (нет Иртыша) Каркаралинском уезде средние показатели отражают более реальную картину степного скотоводческого хозяйства, находящегося в условиях восточного крыла Казахского мелкосопочника. Но поскольку в помощь приходит данные по волостям, по отдельным группам хозяйств, можно отчетливо увидеть силу экологических условий каждой местности.

На севере Павлодарского уезда, в прииртышской Маралдинской волости 71% казахских хозяйств имеют посевы, Алкакульской – 58% [Материалы по киргизскому..., 1903, общ. очерк..., с. 44]. В собственно баянаульских гористых волостях картина другая. Наибольшие показатели здесь характерны для Аккелинской волости – 28,31% сеющих. В остальных волостях процент сеющих хозяйств ниже, например: Чакчанская – 2%, Акбеттауская – 10%, Баянаульская – 11,15%. Отсюда видно, что на средние показатели по уезду по вопросу земледелия повлияли данные Маралдинской, а также соседних с ним других северных волостей. Такая же картина по Семипалатинскому уезду. В прииртышской Бескарагайской волости в конце XIX в. хлеб сеяли 70,39% от всех казахских хозяйств, в Аккумуляской волости – 67,91%, а в Арчалинской – 85,63%. Что касается чингистауских волостей, расположенных в мелкосопочнике, то их данные таковы: Чаганская – 16,62%, Бугулинская – 21,42%, Чингисская – 23,28%, Мукурская – 32,06%. Эти данные показывают, что при изучении казахского хозяйства, тем более с какими-то параллелями с древними эпохами, к усредненному данным по регионам следует подходить с осторожностью. Например, материалы по традиционному хозяйству баянаульских казахов не следует безоговорочно сравнивать с данными по Павлодарской области в целом.

Также и с археологическими материалами. По данным В.К.Мерц, в Павлодарском Прииртышье сейчас известны поселения сакского времени. Если будут получены достаточные раскопочные материалы, то будут ли они схожи с данными поселений из мелкосопочника, например, по таким показателям, как планировка, особенности возведения стен, мощность культурного слоя и насыщенность его находками, количество керамики и т.д.? Скорее поселения, раскопанные где-нибудь в Аксу или на севере Майского района, не говоря о памятниках правобережья, будут значительно различаться от поселений, раскопанных в черте мелкосопочника. Между тем, на них могли обитать одни и те же группы, входящие в одну этнокультурную общность.

Каркаралинский уезд, более однородный из-за отсутствия такой большой реки, как Иртыш, на самом деле имеет также свои особенности по части распределения сеющих хозяйств. Хотя уезд был обследован не полностью, данные, имеющиеся по 14 волостям, всё же дают определенную тенденцию. В Сарытауской волости сеяли 1,25% хозяйств, Кувской – 2,18%, Бериккаринской – 10,22%, Кентской – 11,83%, Аксаринской – 18,68%. В Нуринской волости посевы имели 27,73%, Кызылтауской - 39,62% хозяйств. В Темирчинской сеяли 45,53%, а в Токраунской – 64,87% хозяйств. Если на эти данные смотреть, за исключением Токраунской волости, то можно заметить увеличение процента сеющих хозяйств по мере приближения к горно-долинным местностям. Хозяйственная жизнь Токраунской волости была крепко связана с одноименной рекой, распространение казахского земледелия здесь наиболее ощутимо. Токраунское земледелие - явление сугубо степное, получившее развитие среди исконных скотоводов, но, к сожалению, неизученное. Еще в начале 1860-х гг. Красовский на реке Токраун отметил 5 водяных мельниц [Материалы по географии..., 1868а, с. 177]. Экспедиция Щербины не провела обследование Котанбулакской волости, расположенной южнее, на этой же реке, и имевшей, скорее, также большой процент сеющих хозяйств.

Отмеченная выше тенденция наибольшего распространения степного земледелия, в условиях восточной части мелкосопочника, в горных оазисах, обеспеченных родниками и речками, в районах степных рек, опять же находящихся в системе самого мелкосопочника, может учитываться в изучении древних форм этого занятия. Тем не менее, без углубленного исследования поселений эти подходы не дадут какого-либо результата. В том числе важными были бы данные пристального обследования побережий рек, родников внутри мелкосопочника.

Красовский для середины XIX в. средний урожай пшеницы в казахских хозяйствах по всей областной территории полагал в сам-7, что опять же является усредненной величиной. Отметив три вида казахского тары, - конак, акбикеш (в источнике «ак-кичек», - А.Б.) и коныршолак, - он средний урожай проса предполагал от сам-50 до сам-75 [Материалы по географии..., 1868а, с. 293]. К концу XIX в. то ли выросла урожайность у казахов, то ли Красовский дал сильно усредненные цифры, в любом случае в материалах экспедиции приведены другие данные. В Чаганской волости хозяйства Группы №219 «пашут места, где растет коде и бетеге, где среди них оазисами расположены заросли карагана и тобылгы, а в нем растет шайыр, на поверхности нет камней; почва кызылкуренг – каштановая, глубина 6 вершков, ниже белая глина. Пашню поливают. Вода проведена из реки Чаган. Поливка делается весной, на свежую землю сеют и потом ее пашут, а затем боронят по старой пашне 3, по нови 5 раз; через 15-30 дней поливают пашню во второй раз, через 30 дней после этого третий раз. Пшеница родится сам-14, просо сам 150-160, овес сам-15» [Материалы по киргизскому..., 1909, 2. Естественно-ист., с. 32].

Данные по соседним каркаралинским казахам будто бы подтверждают возможность такого урожая. Урожайность богарных и арычных пашен различалась. Поэтому в первом случае старались больше сеять: «при арычных пашнях можно обходиться меньшей запашкой, чем при богарных». В Токраунской волости была распространена исключительно арычная пашня, тогда как в Аксаринской господствовала богарная система. В первой на одно хозяйство приходится в среднем 1,7 пуда пшеницы на посев, а во второй – 3 пуда. [Материалы по киргизскому..., 1905, очерк..., с. 68]. Для богарных пашен северных

волостей Каркаралинского уезда высший урожай пшеницы в среднем был сам-10,7. Для арычных пашен этих же волостей этот показатель равнялся в сам-15. А для арычных пашен Токраунской волости даже средний урожай был в сам-15 [Материалы по киргизскому..., 1905, очерк..., с. 78]. Впрочем, в целом ряде случаев и на богарных пашнях казахи снимали более высокий урожай, значительно превышающий указанный средний показатель. Так, в Аксаринской волости «для пашни выбирают места с темной почвой и хорошим бозом, т.е., с злаковым покровом», средний урожай пшеницы сам-15, а проса сам-150 [Материалы по киргизскому..., очерк..., с. 77, 79].

Сколько же высевали казахские хозяйства на областной территории? Материалы экспедиции показывают, что в среднем семья высевала не менее 2-3 пудов пшеницы. Если для орошаемых пашен каркаралинских волостей в среднем на хозяйство взять меньший показатель, всего в 2 пуда, то при урожае сам-15, что является хорошим показателем для Аксаринской и ряда других северных волостей, но средним для Токраунской, одна средняя казахская семья собирала 5 центнеров хлебного зерна.

Разумеется, нам неизвестно сколько собирали урожай в сакское время. Данные по небольшим казахским посевам, приспособленным ко всему скотоводческому хозяйству, опять же указывают на определенные тенденции.

В Баянауле, в Аккелинской волости, аул Сатпай Шотека (Сэтбай Шөтүкүлы, - А.Б.), родного деда первого президента Академии наук в Казахстане, геолога Каныша Имантаевича Сатпаева, зимовавший в урочище Айрык, состоял из 7 хозяйств. Два хозяйства сеяли хлеб, 2 десятины, на дальнем жайляу, в 120 верстах от кыстау, имея 2 сохи и 8 борон. Из расчета 5 пудов на десятину, выходит, два хозяйства высевали 10 пудов зерна, каждая по 5 пудов. Сено косили в 4 верстах от кыстау, 650 копен, а также приходилось покупать сено, 410 копен. В этой же волости, в урочище Керегетас, находился аул Аужана Шормана, родного деда археолога Кемалы Акишевича Акишева, из 5 хозяйств. Здесь также 2 хозяйства ежегодно засевали 2 десятины земли, тоже на жайляу, в 50 верстах от кыстау. Сено косили в 7 верстах от кыстау, собирали 640 копен [Материалы по киргизскому..., 1903, А. Поаульные..., с. 2-5, 14-17].

В Каркаралинском уезде, в Темирчинской волости, аул Толебай Байгозы из 10 хозяйств, зимовавший в урочище Алка-олен, высевал 37 пудов пшеницы, в 10 верстах от кыстау. В этой же волости аул Омарбай Санбай из 5 хозяйств стоял в урочище Бесбойдак (ныне возле села Карагаш в Каркаралинском районе, - А.Б.). Два хозяйства высевали 12 пудов пшеницы, в 6 верстах от кыстау [Материалы по киргизскому..., 1905, А. Поаульные..., с. 302-305]. В Токраунской волости, в урочище Каражал на склоне горы Желтау находился аул Нурмухамеда Букейхана, отца А.Букейханова, из 5 хозяйств. Все 5 хозяйств сеяли пшеницу, всего 22 пуда, если распределить на все хозяйства, то по 4,5 пуда на хозяйство. Пашни расположены в 11 верстах от кыстау [Материалы по киргизскому..., 1905, А. Поаульные..., с. 230-233].

Если приложить только средний по Токраунской волости показатель урожая пшеницы, сам-15, то для аула Букейхановых из 5 семей выходит свыше 5-ти тонн зернового хлеба. Надо полагать, в таких семьях мука, по крайней мере, на баурсаки для утреннего чая, талкана, а также и шелпек в день пятничной молитвы, имелась. Следует учитывать, что хозяйства дадан-тобыктинцев на Токрауне имели довольно большие пашни еще с середины XIX в. Так, согласно данным 1859 г. отдельные аулы на Токрауне имели посевы

до 40-50 десятин. В этом же, 1859 г., общее число засеянных десятин одной группы, состоящей из 9-ти аулов, достигло 373 [История Каркаралы..., 2009, с.211-212].

Зависели ли объемы посевов от социального и экономического положения хозяйств? Материалы не дают однозначного ответа. Общим является представление о том, что наибольшее число сеющих, большие площади пашен более характерны как для малоскотных хозяйств, так и для малоскотных регионов в целом. В какой-то степени с этим, пожалуй, следует согласиться. Но, согласно материалам, из этого делать жесткого правила нельзя.

В чингистауских волостях аулы Медеу Оразбаева, Абая Кунанбаева, его сына Магауия, родственников Исхака Кунанбаева, Шакарима Кудайбердиева, как показывают материалы экспедиции Щербины, не имели посевов. Это были известные в казахской среде, влиятельные и не бедные люди. В ауле Медеу Оразбаева, известного члена Алаша, отца археолога Абдулманапа Медеуовича Оразбаева, было 5 семей, состоящих из 27 душ о. п. Аул находился у горы Шунай в Бугулинской волости, был несомненно богатым. Пять семей имели 9 юрт, 8 домов, 5 келте кыстау. Две семьи нанимали работников-пастухов. Косили в 34 верстах от кыстау, всего 160 копен. Такое малое количество заготавливаемого сена говорит о хороших возможностях зимней пастьбы у горы Шунай*. Записано: лошадей с молодняком – 2206 голов, коров с телятами – 31, верблюдов и бота – 78, овец с ягнятами – 1114, коз – 10 (*Примечание. Фольклор приписывает Оразбаю Аккулиеву, основателю зимовки, слова о том, что «если его не поддержит Худай», т.е., бог, «то спасет Шунай», в которых действительно содержится намек на благоприятное местоположение зимовки. Также полагают, что будто бы семья Оразбай Аккулиева в одно время имела 3000 серо-чубарых лошадей, что, видимо, близко к истине. Развалы зимовки Шунай в 2008 г. были осмотрены А.З.Бейсеновым и У.Умиткалиевым). Такие семьи могли сами не заниматься посевами, но иметь подвластные аулы с сеющими хозяйствами. Есть немало примеров того, что довольно обеспеченные и влиятельные семьи сами имели посева. Отметим вышеуказанные хозяйства С.Шотека, А.Шормана, Н.Букейханова, а также Турсуна и Кусбека Букейхановых и др.

Урожай не только сам-15, но и даже сам-10 является явно хорошим для тех времен. При низком уровне казахского земледелия на областной территории эти цифры могут показаться высокими. Тем не менее, исследователи отмечали своеобразие степного земледелия. В. Никитин для 1895 г. средний урожай по Каркаралинскому уезду определил в сам-9,4 [Н(икитин), 1898, с. 26]. Сравнив показатели земледелия по Семипалатинской области за десятилетие 1885-1894 гг., он выяснил, что в этот период средний урожай для «оседлого населения», т.е. русских, украинских хозяйств, был в сам-7,4, а для «кочевого населения» сам-9. «Несмотря на более примитивный характер земледельческих орудий и обработки почвы у киргиз, урожай у этой части населения области почти из года в год и за десятилетие выше урожаев, собираемых с полей оседлым населением. Нет сомнения, что причина большей урожайности хлебов у киргиз лежит в практикуемой ими искусственной системе орошения полей. В 1888 году, совершенно исключительном по своей неурожайности для всей области, урожай был снят с полей оседлым населением лишь в сам-1,6, тогда как урожай у кочевого населения в том же году определился в сам-6,1» [Н(икитин), 1898, с. 12-13].

На распространение посевов, на урожайность влияли условия местности. Скотоводы казахи прекрасно знали окружающие их места, их свойства. Как отмечал В. Никитин, «киргиз-кочевник очень хорошо знает все удобные для земледелия места в степи и в горах» [Н(икитин), 1989, с. 15]. Красовский, в свою очередь, также подчеркивал, что пшеница казахами «безбоязненно засеивается» и даже на солонцеватых местностях, «если только к пашням удобно вести арыки» [Материалы по географии..., 1868а, с. 293].

Казахи безошибочно находили участки для своих небольших посевов, проводили арыки из горных родников или же, в возможном случае, устраивали тоганы на реках. Согласно данным экспедиции Ф.А.Щербины, на востоке Казахского мелкосопочника выделяется два основных типа казахского земледелия [Материалы по киргизскому..., 1905]. Первый тип, это посевы на арыках из родников и ручьев, что было характерно для горных мест. Именно особенности такого типа подчеркивал В. Никитин. «Пашни земледельцев-киргиз расположены преимущественно в местностях, пригодных для искусственного орошения полей – у скатов гор и в горных долинах» [Н(икитин), 1898, с. 14]. От этого горного типа земледелия следует отличить речной, тоганный тип земледелия, более сложный, требующий объединения труда значительного числа людей.

Если первый тип можно видеть в большинстве горных местностей в баянаульских, каркаралинских и чингистауских волостях, то классический пример второго является собой токраунское земледелие в Каркаралинском уезде. Конечно, он распространен также и в ряде других мест на территории всех указанных волостей, но на всем протяжении именно реки Токраун, также на Жамшы и Жинишке, протекающих неподалеку, широко использовалась эта система.

Первый тип, можно сказать, оригинальный и вездесущий в кочевом хозяйстве, хотя невидимый, и, скорее, распространенный среди маленьких гор Восточной Сарыарки еще в древнюю эпоху. Этот тип казахского орошаемого земледелия привязан, как и богарное земледелие, всегда рядом сопутствующее ему, к скотоводству, его сущность – дополнять скотоводческую отрасль, не меняя и существенно не преобразовывая ее. Кочевник-казак «не дорожит распаханым участком земли, забрасывает его, как только те или иные другие обстоятельства, связанные с кочевым бытом, заставят его бросить насиженное место и перекочевать в другое. Вместе с кочевником и его домашним скарбом перекочевывает его пашня» [Н(икитин), 1898, с. 15]. Второй тип, более известный, существует в районах мало-мальски значительных рек, он скрывает в себе «угрозу» скотоводству, тем более кочевому. Тоганные пашни объединяли вокруг себя большое количество людей, требовали определенных средств, постоянного ремонта, при наличии хорошей воды и других благоприятных условий непременно создавали условия перехода к оседлости. На востоке мелкосопочника, в рассматриваемых регионах, нередко родовые колена устраивали свои тоганы, Танат-тоган, Батыр-тоган, Бокеншы-тоган и др. «На Жинишке род Тангат устроил 5 тоганов, на Токраун род Батыр – 2 тогана», пашня Группы 75, что в Токраунской волости, «находится на урочище Бассарытерек, по реке Токраун; плотина устроена 40 лет тому назад; пользуются водою только род Койлыбай, как владелец земли и хозяин тогана» [Материалы по киргизскому..., 1905, очерк..., с. 31, примеч. к общин..., с. 74]. Особым препятствием для развития этого типа земледелия в мелкосопочнике прежде всего являлась нехватка воды. В местностях с хорошими условиями вокруг таких тоганов уже в XIX в. складывалась настоящая оседлость.

В Чингисской волости, в Группе 328, пашни располагались на призимовочной территории хозяйств из родов кайдос, бокеншы и борсак, «по реке Караул, близ могилы Джанкабала, здесь устроен тоган, Бокеншы-тоган, 10 лет тому назад. Воды скопится очень мало, поливают обыкновенно один раз перед пахотой и редко удается произвести 2 полива, поэтому все сеют понемногу, кто пуд, кто два, и то далеко не все хозяева группы. Аксакал аула №37 XII старшинства Мукурской волости говорит, что после многоснежной зимы поливают 2 раза, не считая первого полива, производимого перед пахотой» [Материалы по киргизскому..., 1909, 14. Примеч..., с. 75].

В Чаганской волости, в Группе 219, хозяйства из рода догал не кочуют уже 28 лет, с года основания здесь зимовки. «Пашни, находящиеся вблизи зимовок, орошаются водой, проведенной из реки Чаган. Аксакал этого аула накашивает около 1675 копен сена, орошает свои покосы, считается лучшим пахарем и объединяет киргиз, желающих заниматься земледелием. Много лет тому назад подавал начальству проект запруды на реке Чаган, в нижнем ее течении при урочище Аяк-шат, полагал с помощью запруды вывести воду на обширную степь, расположенную на восток от урочища Обалы. По его предположению, плотина в 100 сажень длиною и 12 сажень глубиною создала бы покосы на пространство в 60 верст (?). Общество не согласилось, а аксакал, по бедности, один не смог осуществить своего проекта» [Материалы по киргизскому..., 1909, 14. Прим..., с. 30].

Эти данные, записанные экспедицией, не должны вызывать сомнений. В Каркаралинском уезде многие тоганы действительно устраивали часто богатые семьи, имеющие людские ресурсы и средства. Сюда относятся факты, связанные с устройством тоганов Турсуном Чингисовым, Кусбеком Букейхановым, а также их детьми и внуками на реках Жарлы, Талды, а также Даиром, Бабаханом Газиными и другими на реке Токраун. На Токраун, в урочище Жайдакоткел «богатый султан Бабахан в 1878 г. на свои единоличные средства соорудил плотину и выкопал большую канаву» [Материалы по киргизскому..., 1905, прим..., с. 86]. Сотрудники экспедиции этот случай назвали «редким примером» для богатого казаха, хотя другие материалы этой же экспедиции наглядно показывают обратное.

Распространение двух типов орошения пашен нельзя привязать строго к какому-то территориальному, региональному принципу, поскольку всё зависело от условий местностей, урочищ. Часто соседствующие аулы в рамках одних групп хозяйств практиковали вообще разные типы пашен, орошаемые и богарные, смотря где какое условие имеется.

В Мукурской волости, в Группе 371, записаны данные хозяйств из рода джамантобыкты. «Аулы №№1, 5-11, 19 и 25 III-старшинства сеют хлеб на кузеу общего пользования, близ могилы Далень и пашен своих не орошают; а аулы №№ 2-4, 13-18, 21-22, 26 и 29 – на джайляу Караганды-узек, где устроены несколько тоганов». В соседней группе 372 «пашни расположены на призимовочной территории и орошаются двумя тоганами, подведенными из речек Бзау и Кундузды» [Материалы по киргизскому..., 1909, 14. Прим..., с. 93]. Довольно редкий тип сохранения воды нашли в Темирчинской волости, в Группе 120, где «пашня 30-го хозаула на кыстау, орошена снеговой водою, сбереженною запрудой» [Материалы по киргизскому..., 1905, примеч..., с. 61]. Это же можно видеть и в Группе 241, Кентской волости, где «пашня 11, 14, 21 и 19 хозаулов находится на кыстау. Первые три хозаула орошают из ключей, а четвертый – запасенной в запрудах снеговой водою» [Материалы по киргизскому..., 1905, прим..., с. 70].

Как показывает приведенный обзор, в дореволюционных материалах имеются важные данные, касающиеся особенностей того земледелия, что существовало в рамках скотоводческого хозяйства казахов восточной части мелкосопочника в конце XIX в. Для проведения условных параллелей с древней эпохой была выделена особая территория в восточной части Казахского мелкосопочника. На основании данных, показывающих особенности хозяйственной адаптации населения к экологическим условиям, организации скотоводческого хозяйства, сюда вошли каркаралинский, баянаульский и чингистауский регионы. В рамках востока Казахского мелкосопочника эти земли оказались наиболее близкими между собой по вопросам организации казахского скотоводческого хозяйства: по части использования имеющихся экологических возможностей, устойчивых форм сезонных перекочевок, многих других этнографических нюансов. Казахи указанных районов к концу XIX в. вели настоящий полуоседлый тип скотоводства, имея устойчивые и закрепленные территории кыстау и кузеу, а также регламентированные обществом места летних стоянок. В рамках скотоводческого хозяйства, во времени и в пространстве, развивалась казахское земледелие.

Собранные материалы, рассмотрение всего объема которых выходит за пределы настоящего раздела, позволяют прийти к заключению о том, что формы и особенности казахского земледелия, существовавшие на востоке мелкосопочника, в том числе на территории указанных регионов, могут быть взяты в образец для исследования хозяйства древней эпохи.

Как указывалось выше, поселенческое направление в археологии раннего железного века везде имеет пока первые результаты. В курганах знати сакского времени повсеместно в Казахстане и за его пределами археологи обнаруживают сложные и объемные сооружения, факты наличия у древних строителей профессиональных навыков работы с камнем, деревом, глиной; поражает количеством, роскошью и блеском ювелирные изделия и другие находки. Курганные находки показывают, что народы сакской эпохи жили в условиях прочно организованного быта, стабильного хозяйства, социально развитого и высокотехнологичного общества в целом. Не является исключением и Центральный Казахстан, основные материалы которого представляют восточную часть региона. Как показывают археологические данные, ведущим направлением в хозяйстве населения тасмолинской культуры было скотоводство, в рамках которого существовала земледельческая отрасль. Древние скотоводы Восточной Сарыарки занимались земледелием, по всей вероятности, тех типов, что мы наблюдаем в этнографическое время в рассмотренных районах. Вопросы хозяйства населения сакского времени восточной части Центрального Казахстана требуют проведения новейших разработок, опирающихся на комплексный материал, в том числе на данные мультидисциплинарных исследований.

Вопросы исследования жилищ

На данном этапе исследований автор по материалам раскопок поселений восточной части Центрального Казахстана выделяет два типа жилищных строений. Это подпрямоугольные и округлые строения.

Расположение таких домов напрямую связано с общей планировкой поселка. В первом случае подпрямоугольные или округлые жилища фиксируются как отдельно стоящие дома. Во втором случае такие строения являются частью, звеном в сплошной

застройке. Это характерно для таких памятников, когда поселение или его определенная часть представляет собой довольно большой и сложный жилищно-хозяйственный комплекс, где строения разного характера и назначения сплетены в одну связку.

Жилища подпрямоугольных форм

Суждения об особенностях подпрямоугольных жилищ востока Центрального Казахстана основываются на материалах раскопа 2 поселения Едирей-1, раскопа 1 поселения Едирей-3, раскопа 1 поселения Керегетас-2, жилища 2 на поселении Тагыбайбулак [Бейсенов, Ломан, 2008; Бейсенов, 2014].

В полевом сезоне 2016 г. были проведены осмотр и обследования, – с дополнительной расчисткой некоторых участков, – на ряде ранее раскопанных жилищ, в том числе на поселениях Едирей-1, раскоп 2, Едирей-3, раскоп 1 (жилище 1) и Керегетас-2, раскоп 1 (жилище 1), затем также было осмотрено жилище 2 на поселении Тагыбайбулак. На основании сделанных уточнений были составлены размеры внутреннего пространства жилищ, выполнены схематические планы их каменных оснований. Все четыре жилища являются наземными без каких-либо значительных углублений в грунт, имеют мощное каменное основание шириной 1–1,5 м. Стены в свое время были сложены двухрядной кладкой с внутренней забутовкой. В ходе раскопок остатки стен фиксируются в виде широких развалов, вместе с тем, особенности кладки читаются вполне хорошо. Четыре жилища объединяются на основании такого показателя, как форма плане. Это каменные дома подпрямоугольной формы с закругленными углами.

На материалах четырех жилищ (Едирей-1, жилище 2, Едирей-3 (жилище 1), Тагыбайбулак, жилище 2, Керегетас-2, (жилище 1) автор выделяет тип 1 – подпрямоугольное строение. На основе 15-летних наблюдений предлагается их научная реконструкция (рис. 12-13).

По особенностям памятников сделаны следующие замечания. Жилище подпрямоугольной формы состоит чаще из двух основных (жилых, жилищно-бытовых) помещений. Помещения расположены параллельно друг к другу и разделены каменной или же каменно-деревянной стеной-перегородкой – во втором случае деревянная перегородка имеет внизу каменное основание. В перегородке имеется вход из одного помещения в другое (рис. 12, 1-3). Вместе с тем в жилище 1 поселения Керегетас-2 жилое помещение и «коридор», расположенные в северной части здания, отделены от секторов в южной части глухой капитальной стеной (рис. 12, 4).

Ширина стен более точно подкрепляется данными раскопок, тогда как их высота остается гипотетической. Вероятно, наиболее приемлема их высота около 2 м, судя по имеющимся археологическим материалам разных регионов, а также данным этнографии. Особенности перекрытия дома требуют уточнения в будущих исследованиях, поскольку эта одна из самых трудных задач при реконструкции всех типов жилищ древности. На современном этапе работ автор предполагает наличие плоского перекрытия (рис. 2, 1, 3, 4). Наряду с этим, полностью не исключается возможность наличия и кровли шатрового типа небольшой высоты.

На поселении Едирей-1, раскоп 2 каменные развалы – имеется в виду сохранившийся объем – не позволяют предположить полную высоту каменных стен. На некоторые размышления о более низких стенах, быть может, высотой около 1 м или ненамного

больше, выложенных полностью из камня, наводят и особенности ряда не раскопанных объектов. Поэтому, еще одним гипотетическим вариантов кровли остается тип, когда продольная коньковая балка, имеющая длину меньше длины жилища, создает два основных подтрапещиевидных ската, которые с торцовых сторон дополняются двумя треугольными скатами в виде вальм (рис. 12, 2, 5).

Особенности перекрытий сакских домов должны быть уточнены на основании новых археологических материалов. Любые предположения относительно возможной высоты каменных стен, что, в свою очередь, может влиять на решение вопроса о типе кровли, строятся по сохранившимся развалам поселений.

Как неоднократно указывалось, на сохранность поселений влияют близость казахских зимовок конца XIX – нач. XX в., для строительства которых широко использовался камень из древних построек. Эти развалы также могли разбирать еще много раньше до казахов.

Сакские жилища разделяет от нас временной отрезок длиной не менее 2,5 тысяч лет. Современное состояние, современный уровень сохранности этих руин их не должно удивлять. Приведем пример. На территории Актауского укрепления, существовавшего в середине XIX в., во времена Красовского стояли лазарет, гауптвахта, четыре дома из сырцового кирпича, а также целый ряд построек из плетня: «два плетня, между которыми была набучена земля, а поверхность, обращенная в покои, оштукатурена». На территории форшата, расположенного в 300 саженях от укрепления, на берегу реки Манака, находились в 1863 г. 53 плетневых «связок», принадлежавших солдатам, казакам и торговцам [Материалы для географии..., 1868в, с. 239]. Между тем, при осмотре автором территории укрепления летом 2007 г. оказалось, что от всех этих строений не осталось каких-либо существенных следов в виде бугров, очертаний валов и др. С камнем, разумеется, картина должна быть несколько другая. Но всё-таки фактор времени должен учитываться при наблюдений сакских развалин. Каменные развалы, как правило, чистые, без каких-либо хорошо заметных глинобитных частей. Жилища располагаются, как неоднократно указывалось, на склонах разных возвышенностей. Поэтому, они в течение длительного времени интенсивно размываются талой водой, дождями и ливневыми потоками. Это обстоятельство, в частности, могло быть причиной отсутствия глиняных слоев на развалах. Впрочем, эти моменты должны уточняться в дальнейших исследованиях.

Ранее по хорошо изученным поселениям эпохи бронзы этого региона А.М. Оразбаев опубликовал свои варианты научной реконструкции жилищ этого периода. Реконструкции А.М. Оразбаева по поселениям Бугулы-2 и Суыкбулак в Центральном Казахстане [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 228, рис. 113, 114, с. 255, рис. 126], Шагалалы [Оразбаев, 1970, с. 114, рис. 9] в Северном Казахстане, а также А.Х. Маргулана [Маргулан, Басенов, Мендикулов, 1959, Табл. 4] и других исследователей были приняты в археологии Казахстана и до сих пор не теряют своего научного значения.

Исследователи на материалах памятников Казахстана и прилегающих территорий писали о двух основных типах жилищ эпохи бронзы. Первый тип представляет собой наземный дом с каркасно-деревянными стенами. Второй тип – это полуземлянка, нижняя часть которой углублена в землю. Основной тип перекрытия дома имеет вид пирамидальной ступенчатой крыши, построенной из бревен. Это были довольно высокие (высота в центре помещения – до 3,5–4 м), относительно просторные дома прямоугольных, округлых форм.

Согласно данным, также бытовал и плоский тип перекрытия, имелись также срубные постройки, строения круглой планировки [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966; Оразбаев, 1970; Маргулан, Басенов, Мендикулов, 1959; Малютина, 1996; Лысенко, 2003; Кузьмина, 1994; Евдокимов, 2000].

Некоторые типы жилищ зафиксированы на поселениях позднезасакского времени (IV–III вв. до н.э.) Жетысу. В ущелье Бутақты, на юго-восточной окраине города Алматы, выявлены наземные каркасные юртообразные жилища, а также полуземлянки [Горячев, Егорова, 2015, с. 91–93].

М.К. Хабдулина по материалам Северного Казахстана предполагает наземный характер жилищ раннезасакского времени, тогда как для поселений второй половины I тыс. до н.э. отмечен и полуземляночный тип [Хабдулина, 1994, с. 31].

По материалам П.И. Шульги [2015, с. 24–29] для Горного Алтая выделяются поселения скотоводческой зоны и т. н. «земледельческие» поселения с комплексным хозяйством. Со ссылкой на работы С.И. Руденко и др. специалистов П.И. Шульга допускает, что древние скотоводы Алтая в зимнее время проживали в срубных домах, особенности которых могут быть сопоставимы с данными погребальных камер хорошо изученных курганных захоронений. Прямоугольные рубленые дома могли иметь размеры около 4,5 x 6,5 м, а высоту – чуть более 2 м. В теплое время года люди жили в легких юртообразных постройках, строившихся из жердей и покрывавшихся кошмой, корой деревьев. Относительно большие полуземлянки характерны для увлажненных районов Алтая, где население вело комплексное хозяйство.

М.П.Грязнов, по археологическим материалам и данным этнографии тюркских народов, предполагал, что срубный дом у пазырыкских племен был не единственной формой жилища. Исходя из двойных стен погребальных камер, пространство между которыми забутовано мелким камнем, он допускал наличие у пазырыкцев и таких жилых сооружений, для которых были характерны легкие двойные стены. Исследователь в качестве примера указывал на такого рода характер стен жилищ, бытовавших у телеутов, шорцев, кызыльцев и др. народов [Грязнов, 1950, с. 60]. Правда, такое сравнение пазырыкских камер с жилищами тюркских народов вызвало возражение у И.Л.Кызласова, по мнению которого «рыхлое каменное заполнение двухслойных гробниц» являлось средством защиты от действий грабителей, «прорубавших в камерах лазы» [Кызласов, 2011, с. 89].

Для тагарских и таштыкских поселений были характерны наземные срубные дома, а также постройки из камня и глины, археологически зафиксированы также и следы летних стойбищ без культурного слоя, с незначительным количеством находок [Абсалямов, 1977; Кызласов, 2005; 2011; Мартынов, 1973; 1979, с. 96]. При этом, рассмотрев значительное количество данных археологии и этнографии, И.Л.Кызласов заключил, что «именно четырехугольное срубное жилище было, видимо, типичным на протяжении всей тагарской культуры» [Кызласов, 2011, с. 65].

Для построек сакского времени восточных районов Центрального Казахстана оказались характерными мощные каменные стены [Бейсенов, 2015]. В этом плане интересны данные поселений усуньского времени Жетысу, зафиксированные К.А.Акишевым. В 1960-х гг. К.А. Акишевым было исследовано многослойное поселение Актас-2 [Акишев, 1969] в Восточном Жетысу (Кегенский район Алматинской области). Жилище слоя III, частично разрушенное строениями казахской зимовки, имело мощные каменные стены.

В частности, Кималь Акишевич отметил, что «каждая из стен состояла из двух параллельно идущих каменных кладок, отстоящих друг от друга на расстоянии 1–1,5 м. Промежутки между кладками заполнялись щебнем вперемежку с камнями, таким образом, составляя монолитную стену толщиной 1,5–2 м. Предполагаемые размеры помещения: по внешнему обмеру – 12–13 x 17–18 м, по внутреннему – 10–11 x 15–16 м» [Акишев, 1969, с. 33]. Ниже этого горизонта, датированного IV–VI вв. н.э., выявлено еще одно поселение слоя IV, жилище которого по мощности стен не уступает первому. Этот слой IV был датирован I–III вв. н.э. К.А.Акишев исследованное усуньское поселение считал зимовкой [Акишев, 1970, с. 71]. Затем А.К.Абетеков, включив немногочисленный материал из Кыргызстана, выделил три типа жилищ у древних усуней: 1) легкие постройки из дерева и войлока;

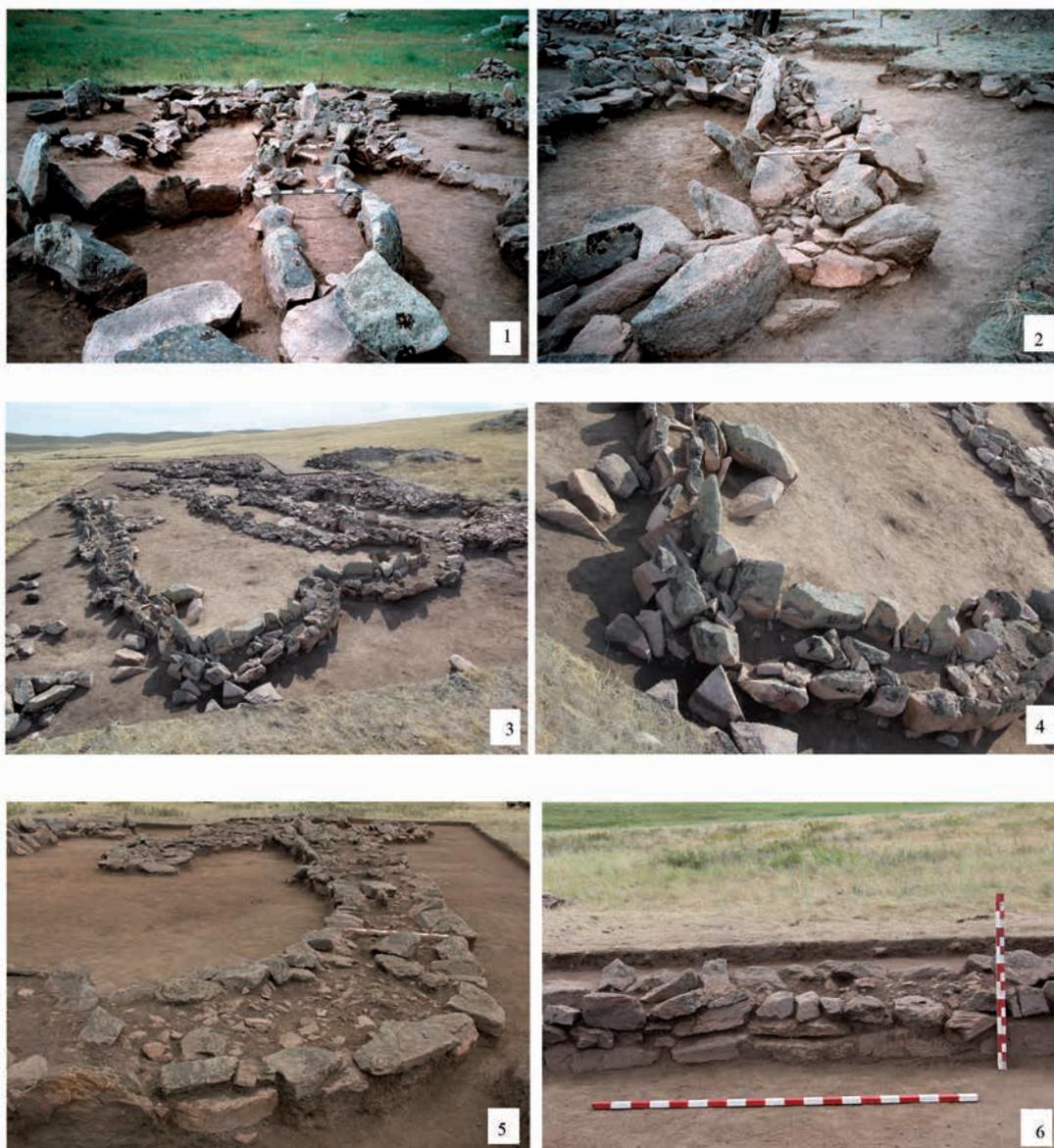

Фото 17. Стены поселений-зимовок. 1 – Керегетас-2, раскоп 1; 2 – Сарыбуйрат, раскоп 1; 3, 4 – Керегетас-2, раскоп 2; 5, 6 – Тагыбайбулак жилище 2

2) глинобитные дома с круглым основанием; 3) «фундаментальные жилища для зимовки типа сооружений на поселений Актас-2» [Абетеков, 1975, с. 138].

В настоящее время выяснено, что двухрядная кладка – очень характерная черта в строительстве каменных стен жилищ сакского времени восточной части Центрального Казахстана. Стена была не сплошная, ее внутренняя часть – забутовка – состояла из земли с небольшими обломками плит (см.: [Бейсенов, 2015]). По материалам раскопок замечены два вида двухрядной кладки. В первом случае крупные камни клались горизонтально (фото 17, 1, 2, 5, 6), во втором – ряды образованы вертикальными плитами (фото 17, 3, 4).

Комбинированные стенки в сочетании камня с землей и дерева с землей были характерны в раннем железном веке и в других регионах. Стены полуземлянок Тельгуновского городища, относящегося городищной культуре раннего железного века Поволжья, были построены «из двойного плетня с засыпкой землей промежутка между ними, а затем были промазаны глиной» [Мартьянов, 2009, с. 30].

Для регионов Казахстана, в особенности, для рассматриваемого региона, двухрядная каменная кладка с внутренней забутовкой – это древняя традиция в строительных приемах населения центральной Евразии, четко зафиксированная еще в многочисленных памятниках андроновской эпохи [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 300]. На известном могильнике Бегазы в Центральном Казахстане в ходе подготовки мавзолеев бегазы-дандыбаевской культуры №№ 1 и 2 к реставрации автором убедительно был зафиксирован факт двухрядной кладки стен этих сооружений. Двухрядная кладка, а также «Г» образные входы четко зафиксированы на жилищах донгальского времени переходного этапа [Ломан, 1984].

Судя по данным раскопок, в ряде случаев сохранились вдоль стен сакских жилищ крупные плиты облицовки, как снаружи, так и внутри строений. Более убедительно это зафиксировано на жилище 2 поселения Тагыбайбулак (фото 18). Такой прием был характерен для жилищ и погребальных построек эпохи бронзы Центрального Казахстана [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966].

В жилищах сакского времени восточной части Центрального Казахстана не фиксируются многочисленные ямки от столбов, столь характерные для поселений бронзового века. Некоторый обзор имеющихся данных по регионам Евразии позволяет считать, что уменьшение количества столбовых ям или их отсутствие является особенностью жилищ населения эпохи раннего железа многих регионов. Очевидно, это связано с уменьшением площади жилищ в раннем железном веке, а за этим фактом, надо полагать, кроются важные изменения в самом устройстве общества, где на первый план выходит малая семья [Потапов, 2017, с. 291]. Помимо этого, для Центрального Казахстана не следует забывать об экологическом факторе, по-видимому, игравшем огромную роль в жизни раннесакской эпохи.

Зафиксированные многими исследователями данные о формах и типах жилищ скифского времени Северного Причерноморья, степных и лесостепных регионов, имеют важное значение для разработок по материалам востока Евразии. В литературе имеются многочисленные, выявленные непосредственно в ходе археологических раскопок, данные о размерах, формах каркасно-глинобитных, иначе турлучных, построек, а также землянок, рассмотрение всех особенностей которых выходит за рамки настоящей работы.

Одним из интересных моментов является явное уменьшение количества или полное отсутствие столбовых ям в жилищах на многих памятниках раннего железного века ряда регионов, причем во многих десятках раскопанных жилищ. Они не фиксировались (отсутствовали) в наземных и земляночных жилищах Трахтемировского городища, Пастырского городища, а также многих селищ киево-черкасского региона [Ковпаненко, 1967; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 16–17, 167–

Фото 18. Тагыбайбулак, жилище 2

177]. В жилищах Жаботинского поселения также не были прослежены столбовые ямки. Разумеется, ямки от столбов могут быть не зафиксированы вследствие незначительной их глубины, а также из-за особенностей почвы [Дараган, 2011, с. 449]. Вместе с тем следует учитывать устойчивый характер таких фактов для многих памятников.

Есть четко прослеженные факты, когда столбы в конструкции жилищ ставились без углубления в землю. Примером могут служить материалы исследователя Бельского городища Б.А. Шрамко [Більске городище..., 2016]. Помимо всего широкого комплекса многочисленных и фактических данных по разным аспектам Бельского городища, ценными являются сведения, касающиеся особенностей жилищ. На городище бытовали наземные каркасные жилища, землянки, а также и бревенчатые срубные постройки. В северной части Восточного укрепления вскрыта деревянная наземная постройка размером 7,5x5,1 м с 9 столбовыми ямками, расположенными по контуру дома [Більске городище..., 2016, с. 92]. Одна небольшая землянка для индивидуальной семьи, раскопанная здесь же, имела размеры 2,85x2,80 м, была углублена на 1,7 м. Как отмечает исследователь, в ней столбовых ям нет, «очевидно, конусообразное или двускатное перекрытие опиралось прямо на поверхность почвы у краев землянки» [Більске городище..., 2016, с. 93].

На Бельском городище одним из характерных особенностей жилищ являются приемы в установке столбов. В статье «Некоторые вопросы развития строительства в лесостепной Скифии», опубликованной в 2000 г., сделано обобщение по типам жилищ. Основу наземных каркасных жилищ, которых встречено больше, чем землянок, «образует несколько вертикальных опорных столбов, пространство между которыми заполнялось плетеной из прутьев стенкой, обмазанной глиной. <...> Нижние концы опорных бревен обычно не вкапывались, а опирались прямо на землю. Реже опорные столбы опирались на горизонтально лежащие бревна» [Більске городище..., 2016, с. 544]. Важное уточнение этих положений видим в статье «Бельское городище», изданной в 2008 г. [Більске городище...,

2016, с. 582–592]. В каркасных постройках «наблюдается та же особенность, которая была отмечена и в установке вертикальных столбов землянки. Вертикальные столбы основы каркасной постройки не вкапывались в ямки, а их заостренные нижние концы вбивались в землю на небольшую глубину (5–10 см). Концы более тонких жердей плетневой стенки вообще лишь упирались в землю. <...> У некоторых сложных построек столбы основы каркаса не вбивались в землю, а вставлялись в углубления горизонтальных плах нижней обводки постройки» [Більске городище..., 2016, с. 584–585]. Прямоугольное жилище V в. до н.э., исследованное в 1994 г. в раскопе № 33 на Восточном укреплении, имело размеры 2,25x3,3 м. Как отмечено, «вертикальные столбы основы каркасных стен не вбивались в землю, а вставлялись нижними концами в углубления, которые имелись в горизонтальных плахах обводки, лежащей прямо на земле» [Більске городище..., 2016, с. 585]. Перед нами интересный прием в строительной технике древних народов Восточной Европы, который, как выясняется, применялся и в этнографическое время, причем в значительном отдалении, на востоке.

Царский чиновник В. Шнэ в конце XIX в., описывая зимнее жилище казахов Акмолинской области в виде дерновой постройки с деревянным плоским или незначительно приподнятым в середине двускатным перекрытием, отмечает следующий момент: «балка поддерживается двумя или тремя столбами внутри землянки; столбы устанавливаются не непосредственно в землю, а в гнезда балки, лежащей на земляной полу жилища параллельно верхней» [Шнэ, 1894, с. 2].

По казахским постройкам старого образца, бытовавшим, по крайней мере на востоке Центрального Казахстана, вплоть до 1970-х гг., известно, что широко применялся тип вертикальных столбов, установленных прямо на землю без значительного углубления или же на плоском камне, помещенном в довольно широкой, но, как правило, в неглубокой яме с уплощенным дном. Такие неглубокие углубления, независимо от того, клали под столб камень или нет, могут иметь неправильные очертания, в том числе вытянутые пропорции, тарелкообразное сечение. Подобные ямы могли быть зафиксированы лишь в качестве непонятных локальных занижений.

В небольшой работе В. Шнэ имеется немало данных о казахском зимнем жилище, в том числе и о планировке усадьбы. Материалы относятся к северной, лесостепной, части Казахстана. К сожалению, таких относительно подробных этнографических материалов по Казахстану мелкосопочнику не имеется. В изучении рассматриваемой группы поселений много пользы принесли бы подобные документированные материалы каменных, саманных зимовок казахов этого региона.

Для построек казахов характерны небольшие по площади жилые и хозяйственные пространства, в плоском перекрытии которых основная тяжесть распределялась на боковые позиции. Довольно узкие, вытянутые пропорции характерны для внутренних пространств (частей) жилищ сакского времени. Это, очевидно, неслучайно. Узкие помещения создают, соответственно, небольшой пролет для перекрытия. По данным П.И. Шульги, «редкая встречаемость столбовых ям на поселениях Горного Алтая указывает на существование рубленых жилищ, что подтверждается и конструкцией погребальных камер» [Шульга, 2015, с. 29].

По поводу отсутствия столбовых ям в двух срубных жилищах раннеананьинского Малахайского поселения в Поволжье А.Х. Халиков предположил, что здесь «потолок поддерживался положенными поперек на верхние бревна балками» [Халиков, 1977, с. 8].

Для изученных раскопками сакских каменных жилищ востока Центрального Казахстана стационарные очаги не характерны. Интенсивные золистые пятна указывают на места открытых очагов, которые локализуются чаще у стен. Присутствие золистых вкраплений на полу жилищ отмечено много раз.

Отсутствие зафиксированных зольников за пределами жилищных строений может быть связано с недостаточным уровнем раскопок, всегда закладывавшихся на какой-либо части поселения, с охватом того или иного отдельно фиксируемого строения. Вместе с тем раскопанные материалы свидетельствуют, что зола применялась в укреплении и утеплении наружных стен строения. Для жилищ рассматриваемого типа, топографически привязанных к склонам каменистых возвышенностей, причем, часто придвинутых тыльной, западной, стороной к гребню гряды, входом ориентированных вниз на долину, особой проблемой, по-видимому, являлись дождевые и талые воды. В ходе раскопок ряда поселений интенсивные золистые подсыпки фиксировались вдоль наружных стен жилищ, прежде всего, со стороны возвышенности [Ахияров, Бейсенов, 2016]. Очажная конструкция с применением камня, в виде двух параллельных плит, установленных на ребро, зафиксирована на поселение Сарыбуйрат, раскоп 1. На поселении Керегетас-2, жилище 1, зафиксирована яма, которая может быть квалифицирована как очаг. Здесь в северо-западном, жилом, помещении на дне ямы-очага вытянутой формы размерами 0,77x0,4 м, глубиной 0,22 м, фиксировалась зола [Бейсенов, Ломан, 2009, с. 192, рис. 120, 121]. Хотя, нельзя, с одной стороны, не учитывать, что зола могла стекать на дно хозяйственной ямы.

Как показал некоторый обзор материалов по поселениям раннего железного века Евразии, ситуация с очагом для жилищ этой эпохи далеко неоднозначна. Здесь и кострища, и ямы с каменной выкладкой и без оной, эти же выкладки, но без ямы, а также, очаги с каменным, глиняным и глинобитным подом, разные печи и т.д. По регионам, близким к Центральному Казахстану, вызывает закономерный интерес зафиксированные на поселении Партизанская Катущка в Горном Алтае остатки глиняной печи [Шульга, 2015, с. 29].

Для сакских жилищ востока Центрального Казахстана неоднозначен и вопрос хозяйственных ям. На жилище 1 поселения Керегетас-2, помимо указанной ямы с присутствием золы на дне, зафиксирована округлая хозяйственная яма диаметром 0,97 и глубиной 1,05 м в северо-восточном, «коридорном» помещении [Бейсенов, Ломан, 2009, с. 192, рис. 120, 121]. В северо-западном помещении жилища 2 поселения Тагыбайбулак в центре находилась хозяйственная яма размерами 1x0,8 м, глубиной 0,5 м [Бейсенов, 2014б, с. 37, рис. 1]. На поселении Сарыбуйрат на площади обоих раскопов обнаружено значительное количество хозяйственных ям. Впрочем, часть их могли играть роль водосборных ям, нужных во время талых и дождевых потоков. В исследованных жилищах поселений Едирей-1 и Едирей-3 хозяйственные ямы отсутствуют, как и в ряде других поселений. Скотоводы-кочевники различные запасы, утварь могли держать и в деревянных ящиках, наподобие казахских абдире, сандык, кебеже.

Таким образом, четыре строения из поселений Едирей-1, Едирей-3, Тагыбайбулак и Керегетас-2 объединяются в тип подпрямоугольных жилищ. Предполагается наличие каменных стен высотой в рост человека.

Возможна постановка вопроса о каменно-деревянных стенах. Верхнюю часть таких стен мог составлять каркас из стоек, установленных внутри двухрядной кладки в нижней части (рис. 12, 5). Для какого-либо утверждения в этом вопросе необходимы дополнительные данные.

Для планировки жилых, жилищно-бытовых секторов в виде помещений вытянутых и узких пропорций применялась внутренняя продольная перегородка, разделяющая общее пространство внутри здания на две части. В трех случаях, в жилищах поселений Едирей-1, Едирей-3 и Тагыбайбулак, перегородка-стена имела проем-дверь для сообщения. В жилище 1 поселения Керегетас-2, по-видимому, имелось одно жилое помещение, северо-западное, которое вместе с северо-восточным, коридорным, помещением имело глухую капитальную стену с остальными двумя секторами, расположенными в южной половине дома (рис. 12, 4).

В данном районе Центрального Казахстана население сакской эпохи, сообразно местным экологическим условиям, по-видимому, предпочитало приземистые толстостенные дома. В общих особенностях таких домов нельзя не увидеть желание экономить тепло, чего нельзя было достичь в более просторных жилищах при наличии относительно высоких шатровых крыш-перекрытий, характерных для эпохи бронзы.

Для низких домов с плоским перекрытием важную роль играла небольшая длина пролетов, закрывавшихся поперечными деревянными балками в виде бревен, жердей. Можно также предположить, что тот или иной минимум необходимого простора для жилищных и жилищно-бытовых секторов достигался за счет указанной вытянутости данного помещения. Речь, таким образом, может идти о вытянутом, но узком помещении.

Ценный пример можно привести из западно-сибирской археологии. На материалах раскопанных Н.П. Матвеевой саргатских жилищ специалистами были проведены архитектурные расчеты относительно устойчивости кровли при наличии той или иной длины пролетов. Исследование основывалось на таких физических характеристиках деревянного материала, как прочность, гибкость, способность выдержать ту или иную нагрузку [Берлина, Филисюк, 2005]. Эти исследования с применением методов естественных наук были проведены на материалах двух жилищ – поселения Ингалинка-1 и поселения Рафаиловский Остров. Брались в расчет диаметр, длина деревянной стойки, таковые же данные балки, покрывающей пролет. В составе кровли были учтены, с использованием данных этнографии, накат из жердей, незначительный слой бересты, а также слой травы толщиной в 10 см и слой земли толщиной в 15 см.

Для жилища с четырехскатным перекрытием поселения Ингалинка-1, где длина пролетов составляла 3,5–4 м, длина балки была определена в 3,6 м. Расчеты показали, что при указанной длине пролетов кровля могла быть достаточно тяжелой и действительно содержать утепляющий слой земли. Для жилища с двускатным перекрытием поселения Рафаиловский остров, где были большие пролеты длиной в 6 м, технические расчеты опровергли такую возможность. Для этого жилища могла использоваться только облегченная кровля из легковесных материалов – без земляного утеплителя. Исходя из длины пролетов ранее Н.П. Матвеева предполагала для данного жилища облегченную кровлю, что и доказали проведенные расчеты.

Подобные примеры исследований, проведенных по методам естественных дисциплин, и в дальнейшем могут напрямую способствовать решению важных задач при изучении перекрытия древних жилищ, трудность которых подчеркивали многие специалисты.

Если опираться на расчеты западно-сибирских специалистов, в рассмотренных выше четырех жилищах небольшие пролеты, средняя длина которых могла быть в

пределах от 2–2,5 м до 3–3,5 м, обеспечивали достаточно тяжелую толстую кровлю с земляным слоем. Широкие стены здания держали основную нагрузку от кровли, при этом, концы двух балок, с двух сторон перекрывающих достаточно узкие пролеты, покоились на продольной каменной или каменно-деревянной стене-перегородке. В некоторых случаях для распределения нагрузки, ближе к этой стене устанавливались дополнительные стойки без вкапывания в землю или же с незначительным углублением, которыми поддерживалась также и сама стена-перегородка. В этом случае последняя оказалась бы зажатой с обеих сторон стойками, устойчивость которых обеспечивала бы и тяжесть кровли.

Для примерного вычисления количества людей, проживавших в домах сакской эпохи, необходимы еще важные уточнения. А прежде всего должен быть разработан принцип определения того пространства, по отношению к которому можно проводить расчеты.

Для жилища VI в. до н.э., раскопанного в Западном укреплении Бельского городища, и имеющего размеры 8,1x7,76 м (62,8 кв. м), Б.А. Шрамко, исходя при этом из площади глиняных лежанок (15,5 кв. м), предполагал количество жильцов в 8–10 человек [Бильске городище..., 2016, с. 241]. При эксперименте, проведенном в Западной Сибири на Коловском городище саргатской культуры, на жилище 7, состоящем из трех помещений, у очага разместились одновременно 11 человек [Матвеева, Берлина, Рафикова, с. 101]. Для саргатского городища Лихачевское исследователи, рассмотрев мнения и расчеты ряда специалистов по другим памятникам, предложили такое соотношение числа обитателей на площадь жилища – 1: 4–5 кв. м [Цембалюк, Берлина, 2014, с. 61].

Если брать всю площадь общего внутреннего пространства жилища, то можно для сакских домов привести такие параллели. На примерной внутренней площади около 45–50 кв. м жилища 1 поселения Едирей-3 могли жить около 10 человек. Если брать во внимание то предположение, что южная, более просторная часть дома предназначалась для занятия домашним хозяйством, быта, а местом отдыха служила северная более узкая часть со значительно меньшей площадью, то это количество обитателей, вероятно, следует уменьшить.

Можно сказать, что сакские каменные дома, рассмотренные на основании данных одной группы поселений востока Центрального Казахстана, продолжают нести, в новых, изменившихся, условиях, основные черты древней центральноевразийской традиции домостроительства (Е.Е. Кузьмина).

Двухрядная каменная кладка как основной прием в возведении стен зародилась среди бесконечных каменистых холмов Казахского мелкосопочника в андроновскую эпоху, она применялась в и постройках бегазы-дандыбаевской культуры, а затем и донгальского этапа. По данным В.Г. Ломана, для донгальских жилищ были характерны не только «двухпанцирная кладка» каменных стен, но и «Г» образные входы [Ломан, 1984, с. 57].

Стены раскопанного М.К.Кадырбаевым [Маргулан, 1979, с. 225-233] жилища 1 [Бейсенов, 2014б] донгальского времени поселения Тагыбайбулак «образованы из двух рядов вертикально врытых в землю массивных плит гранита общей высотой 0,8-1,2 м, над поверхностью земли – 40-60 см. Полное пространство между внешним и внутренним рядами заполнено мелкими обломками камня и хорошо забутовано. Судя по всему, перекрытие покоилось на мощных боковых стенах и внутренних опорных столбах, установленных по длинной оси помещения» [Маргулан, 1979, с. 226-227]. Как видно отсюда, исследователь

*Фото 19. Зимовка Карашоки. Фрагмент стены.
Бесоба, Каркаралы*

следует сделать одну оговорку. Для сакских домов в настоящем разделе предложены стены, сложенные полностью, на всю высоту, из камня. Как указывалось, это происходит от большого объема каменных развалов на месте стен построек. Есть также и случаи, когда раскопки вскрывают несколько меньший объем развалов камней. В этой связи, интересны казахские зимовки, так называемые «земляные или землебитные дома, с каменным основанием», часто фигурируемые в дореволюционных источниках. В материалах экспедиции Ф.А.Щербины именно такие «дома» записаны в форме – «шым уй» (см. выше), что букв. означает «дерновый дом». На самом деле такие казахские «дома», т. е., зимовки, имели снизу мощное каменное основание, довольно высокое, и верхнюю часть стен, сложенную из самана или дерна; на кровле также использовался дерн, поверх деревянного настила. Получается каменно-земляное строение. Предложив для сакского времени такие каменно-дерновые, каменно-саманные строения мы бы получили вариант, максимально приближенный к казахским типам. На данном этапе, по-видимому, это преждевременно.

*Фото 20. Мазар с Г-образным входом. XIX в.
Центральный Казахстан*

предполагает здесь наличие плоского перекрытия. Таким образом, следует допустить факт того, что приземистые сакские дома с каменными стенами и плоским перекрытием, по всей видимости, имели своих предшественников еще в позднедонгальское время.

Основные черты центральноевразийской традиции домостроительства последними в данном регионе применяли казахи, вплоть до той поры, когда в быту крестьян широко распространились заводской кирпич и цемент. Двухрядная кладка стен фиксируется в многочисленных развалах казахских зимовок (фото 19). В сырцовых, каменно-сырцовых мазарах казахов сохраняются и прямые и «Г» образные коридоры (фото 20).

Говоря об этнографических данных,

О жилищах округлой формы

Для эпохи бронзы Казахстана А.М. Оразбаевым была предложена реконструкция круглопланового жилища юртообразного типа [Оразбаев, 1970, рис. 9]. Известны для эпохи бронзы и легкие конусовидные шалаши из жердей. В частности, реконструкция такого жилища была сделана П.А. Дмитриевым [Дмитриев, 1951] по материалам Зауралья.

На казахстанском материале мнение о круглоплановых домах сакского времени высказано не так давно А.А. Горячевым. На поселении Бутакты-1 на юго-восточной окраине г. Алматы им выявлены остатки круглых жилищ, каркасные стены которых состояли из жердей, обмазанных глиной [Горячев, Егорова, 2015, с. 91-93]. Материал относится к позднезасакскому периоду (IV-III вв. до н.э.).

На поселении Туйетас на раскопанном участке площадью 408 кв. м. выявлены остатки каменных конструкций от основного округлого строения и двух пристроек, находящихся с восточной и южной сторон (см.: [Ахияров, Бейсенов, 2016]). Основное сооружение и две пристройки сохранились в разной степени. Сохранность всех указанных конструкций плохая вследствие как естественных развалов стен, так и выборки камня местным населением. Особенно пострадали стены пристроек, расположенных с восточной и южной сторон основного сооружения. Как и в других случаях, поселение Туйетас расположено у самого подножия высокой и скалистой возвышенности, с южной ее стороны. Основное сооружение почти примыкает к горной гряде, поэтому, подход и подъезд к нему явно затруднен, тогда как обе пристройки более открыты и удобны для разборки и дальнейшей погрузки камня на транспорт.

В пристройках выявлены всего семь ям, часть которых, имеющих длину не менее 0,6 м, можно, по-видимому, считать хозяйственными. Золистые участки фиксировались в обеих пристройках. Обе пристройки, скорее всего, выполняли функцию хозяйственных помещений. Одна из них, в дополнение к этому, служила также и в качестве сеней, так как через нее осуществлялся проход к основному жилому сооружению.

Основное строение представлено мощными, широкими развалами каменных стен. Выборка камней поздними строителями осуществлялась более интенсивно в южной половине строения, особенно в районе входа, который достаточно четко читается благодаря разрыву, обращенному на юг. Форма строения округлая, диаметр по внешней кромке развалов – около 13 м. Ширина развала стен – от 1 до 2 м. Внутри выделены несколько условных помещений – по каменным основаниям, которые сохранились гораздо хуже, чем стены основного строения. Помещение I полукольцом с севера и запада охватывает центральную часть, которую занимает помещение II. С восточной и юго-восточной сторон от последнего расположены небольшие «отсеки» III и IV. В северо-западном «углу» помещения I на материке выявлено большое пятно с сильным зольным содержанием, что трактуется как место открытого очага. Еще одно широкое пятно золы отмечено прямо у входа, здесь, по-видимому, также горел огонь. Остальные все три помещения характеризуются отсутствием золы. Внутри основного сооружения выявлены восемь небольших ямок от столбов, которые располагались вдоль восточной стены, другие ямки установить не удалось.

Центральную часть строения занимает округлое помещение II диаметром развала около 5 м по внешней кромке. На современном этапе изучения особенностей

поселенческих объектов востока Центрального Казахстана автор данное помещение II рассматривает в качестве особого, планиграфически специально выделенного, элемента круглоплановых жилищ сакской эпохи. Это мнение строится на том положении, что автор гипотетически допускает совмещение в этом элементе двух функций. Это, вероятно, являлось жилым помещением, стены которого одновременно служили опорой для верхних конструкций (кровли). По контуру рассматриваемого центрального сооружения, возможно, располагались деревянные опоры, поддерживавшие верхнюю раму, так, что нижняя часть этих стоек на некоторую высоту (возможно на 1 м или ненамного больше) была выложена камнем. Обшитые деревом (жерди, прутья) стойки составляли каркасную стену помещения, внутренний диаметр которого составлял около 3-3,5 м. Если внутренний диаметр всего большого сооружения равнялся 10 м, то, таким образом, основные перекрываемые три пролета – центр и две периферии - могли иметь длину каждый около 3-3,5 м. Для регионов с холодным климатом кровля была связана с утеплителем, в том числе земляным. Была прямая связь между длиной пролета и тяжестью кровли, составляющей ту или иную нагрузку на деревянные балки (см. выше). Судя по современным расчетам, такая предполагаемая длина пролета для данного жилища могла обеспечить наличие кровли с достаточно тяжелым утеплителем.

В предлагаемой автором условной реконструкции круглопланового жилища поселения Туйетас (рис. 12, б) центральное сооружение показано в виде круга, стойки от которого поддерживают сверху *округлую раму* [Бейсенов, 2017, рис. 4, 5]. Жерди или бревна перекрытия покоились на раме и каменной стене, более низкой, чем центральная часть строения. Вышеуказанные небольшие ямки вдоль восточной внешней стены, по-видимому, остались от стоек, дополнительно поддерживавших бревна перекрытия.

Округлая форма строения и наличие верхней рамы создает тип жилища с усеченно-пирамидальной или усеченно-конической крышей, восходящего к жилищам эпохи бронзы. Конечно, для округлых жилищ вторым типом перекрытия может быть та же плоская кровля, рассмотренная на примере вышеуказанных едирейских поселений. Можно было бы допустить и здесь плоское перекрытие. Но для круглоплановых жилищ с плоской кровлей отпадает необходимость выделения в центре специального элемента в виде помещения округлой формы, для устойчивости плоской кровли над относительно большой площадью могли быть размещены перегородки любой планировки.

Для едирейских плоских домов высота была предположена на уровне около 2 м. В шатровом доме условно можно допустить наличие более приподнятой крыши, к примеру, высотой в центре около 2, 5 м. Эти цифры на данном этапе исследований никак не могут быть даже относительно точными.

Предположение о шатровом типе перекрытия круглоплановых домов сакского времени востока Центрального Казахстана допускает возможность существования аналогичных легких жилищ, используемых в теплое время года. Юртообразным сооружением можно считать и рассмотренное жилище на поселение Туйетас. Если высказанное предположение подтвердится на новых материалах, то окажется допустимым бытование в сакскую эпоху легких жилищ, максимально приближенных к тюркской юрте.

Юрта [Маргулан, 1964; Муканов, 1986; Востров, Захарова, 1989] является хорошо известным типом жилища степного населения. В ряде исторических дисциплин, в том числе

археологии, рассматривались нюансы по поводу того, что считать юртой, юртообразными сооружениями [Вайнштейн, 1976; Флеров, 1996], высказывались мнения по поводу происхождения самой юрты, ее особенностей, и т.п. Развертка и обсуждение всех аспектов этой проблематики не входят в задачу настоящего раздела. Краткого рассмотрения требует один вопрос, связанный, прежде всего, с археологическим видением сути происхождения тюркской юрты. Крупнейший специалист по археологии бронзы степной Евразии Е.Е. Кузьмина наиболее четко обозначила этот рубеж.

Часто юрта связывается с любым сооружением древности, имеющим коническую форму или вообще заостренный верх, особенно в популярных изданиях, в материалах СМИ. Вместе с тем, хорошо известны археологические разработки темы. Е.Е. Кузьмина и В.А. Лившиц в 1987 г. впервые обратили внимание на то, что юрта является *двухчаст-*

ной конструкцией и по этой причине она не может быть сопоставлена с жилищами типа чума или шалаша [Кузьмина, Лившиц, 1987]. Юрта в конструктивном отношении имеет шанырак (шанграк, шангарак, чангырак), особый элемент, который должен быть сопоставлен с деревянной рамой в верхней части жилищ эпохи бронзы. Е.Е. Кузьмина, таким образом, древнейший прототип юрты не только видела в жилищах эпохи бронзы, как многие продолжают обобщенно высказываться

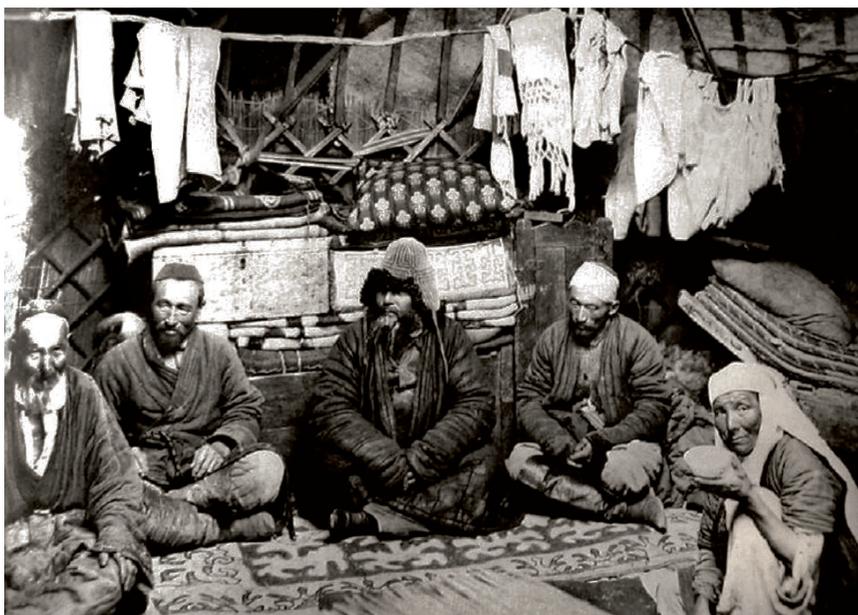

Фото 21. В юрте. Центральный Казахстан. По [Бейсенов, 2014з]

и сейчас без конкретных доказательств, не видя и не выделяя самый нужный механизм в логическом построении, но и показала почему это так.

Еще ранее, в 1975 г. Л.Г. Нечаева, кажется, впервые, сравнила шанырак и верхнюю раму в конструкции древнего жилища. Речь шла об изображении шатра на стене склепа Анфестерия в Керчи, датированном рубежом н.э., на котором она усмотрела наличие указанного элемента. Л.Г. Нечаева, называя данный шатер «юртой знатного кочевника», отметила, что деревянный каркас прислонен «вверху к небольшой квадратной раме, которая выполняла такие же функции, как чангарык-харочи-тон (деревянный круг, на который опираются шесты кровли), или, точнее, их предшественники, применяемые в круглой, преимущественно решетчатой юрте» [Нечаева, 1975, с. 14]. Этот момент специально подметили в своей работе Е.Е. Кузьмина и В.А. Лившиц: «Эту раму Л.Г. Нечаева справедливо считает прототипом шанграка юрты, генезис же ее можно возвести к

светодымовым рамам срубно-андроновских домов с пирамидально-ступеньчатым сводом» [Кузьмина, Лившиц, 1987, с. 249]. В этой же работе авторы особо подчеркивают заслугу А.М. Оразбаева в исследовании вопроса происхождения юрты: «А.М. Оразбаев первым детально сопоставил конструкцию легких и круглых жилищ, исследованных им на поселении Чаглинка в Северном Казахстане, с конструкцией современного казахского жилища шошала и с кочевой юртой и пришел к заключению, что прототипом современной юрты... можно считать жилые строения племен поздней бронзы» [Кузьмина, Лившиц, 1987, с. 245].

С.И. Вайнштейн, обсуждая то же самое изображение жилища из керченского склепа, не был согласен с мнением Л.Г. Нечаевой по поводу сравнения рамы с шаныраком юрты. Исследователь, по-видимому, ставил под сомнение наличие самой рамы и выразил мысль о том, что функцию скрепления выполняли простые палки-обвязки [Вайнштейн, 1976]. В работе Е.Е. Кузьминой и В.А. Лившица отрицается прямая связь гуннского жилища с юртой, на основании того, что «эти жилища (чум и гуннский шалаш – А.Б.) одночастные по вертикали, тогда как юрта, подобно скифскому шатру, жилище двухчастное, имеющее вертикальные стены и выделенную крышу» [Кузьмина, Лившиц, 1987, с. 250]. Образом «скифского шатра» здесь служит, как у многих других исследователей, вышеуказанное изображение из Керченского склепа.

Следует отметить, что С.И. Вайнштейн совсем по-другому рисует облик «гуннского шалаша». Согласно его описанию, гуннскому жилищу присущ куполообразный верх, который выше переходит в невысокую шейку для дымохода, основание шейки скрепляется деревянным кругом [Вайнштейн, 1976]. Важно, что в таком описании уже появляется элемент, функционально тождественный раме и шаныраку. В этом случае гуннское жилище перестает быть одночастным и приближается к конструкции тюркской юрты. То есть, согласно приведенному мнению С.И. Вайнштейна, гуннское жилище может оказаться ближайшим по хронологии предшественником тюркской юрты.

Таким образом, на округлом жилище поселения Туйетас предполагается наличие невысокой шатровой кровли, возможно, близкой к усеченно-коническим типам. Если исходить из этого, в сакское время в Центральном Казахстане могли бытовать облегченные, летние аналоги таких жилищ в виде двухчастного строения, близкого по своей конструкции юрте. Специалистами отмечены древние истоки кочевнической юрты, восходящей к стационарным жилищам эпохи бронзы Казахстана. Многие вопросы, связанные с появлением и дальнейшим развитием ранней формы переносного жилища остаются неясными. Кажется, в этом отношении будут актуальны новые материалы раннего железного века, причем, из Казахстана, обширного степного региона. Следует согласиться с предупреждением И.Л.Кызласова по поводу неправомерности высказываний некоторых авторов о восхождении бревенчатых построек Саяно-Алтая к войлочным юртам монгольских народов, поскольку обоснованным является обратная направленность развития [Кызласов, 2011, с. 86-87]. По-видимому, истоки, сама идея и ранние формы тюркской юрты появились на западе, на территории Казахстана, затем это новшество распространилось на восток. И.Л.Кызласов, всесторонне изучив материалы жилищ Саяно-Алтая, выделил бревенчатый юртообразный дом, агас-иб у хакас (каз. агаш уй, - А.Б.). По поводу происхождения таких жилищ, исследователь заключил: «и всё же, говоря конкретно, прообразы наших жилищ-иб следует искать к юго-западу от Саяно-Алтая» [Кызласов, 2011, с. 88].

В настоящее время проводится исследование поселения Абылай (Каркаралинский район), материалы которых позволяют ожидать открытия небольших округлых или округло-вытянутых помещений. Незавершенность работ на этом памятнике заставляет воздерживаться от более широких описаний, но, тем не менее, особенности нескольких вскрытых строений будто бы указывают на другой характер их верхней части. Каменные основания их не такие широкие и мощные, как на вышеуказанных жилищах, где предполагаются довольно высокие стены и плоская кровля. Строения на поселении Абылай, возможно, были одночастные, островерхие, каменно-деревянные, близкие к такому типу казахских шошала, который описан в материалах экспедиции Щербины. Сотрудники экспедиции увиденные им в Каркаралинском уезде шошала описали как «комбинацию цилиндра и усеченного конуса, покоящегося на первом». По их свидетельству, «цилиндрическая часть чочалы строится из дерна, воздушного кирпича или дикого камня, а коническая из жердей, дерна и соломы или хвороста» [Материалы по киргизскому..., 1905, с. 134].

Другие типы планировки жилищ

Рассмотренные подпрямоугольные и круглоплановое жилища на территории поселений занимали, как было сказано, обособленное положение, не соединяясь с соседними строениями. На них закладывались раскопы с охватом всей площади данного отдельно стоящего объекта.

Вместе с тем, в ряде случаев, наряду с такими отдельно находящимися домами, на территории поселения имеются более значительные по своей площади сооружения многокамерного типа. Так, на поселении Едирей-1 наряду с исследованным в 2005 г. (раскоп 2) отдельным домом, имеется также большое сооружение. На нем в 2001 г. сначала был заложен шурф, а затем - небольшой раскоп 1 [Бейсенов, Ломан, 2009, с. 208, рис. 130]. Эти работы 2001 г. на поселении Едирей-1 были началом раскопок и вообще началом всех исследований поселений на востоке Центрального Казахстана. Данное многокамерное строение, еще полностью неисследованное, состоит, судя по хорошо фиксируемым остаткам оснований каменных стен, примерно из пяти частей округлой, овальной, вытянутой пропорций.

Такая же картина наблюдается на поселении Едирей-3. Раскоп 1, заложенный на этом памятнике в 2004 г. [Бейсенов, Ломан, 2009, рис. 140, 141] охватил отдельно стоящее жилище подпрямоугольной формы. Затем, уже на многокамерном сооружении, находящемся рядом, в 2008 г. был заложен раскоп 2 площадью 404 кв. м, охвативший центральную часть данного комплекса (см.: [Бейсенов, 2017, рис. 2, с. 148, 151]). В основную часть площади раскопа попали два узких и продолговатых помещений, вытянутых с запада на восток, расположенных параллельно и впритык друг к другу, имея одну длинную общую стену. Входы их обращены на восток, - как и в большинстве случаев. Ширина внутри каждого из помещений – от 2 до 3-3,2 м, что еще раз демонстрирует силу приверженности к узким пространствам, небольшой пролет над которыми обеспечивает более надежное и устойчивое перекрытие, что, в свою очередь, диктовалась особенностями толстой, тяжелой кровли, необходимой в зимних условиях востока Казахского мелкосопочника. С северной стороны северного помещения раскоп вскрыл еще два маленьких помещений,

«каморок», имеющих сообщение с первым. Аналогичным образом, с южной стороны южного длинного помещения расположены еще два или три таких каморок. На востоке, снаружи, у входа в основные помещения находится большая водосборная яма, заполненная золистым смешанным грунтом. Южная часть многокамерного сооружения осталась не до конца вскрытой, подлинная ситуация размещенных здесь малых помещений неясна.

Указанные два раскопа на поселениях Едирей-1 и Едирей-3 показывают, что помимо отдельных домов, имеющих более или менее стройную на плане форму, бытовали тип многокамерных жилищ. Оба раскопа не вскрыли всю площадь сооружений, дополнительные данные следует ждать из будущих исследований. Как показывают эти два примера, а также материалы ряда осмотренных, но не раскопанных памятников, таким сооружениям присущи округло-овальные, неправильно-вытянутые, иногда своеобразные «многолепестковые» формы.

Следующий замеченный тип планировки жилищ и хозяйственных помещений довольно своеобразен. Речь идет о больших жилищно-хозяйственных комплексах, занимающих значительную площадь и включающих в себя множество соединенных между собой в одну связку строений. Пока среди изученных объектов замечательны два случая, - помимо наблюдений по не раскопанным поселениям. На поселении Керегетас-2 большой комплекс расположен рядом с отдельным домом. В 2015 г. большой комплекс был вскрыт путем закладки общего раскопа площадью свыше 1100 кв. м (фото 17, 3). На площади раскопа выявлены основания свыше 10 разных помещений, составляющих одно общее строение (рис. 13, 1). Аналогичная картина выявлена и на поселении Сарыбуйрат. На площади раскопа 1 здесь также расчищены основания не менее 10 строений (рис. 13, 2). Такое размещение жилищ и хозяйственных построек создает т.н. тип усадебной планировки.

Характер летних жилищ сакского населения востока Центрального Казахстана остается неизвестным. Остается предполагать типы и формы, которые допускают исследователи для районов Горного Алтая, Минусы. Какие-либо стоящие обследования побережий рек пока не проведены. По этнографическим данным, не только для летовок, но и для кузеву какие-либо долговременные помещения казахи строили не всегда. Вместе с тем, заслуживают внимания данные о так называемых «ыктырма», заслонов от ветров. Зимовки рода Атамбек в Тоқырауынской волости Каркаралинского уезда находились в районе гор Маятас, Сарыоба, Кенели. Эти места расположены в 40-60 км западнее известного могильника Бегазы. По данным дореволюционных исследователей, семь аулов «остаются джатаками на пашне, на реке Джамшы, где устроены тоганы родом Атамбек». У хозяйств, перебирающихся на зимовки, «на кузеву нет никаких построек; для овец устраивается ыктырма, т. е. загоны из кошмы» [Материалы по киргизскому..., 1905, Примеч. к общ. табл., с. 96]. Здесь отметили один случай применения ыктырма, в виде временного овечьего загона во время осеннего стояния хозяйств. Настоящая суть ыктырма (от «ык» - подветренная сторона, А.Б.) – заслон от ветров, реже от водных потоков. Их устраивали и вокруг жилых строений, и даже на зимовках строили каменные, каменно-земляные разновидности, если того требовала ситуация. Но большей частью ыктырма создает картину на кузеках, т. е., осенних стоянках, как это метко отметил поэт Абай (Қараша желтоқсанмен сол бір-екі ай, Қыстың басы бірі ерте, біреуі жай, Ерте барсам жерімді жеп қоям деп, Ықтырмамен кузеуде отырар бай).

Некоторые итоги работ

Имеющийся данные позволяют считать, что толстостенные каменные жилища в Центральном Казахстане появляются в конце донгальского времени. Одним из ярких примеров служат материалы жилища 1 поселения Тагыбайбулак. Как указывалось выше, М.К.Кадырбаев, раскопавший это жилище, специально подчеркивал такие особенности строительной техники, как кладка из двух рядов плит, применение забутовки между ними, мощность стен. Он также предположил применение в таких домах плоского перекрытия, при котором концы балок укладывались на стены и подпирались столбами, установленными вдоль длинной оси помещения [Маргулан, 1979, с. 226-227]. На площади жилища 1 поселения Тагыбайбулак [Маргулан, 1979] выявлены 4 очага. Один из них, очаг 4, имеет форму прямоугольника размерами 1,2 x 0,5 м, выложен горизонтальными плитами. Это донгальский признак. Среди находок – орудия металлургического производства, мотыги, бытовые предметы, керамика. Очень характерна керамика Тагыбайбулака. Приведенные в публикации рисунки керамики (рис. 14) из раскопанного жилища 1 представляют почти сплошные раннесакские черты, с присутствием очень небольшого числа донгальских признаков. Однако, из описания видно больше донгальских черт: «много вариантов налепных валиков по шейке, в том числе и сдвоенных, по основанию которых идут ряды сосцевидных бугорков, выдавленных изнутри. Оттиски штампов также довольно разнообразны: крупноребенчатый, ямочный, гладко-линейный, ногтевой, горизонтальные волнистые линии и др.» [Маргулан, 1979, с. 231].

Среди образцов керамики Тагыбайбулака исследователь специально останавливается на одном сосуде с «сакскими чертами». Он пишет: «Оригинален сосуд шаровидной формы с венчиком, слегка отогнутым наружу. Характерную особенность сосуда составляет сливной носик, выступающий на 2 см. Шейку окружают ряды жемчужного орнамента в виде цепочки бугорков. По форме он очень похож на сакскую керамику. Несомненно, он является прототипом сосуда со сливным носиком, широко распространенного в сакское время» [Маргулан, 1979, с. 231]. В настоящее время сосуды со сливным носиком найдены на сакских поселениях Центрального Казахстана. Что касается жилища 2 поселения Тагыбайбулак, датирующегося раннесакским временем, керамика его абсолютно свободна от донгальских признаков. Сделан вывод о том, что исследованные на этом поселении два жилища отражают особенности двух этапов: позднедонгальского и раннесакского [Бейсенов, 2014б].

По материалам Центрального Казахстана прослеживается генетическая связь поселенческой керамики сакского времени с керамическим комплексом донгальского периода [Бейсенов, Ломан, 2009а; 2009б; см. также Глава III настоящей книги]. Важно отметить, что такая же картина наблюдается в ряде других регионов Казахстана. В.Г.Ломан, выделивший керамику донгальского времени, рассмотрел вопросы распространения керамики этого типа. Общность памятников с керамикой донгальского типа занимает обширный ареал, включающий Северный, Центральный и Восточный Казахстан, Алтайский край, Жетысу. Близка к донгалу керамика нурского и обиточненского типов [Ломан, 2003]. Эта большая общность «являлась результатом эволюции общности культур валиковой керамики и именно на ее основе развилась впоследствии общность культур скифо-сарматского мира» [Ломан, 2003, с. 83].

В Северной Киргизии К.Ш.Табалдиевым исследовано поселение Чап, находящееся в Кочкорской долине. В публикации автор связывает памятник эпохой бронзы-ранним железным веком [Табалдиев, 2005, с. 305-310]. Вопрос насчет эпохи бронзы не совсем понятен, но представленная керамика [Табалдиев, 2005, рис. 5: 18-20] (рис. 7, 6-8) в точности воспроизводит облик раннесакской керамики из Центрального Казахстана. Ранее памятники с донгальской керамики были найдены в северной части Кыргызстана [Ломан, 2003], на связь с которыми, возможно, и указывают материалы поселения Чап.

Интересно поселение Асы-1 в Алматинской области. А.Н.Марьяшеви О.Н.Гумирова, исследовавшие памятник, «второй строительный горизонт» данного поселения относят, со ссылкой на материалы Центрального Казахстана, ко времени перехода от эпохи бронзы к раннему железу, свое суждение основывая на керамическом комплексе. Керамика «второго горизонта» Асы-1 очень выразительна в плане сравнения с посудой Центрального Казахстана. Представленная в публикации [Марьяшев, Гумирова, с. 274-275, рис. 6-7] (рис. 15) керамика поселения явно сближается с посудой поселений раннесакского времени Центрального Казахстана. Здесь собственно донгальских черт не так много, хотя, имеются немногочисленные фрагменты с валиком, орнаментированным «пальцевыми защипами», и другими донгальскими признаками. По всей вероятности, здесь присутствует слой позднедонгальско-раннесакского времени. Следует привести пример из Южного Казахстана. Керамика каржантауского типа, выделенная Б.А.Байтанаевым по материалам раскопок поселения Бургулюк [Байтанаев, 2011], во многом схожа с донгальской посудой. По сути, перед нами местный вариант центральноказахстанского донгала. Думается, такие примеры не единичны и на территории Жетысу и Южного Казахстана количество таких памятников со временем будет возрастать.

Поселения восточной части Центрального Казахстана, появившиеся, вероятно, не позже периода VIII- начала VII вв. до н.э. по многим своим особенностям связаны с поселениями предшествующего донгальского периода.

Небольшие по площади, со скудным культурным слоем, неказистые на вид остатки поселений скотоводов, представленные часто сплошными грудями камней, требуют специального исследования, а раскопки их – применения особой методики с тщательной разборкой каменных завалов. Судя по остаткам, это, скорее, были строения, в общем-то, далекие от архитектурных идеалов, с асимметричными углами, искривленными стенами, с характерно небрежностью кладки и т.д. Огрубение всего облика строений связано с новой эпохой. Население раннесакского времени не полностью отошло от традиций предшествующей эпохи. Сам образ жизни населения тасмолинской культуры следует считать полукочевым, полуоседлым [Махортых, Иевлев, 1991, с. 22-23]. Согласно данным, это население вело скотоводческое хозяйство, в рамках которого развивалась земледельческая отрасль. Для какого-нибудь более полного изучения вопросов хозяйства необходимы новые материалы.

Претендующие на статус зимних стойбищ небольших общин скотоводов-кочевников, состоящих из близкородственных семей, эти памятники несут в себе важный потенциал для исследования многих сторон жизни населения сакского времени востока Центрального Казахстана. Необходима разработка многих вопросов, касающихся поселений, основные выводы по которым еще предстоят. Рассмотренные предположения и суждения, приведенные здесь, отражают современный этап исследований.

Поселения сакского времени, найденные в настоящее время во многих регионах Казахстана, явственно отражают связь с экологическими условиями каждого региона. Кроме того, к особенностям их в топографии и планиграфии следует подходить с учетом хронологии. Памятники, по материалам которых были рассмотрены некоторые типы жилищ, вряд ли являются единственным типом поселений и для самого Центрального Казахстана.

Как показывают результаты многих исследований, во времени и пространстве не существовал некий обобщенный тип «кочевника». С этим положением связаны и их поселения, будь то кратковременное стойбище, используемое в какое-то время сезона и связанное с какой-то отраслью хозяйства, или же более основательная зимовка, или же круглогодичный поселок для определенной части коллектива. Применение этнографических материалов должно подчиняться определенному порядку, предполагать хотя бы некоторого знания самой этнографии казахов. Этнографический материал должен отражать регион, где расположены исследуемые археологические памятники. Без определенного знания казахской этнографии материалы царской эпохи нельзя огульно применять в археологических разработках.

Все открытые и частично изученные поселения восточного крыла Центрального Казахстана характеризуются слабым культурным слоем. Означает ли это, что здесь не будут найдены поселения с более значительным культурным слоем, поселения круглогодичного характера, связанные с комплексным хозяйством его жителей? Скорее, нет, не означает. Такого типа поселения со временем будут найдены в Центральном Казахстане. Они есть в северных районах Казахстана, в Прииртышье, Жетысу. Поливариантность в развитии хозяйственной системы может быть обусловлена и сложившимися традициями, и экологическими условиями данного района [Потапов, 2017, с. 290] или даже конкретной местности.

Надо думать, на территории Центрального Казахстана, как и в других регионах, со временем будут открыты производственные, ремесленные центры. Такие центры, столь необходимые для успешного решения многих вопросов археологии сакского времени не только Центрального Казахстана, но многих других регионов Евразии, могут иметь характер стационарных (круглогодичных) поселений. Не исключено, что будут открыты в Казахстане производственные центры раннесакского времени, обслуживавшие племена разных регионов. Явная близость многих предметов, в том числе и ювелирных изделий, находимых археологами в разных регионах, по крайней мере оставляют надежду на такую перспективу. Не открыты, поэтому остаются неизвестными в Центральном Казахстане также места летовок. Ремесленники сакской эпохи, подобно темирши и зергерам у казахов, могли работать и в летнее время и свидетельства их деятельности со временем могут быть найдены на территориях летних стоянок. Подобные вопросы будут решаться при условии превращения поселенческой тематики в настоящую самостоятельную отрасль археологии раннего железного века.

ЛИТЕРАТУРА

- Абетеков А.К. О типах жилищ древних усуней //Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 137-138.
- Абсалям М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях //Археология Южной Сибири. 1977. Вып. 9. С. 34-42.
- Акишев К.А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней //Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная. 1969. Вып. 1. С. 29-47.
- Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 69-78.
- Амзараков П.Б., Ковалева О.В., Лазаретов И.П., Поляков А.В. Поселение скифского времени Старая Копь-1 на восточной окраине минусинских степей // Записки Института истории материальной культуры. 2015. №12. С. 130-145.
- Асылбеков М.Х., Сеитов М.Т. Алихан Букейхан – общественно-политический деятель и ученый. Алматы, 2003. 148 с.
- Ахияров И.К., Бейсенов А.З.Поселение сакской эпохи Туйетас в Центральном Казахстане // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы, 2016. С. 237-244.
- Базарбаева Г.А. Памятники сакского времени Жетысу // Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2017. С. 157-178.
- Байпаков К.М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы: Институт археологии, 2008. 173 с. (на каз., русс., англ. яз).
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетысу // Известия Министерства образования и науки - Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. Алматы, 2001. № 1. С. 53-66.
- Байпаков К.М., Чанг К. Предварительные результаты раскопок 1999 г. на поселении сакского периода Цыганка 8 //Известия МОН, НАН РК. Серия общественных наук. 2000. №1. С. 266-268.
- Байтанаев Б.А. Древности Бургулюка. Алматы: Институт археологии, 2011, 224 с.
- Бедельбаева М.В., Бейсенов А.З. Из истории изучения Бетпақдалы и ее памятников // Археологические исследования в Северной Бетпақдале. Коллективная монография. Алматы: Институт археологии, 2017. С. 5-34.
- Бедельбаева М.В., Варфоломеев В.В. Кыштан – центральноказахстанское поселение эпохи раннего железа // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008, с. 241-245.
- Бейсенов А. З. К проблеме поиска и изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Исторична наука: Проблеми розвитку. Материалы Междунар. науч. конф. Секция «Археология». 17-18 сентября 2002 г. Луганск, 2002, с. 9-12.
- Бейсенов А.З. Поселения раннего железного века в Карагандинской области (Центральный Казахстан)// Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Мат. Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 15. Барнаул, 2006. С. 155-161.
- Бейсенов А.З. Поселения раннего железного века Центрального Казахстана: к проблеме генезиса // Материалы и исследования по культурогенетическим процессам на территории древнего и средневекового Казахстана. Алматы, 2012. С. 27-43.
- Бейсенов А.З. Поселения раннесакского времени Центрального Казахстана // Записки Института истории материальной культуры. 2014а. № 9. С. 92-102
- Бейсенов А.З.Поселение Тагыбайбулак в Центральном Казахстане // Известия Алтайского государственного университета. 2014б. № 4-1 (84). С. 35-41.
- Бейсенов А.З.Экологический фактор в устройстве поселений сакского времени в Центральном Казахстане // Вестник Восточного экономико-гуманитарного университета. 2014в. № 6 (74). С. 170-178.
- Бейсенов А.З. Древние сокровища Сарыарки. Книга-альбом. На казахском, русск., англ. языках. Алматы: Институт археологии, 2014г. 196 с.
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии : сб. науч. ст., посвященный памяти археолога К.А. Акишева. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 11-38.

- Бейсенов А.З. Раннесакские поселения близ горы Едирей в Центральном Казахстане // Известия Самарского научного центра. 2016а. Т. 18, № 3. С. 146–152.
- Бейсенов А.З. Орталық Қазақстан ерте темір дәуірі ескерткіштерін зерттеудегі көміртегілік анықтамалар // Материалы международной научно-практической конференции «Новые методы исследования в археологии». Алматы, 2016б. С. 13-21.
- Бейсенов А.З. Жилище сакской эпохи. Вестник Томского Государственного Университета. История. 2017а. №45. С. 72-82.
- Бейсенов А.З. Круглое жилище сакской эпохи. Самарский научный вестник. 2017б. Том 6. №1 (18). С. 94-100.
- Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2017в. С. 59-100.
- Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века. Киев, 2017г. В печати.
- Бейсенов А.З. Кызылкеныш, комплекс памятников // Сакральная география Казахстана. Алматы, 2017д. С. 464-472.
- Бейсенов А.З., Гимранов Д.О., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б. Поселение сакского времени Абылай в Центральном Казахстане // Теория и практика археологических исследований. 2017. В печати.
- Бейсенов А. З., Ломан В. Г. О керамике поселений раннего железного века Керегетас-2, Едирей-1, Едирей-3 (Центральный Казахстан) //Историко- культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007. С. 156-159.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2009а. 264 с.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. К проблеме сложения раннесакских поселенческих комплексов Центрального Казахстана //Вестник Университета Кайнар. 2009б. Вып. 4/2. С.12-15.
- Бейсенов А. З., Ломан В. Г. Гончарная технология поселений сакского времени Казахского мелкосопочника // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 240-248.
- Бейсенов А.З., Мерц В.К. К изучению памятников района р. Шидерты// Известия НАН РК, СОН, №1, 2010. С. 40-45.
- Берлина С.В., Филисюк В.Г. К проблеме реконструкции кровли древних полужемляночных жилищ (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 5. С. 67–73.
- Більске городище в наукових працях Б.А. Шрамка. Котельва; Харьков, 2016. 606 с.
- Броневский С.Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. 1830. Ч. 41-43.
- Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии //СЭ. 1976. №4. С. 42-62.
- Валиханов Ч. Ч. Дневник поездки на Иссык-куль // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия, 1984. С. 306-357.
- Валиханов Ч. Ч. О кочевках киргиз // Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия, 1985а. С. 105-109.
- Валиханов Ч. Ч. Зимние кочевки волостей Каркаралинского внешнего округа // Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия, 1985б. С. 148-155.
- Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы, 2011. Т. I. – С.210-240.
- Волкова Т.П. Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Автореф... дисс... канд... ист. наук. М., 1982. 17 с.
- Волости и населенные места. 1893 г. Выпуск 5. Семипалатинская область. Спб., 1895.
- Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. Алма-Ата: Наука, 1989. 181 с.
- Галутво Л.М. К 150-летию со дня рождения Ф.А.Щербини. Доклад, прочитанный на торжественном собрании общественности Кубани. Краснодар, 1999 г. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=ru&links=../ru/sherbina/biogr/sherbina_b2.txt&img=brief.gif&name=s herbina. Дата обращения 20.10.2017.

- Галутво Л.М. К вопросу о научном наследии Ф.А.Щербини // Якаевские чтения-2016. Сб. материалов XVI научно-практической конференции. Краснодар, 2016. С. 18-26.
- Галутво Л.М. Основоположник отечественной бюджетной статистики Ф.А.Щербина // Научное наследие Щербини: казачество и история Кавказа. Сб. материалов XVII Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2017. С. 21-29.
- Галутво Л.М., Ратушняк В.Н. Либеральная модель модернизации России Ф.А.Щербини // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2016. Том 1-2. № 1-2. С. 25-39.
- Горячев А.А. Результаты исследования археологического комплекса Бутақты-1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2008 г. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2010. № 1. С. 13–24.
- Горячев А.А. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургень-2 // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 325–341.
- Горячев А.А., Егорова Т.А. Поселение раннего железного века в ущелье Бутаковка (юго-восточная окраина г. Алматы) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2015. С. 90–99.
- Григорьев Ф.П. Древняя история Алматы // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, С. 260-270.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 91 с.
- Дараган М.Н. Начало раннего железного века в днепровской правобережной лесостепи. Киев, 2011. 848 с.
- Дмитриев А.Л., Корицкий Э.Б. Ф.А.Щербина. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=ru&links=.ru/sherbina/biogr/sherbina_b1.txt&img=brief.gif&name=sherbina. Дата обращения 20.10.2017.
- Дмитриев П.А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М.: АН СССР, 1951. Т. 2. С. 7-27.
- Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Алматы: Гылым, 2000. 198 с.
- Ержанова А.Е. Атасу мен Мыржық қоныстарынан табылған тас құралдары мен бұйымдарына жүргізілген трасологиялық талдау нәтижелері // Казахское ханство в потоке истории. Алматы, 2015. С. 370-379.
- Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Поселение древних металлургов VIII-VII вв. до н.э. на Семипалатинском Правобережье Иртыша // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы, 1998. С. 39-46.
- История Каркаралы в документах и материалах. Под редакцией К.С.Алдажуманова и А.З.Бейсенова. Том 1. Алматы, 2008. 494 с.
- История Каркаралы в документах и материалах. Под редакцией К.С.Алдажуманова и А.З.Бейсенова. Том 2. Алматы, 2009. 508 с.
- Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303-433.
- Қасеналин А.Е. Сарыарқаның өтпелі кезең ескерткіштерінің кезеңделуі мен мерзімделуі // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. Б. 203–208.
- Ковпаненко Г.Т. Раскопки Трахтемировского городища // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. Киев, 1967. С. 103–106.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного правобережья (киевско-черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.
- Коншин Н. От Павлодара до Каркаралинска // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Семипалатинск, 1901. С. 1-55.
- Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.; Самара, 2005. 96 с., илл.
- Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М., 2011. 256 с.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. 363 с.
- Кузьмина Е.Е., Лившиц В.А. Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 243-250.

- Ломан В.Г. Новое поселение эпохи поздней бронзы в горах Кент // Тезисы докладов научной конференции молодых ученых университета. Караганда, 21-22 ноября 1984 г. Караганда, 1984. С. 56–58.
- Ломан В.Г. Общность культур переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 82-84.
- Лысенко Ю.А. Домостроительство андроновских племен Урало-Иртышского междуречья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2003. 32 с.
- Малютина Т.С. Поселения и жилища федоровской культуры Урало-Казахстанских степей // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1996. С. 69–85.
- Маргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство. Отдельный оттиск. М., 1964. 14 с.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 433 с.
- Маргулан А.Х., Басенов Т.К., Мендикулов М.М. Архитектура Казахстана. Алма-Ата: АН КазССР, 1959. 172 с.
- Мартынов А.И. Новые материалы о тагарско-таштыкских поселениях и жилищах // Советская археология. 1973. № 3. С. 163–173.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. М.: Наука, 1979. 208 с.
- Мартынов В.Н. Волго-Камье в эпоху раннего железа. Арзамас, 2009. 71 с.
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск : Наука, 2008. 235 с.
- Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. Часть 1. Область Сибирских киргизов. Составил подполковник Красовский. Санкт-Петербург, 1868а.
- Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. Часть 2. Область Сибирских киргизов. Составил подполковник Красовский. Санкт-Петербург, 1868б.
- Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. Часть 3. Область Сибирских киргизов. Составил подполковник Красовский. Санкт-Петербург, 1868в.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. 4. Семипалатинская обл., Павлодарский уезд. Воронеж, 1903.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. 6. Семипалатинская обл., Каркаралинский уезд. Санкт-Петербург, 1905.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные экспедицией по исследованию степных областей. Т. 9. Семипалатинская обл., Семипалатинский уезд. Санкт-Петербург, 1909.
- Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Том 1. Павлодарский уезд. Повторное обследование 1910 г. Санкт-Петербург, 1913.
- Махортых С.В., Иевлев М.М. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 18-30.
- Мерц В.К. Система адаптации древних скотоводов в горностепной зоне Северной Евразии и методы поиска их поселений // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 69–73.
- Молодин В. И., Бородовский А. П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. Новосибирск, 1994. Вып. 4. С. 72–79.
- Муқанов М.С. Казахская юрта. Алма-Ата: Онер, 1986. 200 с.
- Некоторые проблемы источниковедческого изучения материалов экспедиции Ф.А. Щербины, 2012 URL: <https://kaz-ekzams.ru/istoriya-kazaxstana/uchebniki-po-istorii-kazaxstana/voprosy-istoriografii-kazahstana/976-nekotorye-problemy-istochnikovedcheskogo-izucheniya-materialov-ekspedicii-f-a-scherbiny.html>. Дата обращения 20.10.2017.
- Н(икитин). Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области // Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г. Семипалатинск, 1898. С. 1-29.
- Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.) // Древние жилища народов Восточной Европы. М., 1975. С. 7-49.
- Оразбаев А. М. Поселение Чаглинка (Шагалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 67–83.
- Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. Выпуск 5. Семипалатинск, 1901.
- Полферов Я.Я. Земледелие в Тургайской области. Оренбург, 1896.

- Попов Ю.Г. Волостные управители и народные судьи (бии) Каркаралинского уезда: 1871 - 1919 годы. Караганда, 2010. 130 с.
- Потапов В.В. К вопросу об относительной хронологии нурских стоянок // Российская археология. 2003. №1. С. 117-123.
- Потапов В.В. Хозяйственные уклады населения Нижнего Дона и Восточного Приазовья периода поздней и финальной бронзы и динамика их развития // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 286-296.
- Резван Е.А. Туркестан. Мой мир ислама. Санкт-Петербург: ООО КМБХ, 2016. 328 с., илл.
- Савельев Н.С. Раннесакские поселения Южного Зауралья // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы, 2015. С. 246–254.
- Святко С. В., Бейсенов А. З. Первые изотопные данные о диете населения тасмолинской культуры. Самарский научный вестник. 2017. №6. 3(20). с. 223–227.
- Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 54-66.
- Соёнов В. И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. С. 169–172.
- Табалдиев К.Ш. О поселениях ранних кочевников Тянь-Шаня // Түрк цивилизациясынын дүйнөлүк цивилизациялар ичиндеги орду: 2 Элаларлык конгресс, Бишкек, 2005. С. 305-310.
- Тасилова Н.А. «Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию» как источник по истории Казахстана (конец XIX-начало XX вв.). Учебное пособие. Алматы: КазНУ, 2016. 200 с.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Часть 2. Тюмень, 2002. 243 с.
- Ткачев А.А., Волошин В.С. Одиночные захоронения раннего железного века бассейна р. Нуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 80-86.
- Төлеубаев Ә.Т., Үмітқалиев Ұ.Ұ. Шығыс Қазақстан жеріндегі сақ дәуірінің Қарашоқы-1 қонысы // Всадники Великой степи: традиции и новации. – Астана, 2014. – С. 58-63.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Гылым, 1994. 170 с.
- Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана, 2003. Т. 1. Древние эпохи. С. 189–214.
- Хабдулина М.К. Итоги изучения улыбай-тасмолинской культуры Северной Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2017. С. 35-58.
- Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М. : Наука, 1977. 262 с.
- Шнэ В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1894. Кн. 17, вып. 1. С. 1–19.
- Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поиска // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 155-159.
- Шульга П.И. О древнем земледелии в Горном Алтае // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. С. 242-248.
- Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая В скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: СО РАН, 2015. 336 с.
- Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3. С. 55–65.
- Флёров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: Институт археологии РАН, 1996. 100 с.
- Beisenov A. Studies of the Saka settlements in the east part of Central Kazakhstan // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул, 2015. С. 289–293.
- Beisenov, A. Z., Svyatko, S. V., Kassenalin, A. E., Zhambulatov, K. A., Duisenbai D. Reimer, P. J. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period). 2016. Radiocarbon, 58, p.179–191.

Глава II

ПОСЕЛЕНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Районы Горного Алтая

Горный Алтай является северо-западной частью горной страны Алтай, протянувшейся на территории Казахстана, России, Монголии и Китая более чем на 2000 км. Большая часть Горного Алтая на территории Российской Федерации находится в рамках Республики Алтай, а потому на обыденном уровне и в СМИ в России эти названия часто воспринимаются как одно целое. Между тем, значительные по площади среднегорья и низкогорья Северо-Западного Алтая находятся и в Алтайском крае – это Алтайский, Солонешенский, и Чарышский районы, а также частично Курьинский, Краснощёковский, Змеиногорский и Староалейский районы Алтайского края (рис. 16). Значительная часть Горного Алтая находится и на прилегающей с юго-запада территории Казахстана.

Орографически Горный Алтай делится на пять частей: Южный, Центральный, Восточный, Северо-Восточный и Северо-Западный [Маринин, Самойлова, 1987]. Эта схема не учитывает особенности климата, растительности, животного мира и хозяйственной деятельности, а потому используется в археологии, прежде всего, для указания местонахождения памятников. Хребты *Южного Алтая* расположены в Восточном Казахстане (до Калбинского хребта на левобережье Иртыша и Курчумского хребта у оз. Маркаколь) за исключением восточной части, подходящей к горному узлу Тавын-Богдо-Ола на стыке границ Казахстана, России, Монголии и Китая. Для археологов этот участок хорошо известен как плато Укок (Кош-Агачский район Республики Алтай), где были обнаружены мерзлотные курганы пазырыкской культуры [Полосьмак, 2001; Молодин, 2000; и др.].* (*Примечание. В археологической литературе Укок иногда называют Юго-Восточным Алтаем, а западную часть Южного Алтая (Восточный Казахстан) – Западным Алтаем.) Центральный Алтай занимает бассейн верхней Катунни примерно в рамках Онгудайского и Усть-Коксинского районов (хребты Катунский,

Южно-Чуйский, Листвяга, Северо-Чуйский, Теректинский). Это наиболее престижная и значимая часть для скотоводов Горного Алтая с эпохи энеолита. В обширных долинах, пригодных для круглогодичного выпаса скота и земледелия, сосредоточено основное количество курганов афанасьевской культуры и элитных курганов пазырыкской культуры. *Восточный Алтай* включает отходящий от гор Тавын-Богдо–Ола хребет Сайлюгем, протянувшийся к востоку по границе с Монголией, а также хребты Чихачёва и Шапшальский, находящиеся к северу по границе с Тувой. Сюда обычно относят всю Чуйскую степь или её восточную часть (Кош-Агачский район), где В.Д. Кубаревым, исследовано большое количество мерзлотных курганов пазырыкской культуры, а также объекты, демонстрирующие связи с Тувой и Монголией, включая херексуры и оленные камни [Кубарев, 1979, 1987, 1991, 1992; Кубарев, Шульга, 2007].* (***Примечание.** В археологической литературе эта часть Горного Алтая часто называется Юго-Восточный Алтай. Очевидно, что в данном случае речь идёт о Юго-Восточной провинции Горного Алтая и о расположении Чуйской степи на юго-востоке Республики Алтай.)

В северной части Горного Алтая выделены *Северо-Западный Алтай* и *Северо-Восточный Алтай*, разделённые р. Катунь.* (***Примечание.** Северо-Восточный Алтай часто называется Северным.) Основная территория Северо-Восточного Алтая находится между реками Катунь, Бия и Абакан и включает бассейны Чулышмана и Башкауса. С юга ограничивается Айгулакским и Курайским хребтами. В этой части расположены и знаменитые курганы из урочища Пазырык, часто относимые в археологической литературе к Восточному или Юго-Восточному Алтаю. Северо-Западный Алтай – система хребтов между реками Катунь и Бухтарма, «которая обращена своим фасадом к казахстанским степям и Западно-Сибирской равнине» [Маринин, Самойлова, 1987, с. 14]. Включает Канскую котловину (Усть-Канский район), а также увлажнённые среднегорья и низкогорья, отделяющие Центральный Алтай от равнины.

Судя по имеющимся данным, увлажнённый пояс низкогорий и среднегорий, протянувшийся с севера на юг от Катунь до Бухтармы (от Алтайского района до Староалейского района Алтайского края), уже с III тыс. до н. э. служил буферной зоной между культурами Горного Алтая и равнины.

История изучения поселенческих комплексов. Общие данные

Археологические культуры скифского времени на Саяно-Алтае на территории РФ, в Монголии и Синьцзяне (Китай), а также в примыкающем Казахском Алтае традиционно изучаются по погребальным и поминальным памятникам. Аналогичным образом выделены и культуры VII–III вв. до н. э. в Горном Алтае и предгорьях: майэмирская (маймерская), бийкенская, быстрианская и пазырыкская.

Вместе с тем, в силу ряда причин, поселенческие комплексы здесь изучены значительно лучше, чем на прилегающих территориях. Первые поселения в Горном Алтае выявлены разведками бийского археолога и краеведа Б.Х. Кадикова в 50-х и 60-х гг. XX в. по р. Катунь и в верховьях р. Бия. Начало систематических исследований было положено новосибирскими учёными в конце 70-х гг. раскопками на Кара-Тенеше и раз-

ведками по Нижней Катуні и р. Лебедь [Погожева, Молодин, 1980; Лапшин, Молодин, Петрин, 1982; Молодин, Петрин, 1985]. Тогда же В.И. Молодиным было выявлено несколько поселений, расположенных по-особому – не на террасах основной реки Катуні, а по впадающим в неё рекам [Молодин, Петрин, 1985; Бородовский, 2001]. Наиболее активно поселенческие комплексы раннего железного века исследовались в 80-х гг. XX в. Целенаправленные поиски поселений раннего железного века в северных предгорьях велись М.Т. Абдулганеевым, а нижнем течении Катуні – С.М. Киреевым.

В районах собственно Горного Алтая (Республика Алтай), а также северо-западных предгорьях (Алтайский край) работы по поиску поселений проводились, преимущественно, П.И. Шульгой в 80-90-х гг. XX в. Наиболее тщательно обследовались долины по Катуні и Урсулу (Чемальский, Онгудайский и Усть-Коксинский районы), а также в верховьях рек Песчаная, Ануй и Чарыш в границах Республики Алтай и Алтайского края. Всего П.И. Шульгой было открыто 103 поселения (включая средневековые городища Нижний Чепош-3, 4), в том числе 90 в границах Республики Алтай: 27 поселений в Чемальском районе, 11 – в Шебалинском, 33 – в Онгудайском, 12 – в Усть-Коксинском, 5 – в Усть-Канском; 2 – в Улаганском районах [Шульга, 1990].

Разработанная в Горном Алтае методика поиска поселений подтвердилась в Туве. В 2011 г. автором в горах неподалёку от «царского» раннескифского кургана Чингетей [см. Чугунов, 2011] в укромном логоу было обнаружено скотоводческое поселение с мощным культурным слоем (более 1 м) [Шульга, 2011], впоследствии получившее название Желвак-1. Вскоре в этой местности археологами из Государственного Эрмитажа было найдено ещё несколько поселений [Жогова, 2014]. Значительный поселенческий материал был получен в Денисовой Пещере [Деревянко, Молодин, 1994], на Кучерле [Молодин, Ефремова, 2010], а также на Средней Катуні [Кунгуров, 1994; Степанова, 1994; и др.]. В результате были отработаны методики поиска поселений на Нижней Катуні [Молодин, Петрин, 1985], а затем и в центральной части Горного Алтая [Шульга, 1990а, 1990б, 1990в].

Поиски поселений проводились и в северо-западном поясе низкогорий, отделяющем степи Алтайского края от остепнённых долин Горного Алтая (Чарышский, Солонешенский и Алтайский районы Алтайского края (рис. 16), но, не смотря на приложенные усилия, там найдено малое количество поселений, из которых лишь 1-2 содержат сравнительно насыщенные культурные слои. Вероятно, следует совершенствовать методику поиска, но основная причина тому видится в слабой заселённости этой не благоприятной для скотоводов местности. Пока не найдены перспективные поселения и в юго-восточной части Республики Алтай (верховья Чуи, Укок), где скотоводы. в скифское время проживали всего лишь около полувека [Шульга, Мыглан, Слюсаренко, 2016].

К середине 90-х годов XX в. исследования поселений в Горном Алтае и предгорьях были постепенно свёрнуты, хотя эта тема некоторое время ещё привлекала внимание [Шульга, 1994, 1997, 1998а, 1998 в, и др.; Кунгуров, 1994; Бородовский, 1994; Абдулганеев, 1996, и др.; Абдулганеев, Владимиров, 1997; Киреев, 1990, 1992]. В последние 10–15 лет публикации по указанной теме почти прекратились. Вместе с тем, из печати вышли две обобщающих монографии по культовому комплексу на р. Кучер-

ле [Молодин, Ефремова, 2010] и поселениям Горного Алтая в целом [Шульга, 2015а]. В ходе подготовки монографии, П.И. Шульгой были дополнительно собраны опубликованные за прошедшие 20 лет материалы по поселениям Горного Алтая с III тыс. до н. э. до этнографического времени, и обработан значительный блок ещё неизданных комплексов. Всего на 2012 г. в границах Республики Алтай и прилегающих горных районов Алтайского края (Алтайский, Солонешенский, Чарышский) было учтено 226 объектов, в число которых вошли как достаточно хорошо обследованные поселения, так и значительное число местонахождений, где обнаружено небольшое количество керамики. Сюда же включены и немногочисленные городища с культурным слоем [Шульга, 2015].

Поселения в Горном Алтае, обычно, многослойные. Соответственно, учитывались не только памятники раннего железного века и средневековья, но также эпохи энеолита (афанасьевская культура) и бронзы. Из них большая часть выявлена в Майминском районе – 53, Чемальском – 67, Шебалинском – 17, Онгудайском – 36, Усть-Канском – 10 и в Усть-Коксинском – 14. Достоверно однослойными являются только поселения раннего железного века* (*Примечание. Всего однослойных поселений раннего железного века учтено 86, но большинство из них почти не исследовалось, и там могут быть обнаружены слои иных эпох.).

Судя по количеству поселений с керамикой раннего железа (133 поселения), это была эпоха максимального заселения Горного Алтая, когда осваивались ранее пустовавшие районы и урочища. Освоенность в энеолите (около 50 поселений) и в средневековье (46 поселений и городищ) была примерно одинакова. Часто встречаются двуслойные поселения, где слой раннего железного века соседствует со средневековым слоем (22 поселения) и афанасьевским (20 поселений). На 17 поселениях представлены все три вышеупомянутые эпохи, т.е. в этих конкретных местах условия для скотоводства и проживания были наиболее оптимальными. Керамика эпохи бронзы выявлена на 19 поселениях, *но слои этой эпохи обычно не фиксируются*, а большая часть поселений сосредоточена в Чемальском районе по Катунь (12), куда проникало население с Прердалтайской равнины. Привязанность древних скотоводов к одним и тем же удобным местам хорошо демонстрируется раскопками на поселении Партизанская Катущка у с. Узнезя Шебалинского района, где вдоль склона по линии З–В с интервалом в 3 и 6 м зачищены три очага афанасьевского, скифского и средневекового времени [Шульга, 2015, рис. 46, 3]. Очаги раннего железного века и средневековья на Партизанской Катущке находились в жилищах, то же можно сказать и об афанасьевском, судя по мощному зольному слою.

Раскопы на территории Республики Алтай закладывались разными исследователями на 32 поселениях, содержащих слои раннего железного века, из которых две трети (23 поселения) исследованы по Катунь на небольшом отрезке протяжённостью 150 км от с. Майма до с. Куяс. В традиционных скотоводческих районах, где преимущественно проживали пазырыкцы, раскопки велись всего лишь на шести поселениях, а сами раскопы имели незначительную площадь, что не позволило проследить полностью ни одного из обнаруженных жилищ.

Особенности хозяйствования на территории Горного Алтая

Скотоводство. Согласно имеющимся данным, в течение последних 5 тыс. лет на территории Горного Алтая существовали скотоводческая зона с малым количеством осадков в зимнее время (преимущественно центральная и юго-восточная части Республики Алтай) и охватывающая её полукругом увлажнённая зона, где выпас скота в зимнее время был затруднён или вовсе невозможен (Северо-Западный и Северо-Восточный Алтай) (рис. 16).

Скотоводческая зона представляет собой обширную территорию со всевозможными ландшафтами от низкогорных лесов и степей до высокогорной тундры и ледников. Однако, жизненно важное значение для кочевников Алтая имели разбросанные среди хребтов, плато и складок гор тысячи речных долин и несколько обширных степей (котловин). В этих долинах и степях имелись пастбища, на которых из-за малого количества сдуваемого ветром и растапливаемого солнцем снега, трава оставалась доступной для скота в зимние месяцы. Именно эти зимние пастбища определяли предельное поголовье разводимого скота, а, следовательно, и численность самих скотоводов, способных из года в год переживать суровые зимы. Причиной малого количества осадков и снега на зимних пастбищах являются горные хребты, препятствующие их проникновению в глубину гор. При этом в зимнее время осадков выпадает менее всего. Например, годовое количество осадков в Усть-Канском районе – 73 мм, а на зиму приходится лишь 14 мм. Схожая картина наблюдается и на Катунь. Участок южнее Чемала до места впадения р. Урсул находится в дождевой тени Семинского хребта и отличается от долины р. Катунь к северу от Чемала большей сухостью, что замечательно иллюстрируют особенности растительности и археологических памятников. Занятия продуктивным земледелием в скотоводческой зоне возможны на сравнительно небольшой территории в Онгудайском и Усть-Коксинском районах. В зимнее время в скотоводческой зоне снежный покров небольшой, а на покрытых горностепной растительностью речных террасах, склонах южной экспозиции и в долинах почти полностью сдувается ветром и растапливается солнцем [Куминова, 1960, с. 44, 59, 64], что дает возможность выпасать скот круглогодично без заготовки кормов. Население занималось в основном скотоводством и охотой. В более залесённых среднегорьях Северо-Западного Алтая доля охоты и собирательства была значительней.

На протяжении последних пяти тысяч лет до XIX в. основное население Горного Алтая концентрировалось в скотоводческой зоне. Природно-климатические условия Горного Алтая предполагали вертикальное кочевание, при котором скотоводы в долинах имели зимники, где проживали значительную часть года. Здесь же, на зимниках, располагались могильники, служившие, помимо прочего, доказательством права на владение данными пастбищами. Картографирование курганов эпохи энеолита (афанасьевская культура), раннего железного века и средневековья показало, что почти все они расположены в границах территории, на которой в зимнее время выпадает мало снега, то есть в остепнённой зоне, на пастбищах, где до сих пор чабаны зимой пасут свой скот, строят зимники.

Поселения древних скотоводов на Алтае находились не по берегам водоёмов (как было на равнине), а в логах и у скальных выходов, где можно укрыть свой скот и жилища от ветров, а также быть менее заметными в случае неожиданного появления неприятеля. Расстояние до ближайшего водного источника от поселения или могильника может значительно превышать 1 км (рис. 17), что вполне объяснимо – в зимнее время люди и скот вполне могли утолить жажду снегом. В вершинах многих заселявшихся логов, обычно, имеются седловинки, позволявшие в случае опасности незаметно отойти в соседний водораздел или долину. В этом отношении наиболее показательны результаты обследования замкнутых с трех сторон долин, в которых располагались могильники всех трех вышеупомянутых указанных эпох (бронзовый и ранний железный века, средневековье): четырехкилометровая долина у с. Туэкта (рис. 17), ряд крупных логов на семикилометровом участке у с. Кулада в районе Башадарских курганов, окрестности с. Ело, пос. Озерное и других.

На большинстве долинных поселений культурный слой беден, но на этом основании их не следует определять как кратковременные летние стоянки. Практически все поселения раннего железного века в скотоводческой зоне Горного Алтая расположены на зимних пастбищах, недалеко от могильников и являлись зимниками. Отдельные фрагменты керамики и кости встречаются и на удалённых от горных склонов террасах крупных рек, но здесь, как правило, нет культурного слоя.

Природное окружение довольно жёстко определяло наиболее оптимальные формы кочевания скотоводов Евразии. В равнинных степях кочевники со стадами подобно стадам сайгаков (Казахстан) и зеренов (Монголия) традиционно кочевали на сотни километров вслед за травой – летом на север, а зимой на юг – на зимние пастбища. *В горах принцип кочевания остаётся тем же, только «северные» увлажнённые пастбища находятся не за сотни километров, а всего лишь в 10–20 км на высокогорье, поскольку зоны растительности быстро меняются по высоте.* Такая форма сезонных перемещений со стадами называется вертикальным (яйлажным) кочеванием. С наступлением зимы глубокий снег заставляет кочевников уходить со скотом на зимние бесснежные пастбища: «горные» скотоводы спускались в долины или предгорья, а степные уходили на юг. По имеющимся китайским источникам, такая система кочевания и состав стада сложились в Монголии ещё в I тыс. до н. э. [Динесман, Болд, 1992].

По Алтаю для I тыс. до н. э. таких данных нет, но не менее весомым аргументом являются наблюдения на выявленных древних поселениях. Почти все поселения в скотоводческой зоне Горного Алтая расположены в одних и тех же местах с эпохи энеолита, когда афанасьевцы впервые в Сибири начали разводить скот. Непосредственно на древних поселениях в Горном Алтае часто находятся стоянки современных чабанов или следы от зимних стоянок XIX–XX вв. (рис. 17). Состав стада и соотношения видов скота, определяемые по костям с поселений Горного Алтая за прошедшие 2,5 тыс. лет практически не изменились. Аналогичными являются и природно-климатические условия. Как бы не решился вопрос о наличии лошадей в стаде афанасьевцев, но *система вертикальных перекочёвок с зимниками (поселениями) в долинах, несомненно, сложилась у них уже в III тыс. до н. э.*

Сходство хозяйства скотоводов Горного Алтая в скифское время и в XVII–XIX вв. убедительно иллюстрируется остеологическими материалами по составу стада. По количеству костей на поселениях остепнённой зоны (Кастахта-3, Куротинский Лог-1, Черный Ануй-3) лошадь составляет соответственно 34, 39,5 и 40,8% от костей домашних животных. На поселениях, примыкающих к увлажненной зоне Северного Алтая (Партизанская Катушка, Элекмонар-4 и Аскат-2), соотношение меняется и лошади принадлежит соответственно 43,8, 49,6 и 61%. Подобное изменение мы наблюдаем и при сравнении доли м.р.с. (мелкий рогатый скот) в остепнённой и увлажнённой зонах. На поселениях остепнённой зоны Кастахта-3, Черный Ануй-3 и Куротинский Лог-1 доля м.р.с. в стаде колеблется от 34 до 51%. Особенно высок процент м.р.с. на самом южном поселении Кастахта-3, где при среднем уровне 50,9%, в некоторых слоях м.р.с. достигает 55,6 и 59,9%. Многократное преобладание костей м.р.с. отмечено на расположенных в засушливом южном участке Средней Катунки поселениях Кара-Тенеш [Погожева, Молодин, 1980, с. 97; Косинцев, Степанова, 2010, табл. 4] и Тогусхан-8 (раскопки автора). На последнем кости мелкокопытных животных составляют 90% от числа всех костей. На поселениях, граничащих с увлажненным Северным Алтаем (Аскат-2, Элекмонар-4 и Партизанская Катушка), доля м.р.с. намного ниже и составляет соответственно 20,2, 23 и 32%. Итак, в южной остепненной зоне основное место в хозяйстве занимала лошадь (34–41%), затем – м.р.с. (34–51%) и к.р.с. (крупный рогатый скот) (15%). В увлажненной северной зоне значение лошади возрастает, на нее приходится от 44 до 61%, значительно больше к.р.с. – 19–27% и меньше м.р.с. – 20–32% [Шульга, 2015, табл. 1-5].

Очевидно, что приведённые выше различия в видовом составе стад объясняется особенностями природно-климатических условий в районах расположения исследованных поселений. Небольшой слой снега, выпадающий в зимнее время в остепненных районах, быстро сдувается с безлесных террас и склонов южной экспозиций, делая их доступными для пастбы скота. В увлажненной зоне глубокий снег, залесённость склонов и террас затрудняли выпас скота в зимнее время. В связи с этим, преимущественно разводилась лошадь, способная тебеневать при глубине снега до 60 см [Федорович, 1973, с. 207]. Возможности выпаса м.р.с. там значительно сокращаются, так как овца и коза тебенюют при мощности снега до 12–20 см [Одинцов, Челышев, 1947, с. 25; и др.], а к.р.с. в самое снежное время должен был подкармливаться.

Выводы, сделанные на поселенческом материале, подтверждаются этнографическими данными по Горному Алтаю ясачной комиссии 1832 г. [Владимиров, 1990]. Южные алтайцы объединялись в семь дючин. Для характеристики остепнённой зоны мы используем материалы по трем дичинам: седьмой, кочевавшей по рекам Катунь, Каракол, Уймон и др., где расположено поселение Кастахта-3; пятой – по рекам Катунь, Урсул, Талда, Туэкта, Курота и др. (поселение Куротинский Лог-1) и третьей, кочевавшей в верховьях Чарыша и Ануя, Кану и др. (поселение Черный Ануй-3) [Владимиров, 1984, с. 123]. Для характеристики северной увлажненной зоны привлекались материалы по первой дючине, кочевавшей по рекам Катунь, Чемал, Элекмонар, Куюм, Сема, Черга, Майма и др. (поселения Элекмонар-4, Партизанская Катушка и Аскат-2).

В хозяйстве алтайцев третьей пятой и седьмой дючин на первом месте находилась лошадь, соответственно 33,3, 35,1 и 46,5% (сравним 34–41% на поселениях). На втором месте был м.р.с. – соответственно, 44,5, 43,2 и 36,1% (сравним 34–51% на поселениях). На третьем месте находился к.р.с – соответственно, 22,2, 21,6 и 17,4% (сравним 15–23% на поселениях).

В первой северной дючине в хозяйстве алтайцев главное место также занимала лошадь – 66,2% (сравним 44–61% на поселениях), затем – к.р.с – 28,4% (сравним 19–27% на поселениях) и м.р.с. – 5,4% (сравним 20–32% на поселениях) [Шульга, 2015, табл. 1-5].

Как видим, фиксируемые в составе стада изменения на поселениях раннего железного века, происходившие в зависимости от климатических зон, соответствуют изменениям в реальном составе у алтайцев по переписи 1832 г. Это соответствие прослеживается не только в виде тенденции к уменьшению или росту доли какого-либо вида. Во многих случаях совпадает и диапазон вариабельности видов скота на поселениях и в дючинах. Наибольшее совпадение отмечено в остепнённой зоне. Подобные колебания состава стада в зависимости от более южного засушливого или северного увлажненного положения прослеживаются в Казахстане, как в эпоху бронзы, так и в XVIII–XIX вв.: «...увеличение процента крупного скота у скотоводческого населения степей с юга на север, вслед за уменьшением аридности климата, экологически оправдано и выступает как закономерность, на что неоднократно обращали внимание этнографы и путешественники» [Косарев, 1984, с. 68].

Заселявшаяся скотоводами остепнённая зона Горного Алтая отделена от предгорных степей поясом низкогорий и среднегорий Северного и Северо-Западного Алтая (рис. 16). Этот пояс шириной 80-120 км представляет собой увлажнённую зону, где из-за мощного снежного покрова выпас скота в зимнее время затруднен или совсем невозможен. Тем не менее, в предгорном увлажнённом поясе кочевники могли проживать длительное время по долинам крупных рек (Чарыш, Ануй, Песчаная, Катунь) на участках с особым микроклиматом. В черневой тайге на севере и северо-востоке Горного Алтая скотоводы не жили, а имевшееся там редкое население, в традиционном занималось охотой и собирательством.

Земледелие

Одной из самых малоизученных отраслей хозяйства у жителей Горного Алтая в раннем железном веке является земледелие. Жители Алтая традиционно воспринимались как скотоводы-кочевники подобно населению в горно-долинные ландшафтах Тувы и Монголии. Действительно, природно-климатические условия на большей части Горного Алтая не благоприятны для выращивания зерновых, и не случайно, после распада СССР и крупных хозяйств, имевших государственную поддержку, пашни в скотоводческой засушливой зоне Горного Алтая были заброшены или стали засеиваться многолетними травами на корм скоту. Тем не менее, при наличии соответствующих навыков и посевного материала земледелие могло быть рентабельным не только в увлажнённых предгорьях с более мягким климатом, но и в некоторых долинах Центрального Алтая.

Обнаружив семена проса в Туэкте-1, С.И. Руденко [Руденко, 1953, с. 76; 1960, с. 200] предположил, что в долине р. Урсул, отличающейся более мягким и теплым климатом, пазырыкцы сеяли эту злаковую культуру. М.П. Грязнов и С.В. Киселев считали, что пазырыкцы получали зерно путем обмена от оседлых земледельческих племен за пределами Горного Алтая [Руденко, 1960, с. 200–201]. Вероятно, такой обмен существовал, на что, быть может, указывает обнаружение в Денисовой пещере в слое раннего железного века ямы с 15 кг пшеницы обыкновенной (*Triticum vulgare Host*). [Деревянко, Молодин, 1994, с. 105].

Наиболее оптимальное, в сравнении с другими районами предгорий, сочетание влаги и тепла отмечается в долине р. Катунь от р. Чемал на юге до р. Майма на севере [Югова, 1975, с. 87]. Условия для произрастания и возделывания культурных растений в окрестностях Маймы и Горно-Алтайска даже лучше, чем в степных и лесостепных районах Алтайского края. Климатические условия долины Катунь от Чемала до Маймы, с одной стороны, оставляли возможность для занятий скотоводством, а с другой – способствовали успешному занятию земледелием.

Одним из аргументов в пользу наличия земледелия на этом отрезке Нижней Катунь является довольно прочная оседлость в Майминском микрорайоне, а также наличие зернотёрок на поселениях. На поселении Чепош-2 найдено 16 обломков от верхних и нижних камней зернотерок и один целый курант. Зернотёрки, как правило, находились в хозяйственных ямах полуземлянок. Размеры зернотерок составляют приблизительно 35x20 см. Судя по сохранившемуся куранту, ширина нижнего камня зернотерки, в комплекте с которой он использовался, равнялась 23–25 см. Обломки от 20 зернотерок (курантов и нижних камней) обнаружены на поселении Кастахта-3. Найденная там зернотерка размерами 53x25x6 см – одна из самых крупных в Алтайском крае [рис. 23, 1]. Это максимальные размеры нижнего камня, так как «именно настолько позволяет совершать возвратно-поступательные движения длина человеческой руки» [Сидоров, 1986, с. 63]. Климатические условия Усть-Коксинской долины, где найдено поселение Кастахта-3, являются самыми благоприятными в Центральном Алтае для земледелия. Земля в долине плодородная, мощность гумуса до 1 метра. И не случайно, на этих землях поселились первые в Горном Алтае русские крестьяне.

На исследованных раскопами расположенных в логах типично скотоводческих поселениях зернотёрки встречаются значительно реже. По валиковой керамике они предположительно соотносятся с этнической группой собственно пазырыкцев, погребавших умерших в срубах с лошадьми. Однако и они использовали зернотёрки достаточно широко. На это указывают не только случаи их обнаружения в пазырыкских курганах. Так, на относимом к пазырыкцам поселении Куротинский Лог-1, расположенном у известных Туэктинских курганов, в жилище было обнаружено четыре куранта (в том числе очень крупный, переделанный из нижнего камня зернотёрки), три заготовки курантов и обломок нижнего камня зернотёрки типа «паспах» [Шульга, 1997].

Найденные в Горном Алтае на поселениях раннего железного века зернотерки и куранты, вполне уместно рассматривать как показатель земледелия в местах их обнаружения. Однако, нахождение жерновов, курантов и зернотерок в пазырыкских курганах

на р. Юстыд в Чуйской долине (более 2000 м над ур. моря), в безлесной высокогорной долине Бертек (около 2300 м над у. м.) и примыкающей долине Мойнак [Кубарев, 1991, с. 166; Древние культуры..., 1994, рис. 59, 62.-1, с. 72, 143; Молодин и др., 1993, с. 23, рис. 17], где земледелие было невозможно, а собирательство мало что давало, однозначно указывают, что данные зернотёрки указывают лишь на то, что на них могли растирать зерно. Выращено же оно могло быть только за пределами этих высокогорных пастбищ – в предгорьях, на Нижней Катуни или в Центральном Алтае. Очевидно, зернотёрками также перерабатывались дикорастущие растения, семена и плоды [Кубарев, 1987, с. 137]. Известны жернова и на древних поселениях Горного Алтая (рис. 23, 5) [см. Шульга, 2015, с. 57].

Итак, предположительно занимавшиеся выращиванием злаков скотоводы раннего железного века заселяли в основном увлажнённую часть Нижней Катуни от Чемала до Маймы (рис. 16), отличающуюся мягким климатом и плодородием почвы [Археологические памятники..., 2008]. В меньших масштабах земледелие было распространено в Центральном Алтае. При этом зернотёрки там обнаружены как на «земледельческих» поселениях с кастахтинской керамикой, так и на скотоводческих с куротинской керамикой. Их обитатели, очевидно, имели в долинах на зимних пастбищах селения из одного-трёх рубленых домов с загонами для скота. Поблизости могли располагаться небольшие посева, за которыми летом ухаживали остающихся в посёлке люди. Большая часть жителей этих селений в летнее время находилась со скотом на летних пастбищах, расположенных в 10–30 км от зимника. Это небольшое расстояние можно было проехать верхом на лошади всего за несколько часов, а потому оставшиеся в посёлке люди постоянно поддерживали связь со своими откочевавшими родственниками. Всё это создавало стабильные условия для возделывания небольших земельных участков неподалёку от стационарных жилищ и зимних пастбищ, которые также нужно было охранять от потравы.

Поселения скотоводческой зоны Горного Алтая

По особенностям расположения и размерам подавляющее большинство поселений в скотоводческой зоне могут быть разделены на малые и средние. Однако принципиальных различий между ними нет. Культурный слой на большинстве поселений незначительный – мощностью от 15 до 30 сантиметров. Скотоводческие поселения отличается большое количество костей животных, углей и сравнительно небольшое число фрагментов керамики, имеющих малые размеры: от 2x2 см до 3x4 см. Очевидно, это связано с меньшим употреблением керамических сосудов, а также отсутствием глубоких хозяйственных ям и жилищных западин. Соответственно, в скотоводческой зоне керамика, находящаяся на поверхности плотной, иногда каменистой почвы, растапывалась скотом и людьми на мелкие фрагменты. Поселения, расположенные в более увлажнённых районах Центрального Алтая и Катуни (ниже Чемала), отличаются мощным гумусом, имеют культурный слой от 60 см до 140 см (Элекмонар-4, Черный Ануй-3, Кастахта-3, Ламах-2).

Малые поселения расположены в небольших логах или на узких террасах у защищавших от ветров горных склонов, обычно ограничивавших площадки с двух-трёх сторон. Площадь их составляла от 300 до 800 кв. м (не более 1000 кв. м), т.е. даже самые крупные занимали площадку всего 30х30 м или 20х50 м. На большинстве таких поселений размерами примерно 20х30 м одновременно можно было расположить всего одно-два жилища. Причина такой стеснённости заключается не в недостатке более крупных площадок, а в том, что кочевники сознательно выбирали такие места, *поскольку для большего количества людей и скота, зачастую (например, по малым речным долинам), просто не хватало пастбищ*. В более крупных долинах и обширных степях пастбищ было значительно больше, но и там скопление в одном месте большого количества людей и скота приводило к быстрому стравливанию прилегающих пастбищ. Для использования под выпас участков, расположенных от жилища далее чем в 3–4 км, пришлось бы зимой постоянно перекочёвывать.* (*Примечание. Площадь пастбища у зимней стоянки или колодца (в пустынных местах) определяется дальностью нажировочного прогона животных. Например, в степной зоне Монголии это расстояние в зимнее время составляет для мелкого и крупного рогатого скота до 3,5 км, а для лошадей – до 7 км. Средний радиус суточного прогона животных определён в 4 км [Динесман, Болд, 1992, с. 197–198]. Не случайно жилища южных алтайцев в XIX в. располагались друг от друга на расстоянии в пять и более километров). В отношении проживавших на рассматриваемой территории южных алтайцев в XIX в. отмечалось: «Кочевому образу жизни соответствовали определённые формы поселений, характерной особенностью которых являлась разбросанность и малолюдность». В ходе перекочёвок «каждая отдельная семья выбирала для поселения такое место, где имелись хороший травостой, источник воды и не было соседей. Селились на расстоянии 5 км и более друг от друга». На зимних пастбищах в складках гор выбирали защищённые от ветров распадки, где ставили жилище и содержали скот, выпасавшийся на ближайших южных склонах, свободных от снега [Тощакова, 1978, с. 70]. По наблюдениям миссионера В.И. Вербицкого южные алтайцы во второй половине XIX в., проживали разбросанно аилами «не более трёх юрт, принадлежащих ближайшим родственникам, как-то: отцу с сыновьями и их семейством» [цит. по: Тощакова, 1978, с. 72]. Разбросанный тип поселений был характерным и для других алтайцев – телесов и теленгитов, кочевавших в юго-восточной части Горного Алтая [Тощакова, 1978, с. 73], в аилах которых проживало по 2–3 семьи (Дьяконова, 2001, с. 16). У тувинцев, монголов и казахов на зимниках также располагалось всего по несколько жилищ [Вайнштейн, 1991, с. 14–15; Динесман, Болд, 1992, с. 175–176]. В Горном Алтае большие объединения были просто невозможны из-за отсутствия достаточной кормовой базы в небольших, зачастую, изолированных, долинах и урочищах.

Итак, в XVIII–XIX вв. скотоводы Горного Алтая, как и другие обитатели горно-степных ландшафтов в соседней Туве и Монголии, кочевали малыми группами близких родственников, устанавливавших в одних и тех же местах на зимниках 1–3 жилища. *Количество семей на зимовке, в конечном счёте, определялось площадью и качеством доступных пастбищ, необходимых для сохранения стада в зимнюю бескормицу*. По-

селения, расположенные в крупных логах и вдоль склонов широких долин в Горном Алтае, имеют значительно большую площадь. Это могло быть связано как с величиной древних посёлков в наиболее благоприятных местах для занятий скотоводством, охотой, собирательством и земледелием, так и с возможностью в течение времени заселять различные участки в пределах выбранного лога или подножия горы.

Незначительные по площади раскопы на поселениях скотоводческой зоны Горного Алтая пока не позволяют решить вопрос о планировке жилищ на посёлках древних кочевников. Предположительно, они устраивались на поселениях рядами, как пазырыкские курганы, по-видимому, копировавшие реально существовавшие поселения (стойбища) [см. Шульга, 2015, с. 20-23]. По мерзлотным курганам пазырыкской культуры устанавливаются основные характеристики их долговременных жилищ в виде рубленых домов. Стены срубов изнутри гладко отёсывались и драпировались коврами, прибитыми деревянными колышками или бронзовыми гвоздями. Потолок из продольно уложенных брёвен перекрывался большими пластами (в несколько слоёв) непромокаемой бересты, а выше пластами лиственничной коры. Выступавшие наружу концы брёвен иногда были «плотно обёрнуты слоём бересты для предохранения их от гниения» [Мыльников, 1999, с. 28]. Эту же защитную функцию могло выполнять и обугливание концов брёвен и поверхности срубов. Стыки брёвен иногда промазывались глиной, а на крыше прикрывались жердями. Слои бересты и лиственничной коры на «крыше» сруба часто придавливались камнями и жердями, как у жилых домов с плоской крышей, чтобы их не снесло ветром [Кубарев, 1987, с. 19–21]. Внутри погребальных срубов отмечены специальные вырубленные в нижних брёвнах уступы для укладки продольных досок пола, на которых иногда устанавливалось ложе-кровать. Сохранились также «подушки» из дерева, подкладывавшиеся под голову умершего. Судя по расположению умерших (мужчины у южной стенки, а женщины к северу), правая сторона жилища была женской (хозяйственной), а левая мужской [Кубарев, 1987, с. 126; и др.]. Как и у жилищ кочевников, к востоку от пазырыкских курганов устанавливались балбалы – символические коновязи.

Керамика. Формы сосудов и орнаментация

Керамика раннескифского/раннесакского времени (VII – начало VI вв. до н. э.)

Характерные для поселений скифо-сакской эпохи формы сосудов и орнаментов в Горном Алтае существовали уже в VII в. до н. э. *Почти вся керамика из курганов бийкенской культуры VII – начала VI вв. до н. э. не несёт никаких следов орнаментации эпохи поздней бронзы, и внешне не отличается от известной в Горном Алтае поселенческой керамики скифо-сакской эпохи.* Исключения немногочисленны, но представляют особый интерес, в частности, в кургане Кор-Кобы-1 и в поминальнике кургана 8 в Чесноково-1. Профилировка двух сосудов и орнамент на одном из них характерны для эпохи бронзы (рис. 18, 13, 14). Третий крупный баночный сосуд украшен строчкой редких жемчужин и местами заметными двумя прочерченными горизонтальными линиями (рис. 18, 12), что по аналогиям с керамикой из Казахстана считается ранним признаком.

Итак, в Кор-Кобы-1 и Чесноково-1 в расположенных над умершими поминальниками помещалась посуда, характерная для эпохи поздней бронзы и переходного времени на Верхней Оби. Сосудов типа двух найденных в Чесноково-1 (рис. 18, 13, 14) в Горном Алтае автору не известно. Однако, похожий сосуд был найден в каменном ящике ограды 17 из могильника Измайловка в Восточном Казахстане, где были найдены бронзовые детали двух сбруйных наборов второй половины VII – начала VI вв. до н. э. [см. Ермолаева, 2012, рис. 67, 2; Шульга, 2008, с. 168, рис. 33]. Если признать синхронизацию сбруйных наборов с захоронением в ограде 17, то ситуация в Измайловке подобна зафиксированной в Чесноково-1. Очевидно, традиция изготовления посуды таких форм и орнаментации ещё существовала на Верхней Оби (возможно, и в Восточном Казахстане) в VII в. до н. э. [см. Папин, Шамшин, 2005; Членова, 1994; и др.], откуда она иногда привносилась в Горный Алтай в результате переселения групп или отдельных людей.

Проникновение населения с равнины прослеживается и по орнаментации скифского облика на двух сосудах, достоверно соотносящихся с погребениями в каменных ящиках бийкенских курганов (рис. 18, 1, 10). Наиболее показателен сосуд из Бийке-3, украшенный жемчужинами, разделёнными 3-4-мя линиями (рис. 18, 1). Такой орнамент получает широкое распространение в ирменской и переходной керамике, но там он всегда является лишь элементом сложной композиции [Папин, Шамшин, 2005]. В это же время жемчужник с разделителем иногда встречается и в Казахстане [Ломан, 1987, рис. 8, 4; Бейсенов, Ломан, 2009, рис. 76, 1; с. 239]. Параллельно в эпоху поздней бронзы как элемент существовал орнамент в виде чередующихся жемчужин и ямок, отмеченный у сосуда из Усть-Куюма (рис. 18, 10). В VI-V вв. до н. э. разнообразные сетки, ёлочки, горизонтальные линии и геометрические фигуры на прилегающей к Горному Алтаю равнине почти полностью исчезают, и нанесённый в одну строчку жемчужник с разделителем становится основным видом орнамента наряду с расположенными также в одну строчку вдавлениями или жемчужником [см.: Абдулганеев, Владимиров, 1997].* (*Примечание. По данным ряда исследователей, в Центральном и Северном Казахстане предельное упрощение орнаментации до строчки редко посаженных вдавлений или жемчужин произошло уже в VII в. до н. э. На этом основании была выделена «ямочно-жемчужная» керамика, столь характерная для поселений сакской эпохи указанных регионов [см. Хабдулина, 1994; Бейсенов, Ломан, 2009, с. 238]). Маловероятно, чтобы сосуд из Бийке был предметом импорта, а потому можно полагать, что его изготовил человек, переселившийся на Катунь с прилегающей равнины. Орнаментация сосуда из Усть-Куюма представляет собой смесь кастахтинского орнамента (рис. 22, 3, 4) и предгорного. Влияние последнего выражается в замене средней строчки округлых вдавлений чередованием жемчужника с округлыми вдавлениями. В горах такой орнамент встречается редко, за исключением керамики элекмонарского типа (рис. 25, 4а, 5), где чередование имеется, но разделитель всегда в виде уголка лопатки.

Как видим, орнаментация обоих сосудов указывает на прямое проникновение или опосредованное влияние традиций с прилегающей равнины. В Кызык-Телани-1 и Тыткескене-6 также зафиксирован орнамент из жемчужин, чередующихся с ямочными и

уголковыми вдавлениями. При этом необходимо подчеркнуть, что Бийке, Тыткескень-6, Усть-Куюм, Кор-Кобы и Кызык-Телань-1 находятся на близком к равнине участке Катунни. В целом, керамика, орнаментированная жемчужником с разделителем, однозначно указывает на традиционные связи населения этого участка Катунни с предгорьями и равниной. Керамика в предгорных маймерских курганах фиксируется крайне редко. Показательно, что на самом крупном из исследованных в предгорьях Западного Алтая могильнике Гилёво-10 площадью около 110х60 м (вскрыто 28 захоронений раннескифского времени), скопления керамики и орнаментированные фрагменты отсутствовали, в том числе и на размытой части могильника.

Судя по керамике из насыпей курганов и поселений, формы сосудов и основные типы орнаментации поселенческой керамики в Горном Алтае имелись уже у бийкенцев в VII в. до н. э. и продолжали существовать без особых изменений почти до рубежа эр. Этот комплекс полностью наследуется носителями пазырыкской культуры (VI-III вв. до н. э.), что хорошо прослеживается на поселениях с керамикой туэктинского (рис. 21), кастахтинского (рис. 22) и смешанного (элекмонарского) типов.

Местной основы для появления раннескифского керамического комплекса в Горном Алтае мы не знаем. Простейшие орнаменты (строчка жемчужника или округлых вдавлений), вероятно, были привнесены из Казахстана, предположительно, в VIII-VII вв. до н. э. С юго-запада, по-видимому, происходит и валиковая керамика, типа донгальской (поселение Куротинский Лог-1), хотя в бийкенских курганах валиковая керамика не имеет таких ранних особенностей.

С приходом населения из Казахстана можно связать часть валиковой керамики из поселения Куротинский Лог-1, расположенного у с. Туэкта Онгудайского района Республики Алтай [Шульга, 1997, 2015]. На некоторых фрагментах в Куротинском Логу-1 строчка орнамента располагается под валиком, а сами валики расположены близко к краю венчика и, иногда, несколько свисают (рис. 21, 15-17). Аналогии известны только в керамике эпохи поздней бронзы (в том числе донгальской) из Казахстана и примыкающей части Алтайского края. Подобная керамика обнаружена на поселении Горелый Кордон (юг Кулунды, у границы с Казахстаном), который исследователи относят к переходному периоду от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (рис. 25, 11-17) [Фролов, Ведянин, Изоткин, 1999; Фролов, Папин, Шамшин, 2002; Бейсенов, Ломан, 2009, с. 238]. Подобные фрагменты найдены по одному на Катунни в насыпи бийкенского кургана Партизанская Катущка, на поселениях Хемчик-2 и Тыткескень-6 [Шульга, 2015, рис. 7, 4; 64, 15; 72, 30]. К какой культурной группе Горного Алтая относится эта валиковая керамика, пока не ясно. Предварительно её можно датировать в рамках VIII-VII вв. до н. э.

Керамика V-III вв. до н. э.

Поселенческая и погребальная керамика в Горном Алтае существенно различаются, что характерно для многих других культур, в том числе для предгорий Алтая и Верхнего Приобья. Так, в ареале каменной культуры, распространявшейся в V-III вв. до н. э. на пространстве от Иртыша до широты г. Новосибирска, керамика из поселений

по форме и орнаментации совершенно иная, нежели в погребениях. Для захоронений этой культуры характерно большое количество небольших, кувшиновидных сосудов, часто с округлым днищем и с орнаментацией, имитирующей швы на кожаных сосудах. Большая часть погребальных кувшинчиков не имеет орнамента или украшены «ёлочкой» [см. Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1997; Шульга, 2003, Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; Шульга, Уманский, Могильников, 2009]. На поселениях же Верхней Оби этого времени (V-III вв. до н. э.) повсеместно встречаются баночные и горшковидные сосуды, орнаментированные только жемчужником или жемчужником, чередующимся с округлыми или подтреугольными вдавлениями [см. Троицкая, Бородовский, 1994; Абдулганеев, Владимиров, 1997; и др.]. Керамика таких форм и орнаментации иногда встречается и в захоронениях [Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXII и др; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 33; и др.], но большая часть этих сосудов являются уменьшенными копиями без следов использования. Настоящие, применявшиеся в быту баночные и горшковидные сосуды более крупных размеров иногда находят в насыпях курганов. В быстрианских предгорных погребениях кувшиновидные сосуды также составляют абсолютное большинство [Завитухина, 1961, 1962, 1966; Могильников, Уманский, 1981; и др.], тогда как на поселениях встречаются банки, горшки и чаши. Наиболее хорошо различия удалось зафиксировать в предгорьях у с. Майма на быстрианских и пазырыкских могильниках, где в погребениях находились кувшины, а в насыпях на местах тризн – банки, горшки и чаши [Киреев, 1999].

Аналогичная ситуация и в пазырыкской культуре Горного Алтая. В Горном Алтае в погребениях, как правило, находятся только кувшины или кринки, а на поселениях представлены банки, горшки и чаши. Лишь на Средней Катуні, где собственно пазырыкских погребений относительно немного, в погребениях и на поселениях встречаются общие формы (рис. 24, 12-19). Почти полное отсутствие кувшинов и кринки на поселениях Горного Алтая нельзя объяснить малой степенью изученности поселений, ведь при распашке многих поселений в северной и центральной частях Алтая на больших площадях фрагменты от кувшинов также почти не встречается. Наличие кувшинов в погребениях объясняется тем, что они имели сакральное значение. Обычай ставить умершему кувшины и кринки, а на тризне использовать традиционную кухонную посуду, хорошо прослеживается на примере Больших курганов пазырыкской культуры. В насыпях Башадара-1, 2 и в Туэкте-2 находились горшковидные сосуды, а в погребениях – кувшины. Несоответствие форм керамической посуды, найденной в каменных насыпях (банки, горшки) и в погребениях (кувшины, кринки) (рис. 24) этих же курганов, зафиксировано и в рядовых захоронениях повсеместно: на юго-востоке Горного Алтая [Кубарев, 1987, с. 48; и др.], на Катуні [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 42-43], на Чуе [Кубарев, Шульга, 2007, рис. 42; 44] и в других местах.

Керамика из поселений

Керамические сосуды изготавливались ленточным способом. Керамика красного и темно-коричневого цвета, обычно хорошего обжига, за исключением чаш, которые иногда почти не обжигали. Внутренняя поверхность многих горшков и банок имеет

следы нагара. Все сосуды плоскодонные. Как правило, сосуды орнаментировались. Исключение составляет поселение Текпенек-Боочи-3, где высокий процент неорнаментированных сосудов. Эта особенность керамики указанного поселения подтверждается находками в насыпи расположенного неподалеку кургана Башадар-2, где из 18 сосудов орнаментированы только пять [Руденко, 1960, рис. 40-44].

Виды керамической посуды на поселениях. По форме, соотношению диаметра верхнего края, высоты, диаметра дна и функциональному назначению керамика из погребений и поселений подразделяется на шесть групп: 1) баночные сосуды; 2) чаши; 3) горшкообразные сосуды; 4) кувшиновидные (кринкообразные) сосуды; 5) корчаги; 6) чайниковидные сосуды.* (* **Примечание.** Ниже данные по количеству и процентному соотношению сосудов приводятся только по материалам автора.)

1. Баночные сосуды. Самая многочисленная группа на поселениях (рис. 19, 1-7 и др; 20, 1-10; 21, 1-5, 9, 25; 24, 1-4). Полностью или частично реконструируется 89 сосудов. Почти все они закрытого типа.

На скотоводческих поселениях большинство баночных сосудов имеют горизонтальный, как правило, наклепной валик, расположенный ниже венчика на 1,5–4 см. Валики украшались косыми насечками, вдавлениями палочки или толстого стебля травы. Дополнительная орнаментация сосуда в виде пояса из округлых вдавлений или «жемчужин», расположена между венчиком и валиком. Последний как бы ограничивает распространение орнамента вниз. Орнаментация в виде строчки вдавлений или «жемчужин» ниже валика, по нашим материалам, встречена только на двух поселениях Куротинский Лог-1 и Хемчик-2 (рис. 21, 15-17). Валиковая орнаментация на поселениях присуща исключительно баночным сосудам. Аналогичная картина и в предгорьях Алтая [Казаков, 1989, с. 61; Абдулганеев, Владимирова, 1997]. Венчики баночных сосудов, как правило, заовалены, прямые, скошены вовнутрь или несколько отогнуты наружу. Все баночные сосуды плоскодонные. Переход от днища к стенке сосуда резкий в виде тупого угла, иногда имеются закраины. На «земледельческих» поселениях обнаружены самые крупные сосуды до 24 см диаметром по венчику при высоте 26–32 см. Самые малые баночки имеют диаметр по венчику 4–6 см, высоту – 5–6 см.

2. Чаши. Найдены обломки или развалы от 61 чаши (рис. 19, 8-10; 20, 13, 14; 21, 6-8; 24, 6, 7). Орнаментация чаш довольно проста: поясок из вдавлений или жемчужин. Диаметр сосудов по венчику от 16–22 см до 28–30 см [Киреев, 1986, с. 170], высота их не превышает 10 см. Встречаются миниатюрные чаши диаметром по венчику 4,5–6 см и высотой 3,0–3,5 см. Венчики чаш заовалены, скошены вовнутрь или отогнуты наружу. В отличие от других групп керамики, днища чаш тонкие, плавно переходят в стенки сосудов. Другим отличием является слабый обжиг большинства чаш, но встречается и хорошо обожженные. Следов нагара на чашах не зафиксировано. Отсюда можно констатировать, что чаши не использовались для хранения жидкостей и варки пищи, а также длительного хранения сыпучих продуктов.

3. Горшкообразные сосуды. Общее их число в развалах и обломках не менее 30 (рис. 24, 8, 9). Встречаются преимущественно на «земледельческих» поселениях. На скотоводческом поселении Партизанская Катущка встречены обломки от одного горш-

ка, а на Аскате-2 и в Куротинском Логу-1, без учета промежуточных форм, не встречаются вовсе. Однако мы не думаем, что горшки на этих поселениях не имели применения. Очевидно, их было мало, и они будут обнаружены при вскрытии больших площадей. Венчики горшков прямые уплощенные, заовалены или заострены и отогнуты наружу. Диаметр венчика обычно 10–14 см, высота 12 см и более. Днища плоские, такие же, как и у баночных сосудов. Орнаментация горшков на поселении Чепош-2 более разнообразна. Многие из них украшены ёлочкой или рядами наклонных оттисков гладкого штампа, который покрывает 1/3 (в одном случае больше половины) поверхности сосуда. Один из горшков имеет отверстия для подвешивания. Многие горшки сильно закопчены и имеют следы нагара – это однозначно указывает на их использование для варки пищи.

4. Кувшиновидные (кринкообразные) сосуды. В эту группу входят кувшины и кринки, повсеместно встречаемые в погребениях пазырыкской культуры (рис. 24, 16-21). На исследованных нами поселениях сосуды этого типа найдены по одному на поселениях Чепош-2 и Кастахта-3, возможно, к кувшинам относится и фрагмент сосуда из поселения Партизанская Катушка (рис. 24, 12-15). Единичны находки кувшинов и на предгорных поселениях [Абдулганеев, Владимиров, 1997].

5. Корчаги. На поселениях, как и в захоронениях, встречено небольшое количество корчаг. Они обнаружены в Башадаре-2 и Катонском могильнике [Руденко, 1960, рис. 41; 43, с. 201; Сорокин, 1966; Суразаков, 1989, с. 69]. К этой группе относится и небольшой сосуд из жилища на поселении Текпенек-Боочи-3. Судя по редкости находок на поселениях и в курганах, корчаги не имели широкого распространения в Горном Алтае.

6. Чайникообразные сосуды. Эта группа также немногочисленна (рис. 24, 11). В захоронениях известно пять таких сосудов: в могильниках Кызыл-Джар-3, Верх Еланда-2, Кастахта и Барбургазы-1 [см. сводку: Кирюшин, Степанова, 2004, с. 32]. Встречаются они и в захоронениях каменной культуры (Староалейка-2, Быстровка-1). В.А. Могильников связывал подобные сосуды с посудой саков Восточного Казахстана [Могильников, 1983, с. 48]. Однако, такая направленность контактов не вполне очевидна [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 37]. Сосуды с носиком, хоть и в небольшом количестве, были распространены в раннем железном веке по всему Горному Алтаю. Сосуд из поселения Чёрный Ануй-3 полностью реконструируется (рис. 24, 11). Он имеет высоту 9 см, диаметр по венчику 7 см, и подобен сосуду из могильника Староалейка-2 с Верхнего Приобья [Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 3, б]. Носики сосудов из Горного Алтая располагаются очень близко от венчика. В Теректе носик сосуда укреплен дополнительно налепными валиками.

Орнаментальные мотивы. Поселенческая керамика раннего железного века в Горном Алтае орнаментировалась скупо, как и во многих других культурах этого времени. На скотоводческих поселениях орнамент наносился, как правило, в 3-6 см ниже венчика, в одну строчку, редко – в две-три. На «земледельческих» поселениях орнаментированная зона сосуда часто расширяется книзу, когда к пояску из ямок добавлялись, образуя елочку, пояски из наклонных оттисков гладкого или гребенчатого штампа, ино-

гда из прочерченных косых линий (Чепош-2). В нескольких случаях такой орнамент покрывал до двух третей поверхности сосуда (рис. 19, 14). На поселении Кастахта-3 из Центрального Алтая представлен орнамент в виде двух или трех поясков из округлых и уголкового вдавления (рис. 22, 3-5). Орнаментация венчика сочетается со всеми основными видами орнамента и встречается на всех широко представленных типах сосудов. Орнаментация днища отмечена лишь в одном случае на поселении Текпенек-Боочи-2 [Шульга, 2015, рис. 82, 23].

В орнаментации сосудов с поселений Горного Алтая можно выделить несколько устойчивых элементов и их комбинации. Большая часть элементов (округлые и уголкового вдавления, «жемчужины») универсальны и характерны для широкого круга культур Евразии I тыс. до н. э., но некоторые их комбинации (сочетания) присущи только Горному Алтаю, или отдельным его районам.

На исследованных автором поселениях Горного Алтая вне зависимости от месторасположения, хронологии и этнокультурной специфики, 50-60% орнаментированных сосудов украшались округлыми (овальными) вдавлениями, расположенными под венчиком в один горизонтальный ряд (строчку) (см. табл. 3). Вероятно, он был в большом количестве представлен и на других поселениях Горного Алтая, но пока выборки керамики раннего железного века по ним незначительны. Вторым по распространению был орнамент в виде строчки жемчужин (округлых бугорков на внешней поверхности сосуда, образованных вдавлением изнутри округлой в сечении палочкой). На скотоводческих поселениях этот орнамент повсеместно занимал второе место. Среди орнаментированных венчиков (сосудов) у него удивительно стабильная позиция – 13-16% (см. табл. 3). Тогда как, на «земледельческих» поселениях этот орнамент вообще не встречается (Чепош-2) или является исключением (1,6% в Кастахте-3) (см. табл. 3). Только на скотоводческих поселениях сосуды украшали валиками, в чистом виде также занимавших стабильную позицию – 2% (см. табл. 3).

Табл. 3. Таблица соотношения основных орнаментальных мотивов на исследованных П.И. Шульгой поселениях Горного Алтая

наименование поселения	основные виды орнамента в %															кол-во учтённых венчиков		
	••• или •••	○○○	▲▲▲	●●●	△△△	◆◆◆	▲▲▲ ▲▲▲	▨▨▨	▨▨▨	▨▨▨	▨▨▨	▨▨▨	▨▨▨	▨▨▨	▨▨▨			
Элекмонар-4	58	16		6	8	-			2	4	-	6	-				50	
Партизанская Катушка	52	16		3	1,5	3	-	-	2,2	7,4	4	-	3	-	-	-	136	
Аскаг-2	54	13	-	1,8	-	-	-	-	1,8	7,1	4	-	2	-	-	-	112	
Куротинский Лог-1	61	13	-	2	1	-	-	-	2	5	2	-	-	-	-	-	101	
Кастахта-3	44,4	1,6	11,9	-	-	-	6,3	3,1	-	-	-	-	-	13,8	2,5	1	170	
Чепош-2	49	-	-	-	0,2	-	-	0,2	-	-	-	-	-	5	2	13	2	480

Значительно меньше были распространены орнаменты в виде ёлочка, выполненной гладким (чаще) или гребенчатым (реже) штампом. Они зафиксированы только на «земледельческих» поселениях Кастахта-3 (16,3%) и Чепош-2 (7%). При этом в Чепоше-2 ёлочка могла сочетаться с округлыми вдавлениями или дополнялась одним-двумя рядами оттисков гладкого штампа (см. табл. 3). Помимо этого, орнамент там иногда наносился и по верху венчика.

На составлявших подавляющее большинство скотоводческих поселениях все остальные орнаменты комбинированные. Из них самым простым мотивом было чередование округлых (угловых) вдавлений с жемчужинами (см. табл. 3). Этот орнамент, сохранившийся с эпохи поздней бронзы почти во всех культурах, в Горном Алтае был явно чуждым, и зафиксирован только на 2-3% орнаментированной керамики. Несколько больше его только в поселении Элекмонар-4 (6%), расположенном сравнительно недалеко от предгорий. А вот, на «земледельческих» поселениях таких чередований совсем нет, если не считать, ранний «бийский» сосуд из Чепоша-2 (рис. 19, б). Ещё три комбинации образовывали между собой округлые и угловые вдавления (см. табл. 3). Особое место занимает керамика, украшенная валиками.

Валиковая керамика. На поселениях налепные валики украшали только баночные сосуды. В погребениях валики часто встречаются на ритуальных кувшинах и кринках [Сорокин, 1974, рис. 7, 25; Кубарев, 1987, табл. VIII, 1; XXVII, 1; XXXIII, 5; Владимиров, Шульга, 1984, рис. 2, 13; Древние культуры ..., 1994, рис. 63; и др.]. На поселении Куротинский Лог-1 орнамент на валиках обычно наносился округлой или плоской палочкой с наклоном вправо, иногда влево или вертикально. На некоторых сосудах встречается одновременно наклоны вправо и влево, образующие зигзаг или сетку, при этом вдавления с левым наклоном всегда перекрывают вдавления с наклоном вправо, т. е. наносились они позже. В отличие от поселения Элекмонар-4, нарезка на валиках встречается редко. Сопутствующий орнамент, как правило, наносился над валиком. На двух фрагментах валиками обводились отверстия для подвешивания сосуда. Не орнаментированный валик достоверно встречен только на двух сосудах [Шульга, 2015, рис. 77; 78].

Временные границы бытования валиковой керамики раннего железного века в Горном Алтае не совсем ясны. Вопрос этот требует отдельного рассмотрения, так как валик известен здесь уже в афанасьевской культуре и в эпоху бронзы. Фрагменты украшенных валиками сосудов встречены и в насыпях раннескифских курганов (рис. 18, 7), но среди сосудов, достоверно связанных с имевшимися там погребениями, валиковых пока не встречено. В захоронениях пазырыкской культуры сосуды с налепными валиками появляются в погребениях IV-III вв. до н. э. В ранних захоронениях VI-V вв. до н.э. они пока не известны.* (* **Примечание.** В наиболее ранних захоронениях пазырыкской культуры керамика в погребения, как правило, вообще не ставилась, как и в раннескифское время.) В соседней быстрянской культуре из предгорий валиковые сосуды встречены в одном из ранних погребений Маймы-19 [Киреев, 1992, с. 41, рис. 1, 5], а также Бийска-1 [Завитухина, 1961], но в значительном количестве они также распространяются в IV-III вв. до н. э.

Поселения с валиковой керамикой в Горном Алтае связывались П.И.Шульгой с населением, оставившим погребения пазырыкского типа [Шульга, 1990; 1997], поскольку аналогии ей известны только в керамике эпохи поздней бронзы (в том числе донгальской) из Казахстана и примыкающей части Алтайского края. Подобная керамика обнаружена на поселении Горелый Кордон (юг Кулунды, у границы с Казахстаном), который исследователи относят к переходному периоду от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (рис. 25, 11-17) [Фролов, Ведянин, Изоткин, 1999; Фролов, Папин, Шамшин, 2002; Бейсенов, Ломан, 2009, с. 238]. Подобные фрагменты найдены по одному на Катунь в насыпи бийкенского кургана Партизанская Катущка, на поселениях Хемчик-2 и Тыткескень-6. Выделяется три типа орнаментации валиковой керамики и территории их распространения.

Тип 1. В рамках Горного Алтая выявлен на поселениях Центрального Алтая и Средней Катунь (поселения Куротинский Лог-1, Аскат-2, Партизанская Катущка и др.). Орнаментация простейшая: налепной валик сочетается с одной строчкой округлых вдавлений или жемчужин. Этот тип орнаментации для Горного Алтая по месту первых раскопок назван туэктинским. В орнаментации сопутствующей керамики «жемчужник» с разделителем округлыми вдавлениями почти не встречается (Куротинский Лог-1) или содержание его незначительно (рис. 21, 13, 14). На «земледельческих» поселениях Кастахта-3 и Чепош-2 валиковых сосудов нет вовсе. В предгорьях валики обычно сопровождаются строчкой жемчужин с разделителем (рис. 25, 6-10) [см. Абдулганеев, Владимиров, 1997]. Исключение, насколько известно автору, представляет поселение Точильное-1, где валики часто сочетаются со строчкой жемчужин или округлых вдавлений [Шульга, 2015, 4, 5, 14, 15].

Тип 2. Выявлен в районе средней Катунь между селами Чемал и Усть-Сема (поселения Элекмонар-4, Узнезя-1). Валик сочетается с расположенным выше пояском «жемчужин» с угловым разделителем (рис. 25, 4-5). Этот тип орнаментации по месту первого местонахождения в комплексе назван элекмонарским. В орнаментации сопутствующей керамики встречается «жемчужник» с разделителем из угловых или округлых вдавлений.

Тип 3. Встречается на поселениях в северных предгорьях Алтая, относимых к быстринской культуре. Насчитывается около 20 сочетаний валика с другими видами орнамента (Абдулганеев, 1994, с. 106). Валик повсеместно сочетается с пояском «жемчужин» с различными разделителями, но элекмонарский тип орнаментации почти не встречается. Пожалуй, это основное различие орнаментации валиковых сосудов Горного Алтая и предгорий. Границей распространения туэктинской и элекмонарской валиковой керамики по Катунь пока можно считать поселение Муны-1. Там же, и неподаляку – у с. Манжерок, встречены венчики предгорного типа с чередованием жемчужника и округлых вдавлений [Молодин, Петрин, 1985, рис. 5, 3; Бородовский, 1991; Бородовский, Бородовская, 2013]. Материалы из погребений, в целом, подтверждают это наблюдение.

Ниже вкратце приводятся материалы некоторых поселений.

Куротинский Лог-1. Поселение (рис. 17; 21). Расположено в логу с одноимённым названием в 2 км к востоку от с. Туекта, и в 1-1,5 км от туэктинского могильного поля, насчитывающего сотни курганов, выкладок и культовых сооружений [Руденко, 1960, с. 93-96]. Куротинский Лог-1 представляет собой ответвление долины шириной в устье до 400 м и длиной до 1,5 км. Лог постепенно повышается и сужается к северо-востоку, где он связан через седловину с долиной р. Курота. Основная масса находок относится к раннему железному веку. В 1988 и 1992 гг. на поселении вскрыто 132 кв. м [Шульга, 1997].

В ходе обследования на поверхности почвы встречалась керамика афанасьевско-го облика, раннего железного века и средневековья, но в раскопе зафиксирован только слой раннего железного века. Мощность культурного слоя составляла 20-30 см, местами, в понижениях жилища – до 40 см. Большинство находок концентрировалось в центральной части раскопа между очагами №1 и №2 и к юго-востоку от них. В южной части раскопа было сконцентрировано большинство очагов, и слой отличался особенно высокой степенью насыщенности мелкими фрагментами керамики (частью побывавшей в огне), костями и мелкими угольками. Выявлено 10 хозяйственных ям. Большинство из них мелкие, заглублялись в материк на 6-32 см. Ямы №№ 2, 3, 5, 6, 9 диаметром 20-35 см располагались в ряд с интервалом 2-3 м и, видимо представляют собой столбовые ямы. В северо-западном углу раскопа, рядом с ямой №2, находилась такая же по диаметру, но более глубокая столбовая яма №1. Возможно, она указывает на существование второй перпендикулярной линии столбов. В отдельную группу выделяются ямы №№ 4, 8, 10. Все они заглублены в материк на 5-15 см и содержат преимущественно кости домашних животных, немного керамики.

Наличие очагов, столбовые ямы, отсутствие у очагов и скоплений №№1, 2, 3 надматерикового слоя гумусированного суглинка (срытого в древности) указывают на существование здесь жилища площадью не менее 30 кв. м. Поскольку это было наземное сооружение, то его размеры, несомненно, превышали участок с выбранным слоем гумусированной супеси (около 24 кв. м). По-видимому, очаг №1 и скопление находок №1 появились позже очага №2 и связанного с ним скопления находок №3 (возможно, и скопления №2). Незначительность вскрытой площади не позволяет определить назначение столбовых ям, так как столбовые конструкции не были нужны при строительстве пазырыкских рубленых домов. Других же типов жилищ, кроме предполагаемых шатровых с опорой в центре (Ело-5), для раннего железного века в Горном Алтае мы пока не знаем.

На поселении получено сравнительно большое количество керамического и остеологического материала. Всего найдено 223 венчика, в том числе 64 происходят из сборов. Подавляющее большинство из них относятся к баночным сосудам, в том числе, все с валиками (рис. 21). Похожую профилировку имеют и венчики чаш, но они отличаются худшим обжигом и орнаментацией только одним рядом вдавлений без валиков. По количеству чаши занимают второе место. Реконструируемых горшкообразных сосудов не найдено. Возможно, к ним относятся несколько отогнутых наружу венчиков и фрагмент одного из двух сосудов с носиком-сливом. Вся посуда плоскодонная. Кувшины и кринки, традиционно встречаемые в пазырыкских погребениях, не обнаружены.

Для статистической обработки взяты развалы и крупные венчики от 101 сосуда. Соотношение украшающих керамику орнаментальных мотивов в основном соответствует установленному на поселениях с валиковой керамикой (табл. 3). Орнамент обычно расположен чуть ниже венчика в одну строчку: вдавления округлой и каплевидной форм составили 61%, жемчужник – 13%. Жемчужник с разделителем встречен всего на трех фрагментах: на двух разделителем были округлые вдавления, на одном – подтреугольные (рис. 21, 14, 15). Валиком орнаментировано 9% венчиков и сосудов. При этом валики украшали только банки, на которых они встречены в 19%. Некоторые банки имели только валик (2%) (рис. 21, 3), но, в большинстве случаев, он сочетался со строчкой вдавлений или жемчужин (рис. 21, 1, 2, 4; табл. 3). На чашах валики отсутствовали. Орнамент на валиках обычно наносился округлой или плоской палочкой с наклоном вправо, иногда влево или вертикально. На некоторых сосудах встречается одновременно наклоны вправо и влево, образующие зигзаг или сетку. В отличие от поселения Элекмонар-4 на Средней Катуни, нарезка на валиках встречается редко. Сопутствующий орнамент, за исключением четырех случаев (рис. 21, 15-17), наносился над валиком. На двух фрагментах валиками обводились отверстия для подвешивания. Неорнаментированный валик достоверно встречен только на двух сосудах (рис. 21, 3). Пряслица найдены в трех экземплярах (рис. 23, 11), два из них изготовлены из стенок сосудов.

На поселении найдено около 1200 фрагментов костей животных. В стаде преобладала лошадь (40,6%), на втором месте по значимости находился крупный рогатый скот (23,1%), а затем – мелкий рогатый скот (36,3%). От общего количества костей животных доля диких животных осталась столь же незначительной – 5, 8% (из них кося 4,7%).

Наличие заглубленных в материк жилищ с очагами и столбовыми ямами, довольно мощный культурный слой (20-40 см) говорит о долговременности поселения. Его месторасположение в долине у склонов южной экспозиции, представляющих собой хорошие зимние пастбища, где снег в зимнее время сдувается и растапливается солнцем, позволяет видеть в нем зимник. Основой хозяйства его жителей являлось яйлажное скотоводство с незначительными перекочевками на расположенные в 10-20 км летние пастбища. Найденные в жилище зернотерки и куранты, по-видимому, указывают на наличие земледелия.

Партизанская Катушка. Поселение (рис. 20; табл. 3). Располагалось примерно в 900 м к северо-западу от с. Узнезя, между скалой «Партизанская Катушка» и Чемальским трактом. Площадь его сравнительно невелика — 60×40 м (2400 кв.м). В 1988 г. в северо-западной части поселения был вскрыт одиночный раннескифский курган с ограбленным погребением в каменном ящике и подхоронением лошади [Шульга, Шульга, 1999]. Тогда же на территории поселения изучена площадь 300 кв.м. На всей площади раскопа фиксировалось три культурных слоя: эпохи энеолита (афанасьевский), раннего железного века и средневековья.

Эпоха энеолита представлена немногочисленными фрагментами керамики афанасьевского облика и костями животных, располагавшихся в слое гумуса и гумусированной супеси на 50–75 см ниже современного уровня поверхности почвы. Обнару-

женный на глубине 58 см в квадрате Е6 очаг можно отнести к этому же времени, так как в его заполнении и рядом найдено несколько фрагментов афанасьевской керамики и отщепы кремнистого сланца. Очаг имел овальную форму размерами 80×72 см. Мощность скопления золы и углей достигала 20 см, глина под очагом была сильно прокалена [Шульга, 2015].

Находки раннего железного века встречались на глубинах 25–55 см, а в древних ямках и выборках — почти до материка. В материковом суглинке ям или жилищных котлованов не отмечено. К этому времени относятся венчики от 160–170 сосудов. Для статистической обработки отобрано 136 венчиков (табл. 3). Ранним железным веком датируется большая часть из 1090 неорнаментированных фрагментов стенок сосудов и 71 фрагмента днищ. Все сосуды лепные, плоскодонные. Большинство достаточно крупных фрагментов и развалов, по которым устанавливается форма сосудов, принадлежит к банкам — 16 сосудов (рис. 5, 1–10) и чашам — 8 сосудов (рис. 5, 13, 14). К кринкообразным можно отнести крупные фрагменты двух неорнаментированных сосудов, один из которых имел наклепное ушко для подвешивания (рис. 20, 11). Пропорции тулова, основания шейки и придонной части сосуда с ушком близки керамике из погребений Кара-Кобы и Бике [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 4, 1; 11, 1]. Высота его не превышала 24 см. Другой сосуд с короткой шейкой и сильно отогнутым венчиком (рис. 20, 12), по-видимому, занимает промежуточное положение между кринками и горшками, ближе к последним. Баночные сосуды относятся к типу закрытых: диаметр тулова (18–22 см) всегда превышает диаметр по венчику (12–19 см). Приблизительная высота сосудов — 16–20 см. Два сосуда имели диаметр по венчику 8 см и 3 см. Величина банок соответствует среднему показателю для таких сосудов из других поселений раннего железного века с валиковой керамикой. Сосуды с валиками имеют слегка намеченную шейку (рис. 20, 1–4). Эта особенность отличает их от большинства банок на упомянутых поселениях. Венчики на срезе овальные или приостренные с округлым скосом внутрь. Все реконструируемые баночные сосуды орнаментировались по венчику строчкой округлых вдавлений или жемчужин (табл. 3). Больше половины банок имеют наклепные валики. Всего на Партизанской катушке рассмотрено 24 венчика с валиками и фрагменты с обломанными венчиками от 15–18 сосудов. Валики в сечении овальные, подтреугольные, уплощенные трапециевидные. Форма последних — следствие окончательного заглаживания или часто расположенных вдавлений. Один валик не орнаментирован.

Чаши имеют сравнительно небольшие размеры. Их диаметр по венчику равен 14–15 см и 17–20 см, высота сосудов — 6–9 см (рис. 20, 13, 14). Днища их плоские, плавно переходящие в тулово. Венчики на срезе округлые, уплощенные и несколько приостренные с плавным скосом внутрь. Как и на других поселениях Горного Алтая, представлены чаши с прямыми, отогнутыми наружу или внутрь венчиками. В отличие от баночных сосудов, на стенках которых встречается нагар, на чашах нет следов огня. Использовались они, по-видимому, под сыпучие продукты и для принятия жидкой пищи. Орнаментация их простейшая — по венчику наносились в одну строчку округлые, иногда овальные вдавления или жемчужник. В общих чертах орнаментация чаш и банок соответствует керамике поселений Аскат-2 и Куротинский Лог-1.

К раннему железному веку можно отнести обломок пряслица биконической формы с точечными вдавлениями, ближайшая аналогия которому происходит из поселения Аскат-2 (рис. 23, 12). К этому же времени относится очаг в квадрате Е8, представлявший собой вытянутое с юга на север скопление сланцевых плиток размерами от 12×8×1 см до 40×24×4 см, между которыми встречались крупные куски глиняной обмазки толщиной 1–3 см и угли. Между плитками и под ними найдены фрагменты сосуда с валиком и другая керамика. Очаг находился на глубине 50–58 см от современной поверхности. По отпечаткам на некоторых кусках обмазки можно предположить, что сланцевые плиты очага промазывались глиной. Часть плиток по краям очага стояла на ребре. Заглубленность очага относительно слоя раннего железного века указывает на наличие неглубокого жилищного котлована, проследить который в слое гумуса не удалось. Из второго слоя происходят два обломка стенок сосудов с просверленными сквозными отверстиями.

Верхний культурный слой прослежен на глубинах 15–25 см (до -30 см) от современной поверхности почвы. Он хорошо отличим от нижележащего и уверенно может быть отнесен к эпохе средневековья. Подавляющая часть находок — керамика и кости животных. Как и на других поселениях Горного Алтая, основная масса средневековой керамики отличается темным цветом и довольно грубым исполнением с хорошо заметными следами затирания. Средневековая керамика представлена 60 венчиками не менее, чем от 30 сосудов. Все они плоскодонные, лепные. Преобладали слабопрофилированные горшки с диаметром по венчику 12–18 см с прямыми или слабоотогнутыми венчиками и банки. Приблизительно у 40% сосудов срез венчиков по верху украшался продолговатыми вдавлениями, образующими елочку, или две параллельные линии пунктира; чередующимися насечками; подпрямоугольными и пальцевыми вдавлениями; ногтевыми защипами, делающими срез венчика волнистым. Следует обратить внимание на однотипность большинства венчиков. Как правило, они прямые или несколько отогнуты с уплощенным верхом, иногда немного расширяющимся или имеющим небольшой характерный карнизик с внешней стороны.

В восточной части раскопа в квадратах Ж12 и Е12 на глубине 20–30 см от поверхности обнаружен очаг и примыкающая к нему с юга овальная хозяйственная яма размерами 120×80 см, Очаг имел округлую форму размерами 44×40 см, мощность скопления золы — около 8–10 см, ниже отмечен прокал. К северо-востоку от очага найден пест из продолговатой гальки с заполированной рабочей частью.

Чепош-2. Поселение (рис. 19; табл. 3). Расположено на правом берегу р. Катунь, в логу, на обширном довольно ровном склоне южной экспозиции с уклоном около 15 градусов. В 150-200 м к югу от поселения проходит Чемальский тракт. Село Чепош находится примерно в 1,2 км к северо-востоку. Ко времени первого обследования в 1985 г. основная площадь поселения уже была уничтожена карьером. В 1986 и 1987 гг. на поселении была вскрыта площадь 700 кв. м [Шульга, 1996] Около 150 кв. м было дополнительно исследовано в 1995 и 1996 гг. В силу особенностей относительно влажного и тёплого климата данная местность отличается довольно мощным гумусом. На склоне у карьера общая толщина гумусированного слоя земли вместе с дёрном составляла 50-85 см (в среднем – 70-75 см). Культурный слой мощностью 20-25 см отличался

от выше- и нижележащего гумуса большим количеством мелких камней, сланцевых плиток, галек, отчего выглядел более светлым и неоднородным. Особенно хорошо культурный слой прослеживался в юго-западной части сохранившегося поселения, где находились остатки древней мусорной свалки, разрушенной карьером — на один кв метр там приходилось до 80-120 фрагментов керамики. Количество находок постепенно уменьшалось по направлению к северу и в стороны от краев карьера.

На исследованной территории найдено 30 хозяйственных ям. Большинство из них фиксировалась в 15-20 см выше материка. Ямы №№ 3, 11, 12 являлись остатками временных летних сооружений без очагов, где производились определенные хозяйственные работы, возможно, и помол зерна, на что указывают найденные там зернотерки. Там же встречались обломки глиняных пряслиц, галечки со следами сработанности и слабообожженные чаши, в которых хранение и приготовление жидких продуктов было, по-видимому, невозможно. Несмотря на частое присутствие мелких угольков, найдено лишь одно небольшое кострище. Почти нет закопченной керамики, со следами нагара. Все это говорит о том, что на вскрытой окраине поселения приготовлением пищи не занимались.

Большая часть ям имела диаметр от 60 до 100 см, заглублялись в материк от 50-70 см до 123 см. Все они имели в профиле бочонковидную форму, поэтому диаметр верхних краев ям всегда на 15-25 см меньше, чем в средней части. В заполнении всех ям встречены фрагменты или развалы сосудов, кости животных. У ямы № 5 диаметром на уровне материка 220 см стенки были обмазаны глиной и прокалены. На территории поселения обнаружен жертвенник в виде круга диаметром около 1 м из небольших сланцевых плиток размерами до 30x10x7 см. Пространство между плитками заполнено гумусом, насыщенным мелкими обломками кальцинированных косточек. В северо-восточной части жертвенника, в слое кальцинированных косточек (часть из них принадлежит мелкому рогатому скоту) находился бронзовый кинжал длиной 14,5 см с обломанным в древности острием (рис. 23, 7). Перекрестие кинжала плоское, концы расходятся под углом. Навершие деформировано. Изначально, по-видимому, предполагалось отлить кольцевидное навершие. По форме кинжал напоминает карасукские кинжалы с кольчатый навершием, расходящимися под углом концами плоского перекрестия и некоторым сужением клинка у перекрестия. Высокое содержание олова (определение С.В. Хаврина) подтверждает его ранний возраст. Вероятно, кинжал переиспользован в VII-VI вв. до н. э. Всего в культурном слое и хозяйственных ямах поселения найдено 45 неполных развалов сосудов и 4476 фрагментов керамики, из них 417 венчиков, 140 фрагментов днищ. Почти все сосуды орнаментировались (см. табл. 3). Орнамент, как правило, наносился под венчиком. Поясок из округлых ямок встречен на 49 фрагментах, где ямочки всегда располагаются в один ряд, а в сочетаниях — на 70%. Орнаментированная зона сосуда расширяется книзу, когда к пояску из ямок добавлялись, образуя елочку, пояски из наклонных оттисков гладкого или гребенчатого штампа (22%), иногда — из прочерченных косых линий. В некоторых случаях так украшалась значительная часть поверхности сосуда. Гребенчатый орнамент встречен на 6% фрагментов, в чистом виде — на 2%. По срезу венчики орнаментировались гладким, иногда гребенчатым штампом или косыми насечками (8 %). Орнаментация

венчика сочетается со всеми основными видами орнамента и встречается на всех типах сосудов. Важно подчеркнуть, что «жемчужник», *формованные или наклепные валики на поселении отсутствуют.*

Керамика подразделяется на четыре группы. Первая, самая многочисленная — баночные сосуды, почти все закрытого типа (рис. 19, 1-7, 15-17). Частично реконструируются 20 сосудов. Вторая группа представлена чашами (рис. 19, 9, 10). Почти все они орнаментированы только пояском из ямок. Сосуды слабого обжига, в культурном слое расслаиваются от влаги. В хозяйственных ямах их сохранность удовлетворительная. Реконструируется 15 чаш. Третья группа представлена горшками. Частично реконструируются четыре сосуда; однако, судя по числу венчиков, их доля на поселении значительнее (рис. 19, 13, 14). Четвертую группу составляют кринкообразные сосуды. По форме они близки к горшкам. Из них достоверно кринкообразными можно назвать только два полностью восстановленных сосуда с раздутым туловом и выделенной короткой шейкой (рис. 19, 19, 20). К ним близки верхние части ещё трёх сосудов, но форма тулова у них нам не известна. Все сосуды плоскодонные. При этом у чаш и двух кринкообразных сосудов переход к днищу заovalен. У банок и горшков этот переход ярко выражен утолщением и ребром. Подавляющее количество обломков днищ на поселении принадлежит к хорошо узнаваемым не обожжённым чашам или имеют днища с утолщением. Это обстоятельство ещё раз указывает на малое количество кринкообразных сосудов.

На поселении, обнаружено 16 обломков зернотерок и курантов. Куранты типично ладьевидные, сильно сработанные (рис. 23, 4). Большинство фрагментов и все половинки зернотерок найдены в хозяйственных ямах, возле которых их, очевидно, использовали. Найдены обломки от десяти не орнаментированных пряслиц и одно целое (рис. 23, 10). Часть из них изготовлены из стенок керамических сосудов.

Культурная принадлежность поселений

Проведенные автором исследования позволяет выделить три группы поселений, имевших между собой хозяйственные и этнокультурные различия.

I. Группа «земледельческих» поселений. К ней относятся поселения Чепош-2 и Кастахта-3, возможно, Узнезя-4, Текпенек-Боочи-3).

Рассматриваемые поселения имеют между собой много общего, отличающего их от других:

1) они расположены, как правило, на склонах южной экспозиции, а не в логах и у подножья гор, где обычно жили скотоводы с эпохи энеолита. По этим причинам почти на всех указанных поселениях имеются только слои раннего железного века;

2) на исследованных сравнительно большими раскопами однослойных поселениях Чепош-2 и Кастахта-3 обнаружены обломки соответственно от 16 и 20 зернотерок. Очевидно, на поселениях значительный вес в хозяйстве имело земледелие;

3) На поселениях Чепош-2 и Кастахта-3 зафиксированы наиболее мощные культурные слои, указывающие на длительность проживания и активную хозяйственную деятельность;

4) главной особенностью керамики «земледельческих» поселений является отсутствие «жемчужин» и наклепных валиков, а также высокий процент гладкого и гребчатого штампа (см. табл. 3).

Отсутствие валиков отличает поселения «земледельцев» от всей массы поселений Горного Алтая и предгорий, где валиковая керамика встречается повсеместно (Точильное-1, Фоминское, Солонцы-1, Ст. Бехтемир, Енисейское, Малоугренёво, Красный Яр, Усть-Иша-3 и др.) [см. Абдулганеев, Владимиров, 1997]. Отсутствие «жемчужника» отличает поселения первой группы не только от Горного Алтая и предгорий, но и от других культур Верхней Оби и Минусинской котловины. Как отмечалось выше, по многим позициям поселениям первой группы близки памятники Майма-1 и Урлу-Аспак майминской (?) культуры, но, думается, Майма-1, Курлап, Ушлёп-5 и др. функционировали позже и относятся к иной эпохе. Вместе с тем керамика Чепоша-2 и Кастахты-3 неоднородна: если в Чепоше-2 из 480 сосудов только на трех отмечены вдавления уголкообразной лопатки, то в Кастахте-3 этот орнамент встречен на 23% сосудов.

В своё время широкое распространение получила точка зрения о заимствовании горноалтайцами этого элемента у большебереченцев [Могильников, Елин, 1982, с. 108], или большебереченцы сами проникали в Северный Алтай и на Среднюю Катунь [Могильников, 1988, с. 82–83]. Однако, на основе приведённых выше материалов установлено, что уголкообразная орнаментация, как и «жемчужник», существовала в Горном Алтае уже в раннескифское время. При этом уголок лопатки или треугольное вдавление выступает в Горном Алтае как самостоятельный орнамент или в сочетании с пояском ямочных вдавлений (см. табл. 3). В предгорьях и в лесостепном Алтае такие сочетания встречаются крайне редко и, наоборот, могут быть результатом влияния Горного Алтая. В орнаментации керамики рассматриваемых поселений доля округлых вдавлений примерно одинакова: в чистом виде составляет 44–57% в сочетаниях с другими элементами – 64–67%. Характерен гребенчатый и гладкий штамп, но встречаемость этих орнаментов различна: гладкий штамп и прочерченные линии в виде елочки на поселении Кастахта-3 составляет 14%, а на Чепоше-2 – 36%; гребенчатый штамп – соответственно 2,5 и 36%. Наиболее существенным отличием керамики чепошского типа (Чепош-2, Узнезя-4) от керамики кастахтинского типа (Кастахта-3, Кучерла) является то, что в Северном Алтае орнаментация уголкообразной лопатки практически отсутствует, тогда как на Кастахте-3 в сочетаниях составляет 23%. В Центральном Алтае значителен процент неорнаментированных сосудов (Текпенек-Боочи-2, 3, Башадар-2) а в Северном это редкое исключение.

Таким образом, отмечая общность «земледельческих» поселений, нужно учитывать и существенные различия между поселениями Северного и Центрального Алтая. Думается, поселения с керамикой кастахтинского типа можно соотнести с какими-то группами населения бийкенской культуры, тогда как чепошская керамика пока не соотносится ни с одной известной культурой в Горном Алтае I тыс. до н. э.

II. Ко второй группе «скотоводческих» поселений с валиковой керамикой относятся поселения Аскат-2, Партизанская Катунь, Куротинский Лог-1, и, возможно, Ело-6, Барагаш-4, 5; Муны-1. Поселения оставлены скотоводами, на что указывает их месторасположение и редкая встречаемость зернотерок. Эту группу мы связываем с пазырыкской культурой, возможно, с населением, оставившим курганы пазырыкского типа. Поселения этой группы, несомненно, распространены много шире, чем известно сейчас, в частности, в Кош-Агачском районе, где поселения раннего железного века не исследовались.

Необходимо отметить наличие в предгорьях Алтая и в увлажненной зоне Нижней Катунь многочисленных поселений с валиковой керамикой (Майма-2, Точильное-1 и др.). Однако в комплексе орнаментация предгорной керамики отличается от горно-алтайской, прежде всего, расположенным над валиком (или без него) пояском из чередующихся вдавлений разной формы и «жемчужин». На поселении Куротинский Лог-1 из фрагментов от 132 сосудов чередование вдавлений и «жемчужин» (без валиков) отмечено всего на двух фрагментах. На Аскате-2 – также на двух фрагментах из 146 сосудов, на Партизанской Катущке – на четырех фрагментах из 166. В Горном Алтае с валиками сочетаются только пояски вдавлений, как правило, округлых или «жемчужин», предгорный вариант не встречается. Поясок из чередующихся наколов и «жемчужин» нужно рассматривать как характерную черту для всей керамики степных предгорий и лесостепного Алтая. От «земледельческих» поселений «скотоводческие» отличаются с одной стороны наличием валика и «жемчужин», а с другой – отсутствием орнамента уголко лопатки, гребенчатого и гладкого штампа.

III. Поселения третьей группы отличаются от других лишь некоторыми особенностями орнаментации керамики. К ним отнесены находящиеся неподалёку друг от друга на Нижней Катунь поселения Элекмонар-4 и Узнезя-1. Возможно, к ним окажутся близки ещё шесть поселений (Хемчик-1, 2, Ело-5, Озёрное-5, 6, Лебедь-1).

Большая часть этих поселений тяготеют к предгорьям. Керамика поселений в процентном соотношении элементов орнамента в основном совпадает со второй группой «скотоводческих» поселений. Главное отличие орнаментации третьей группы от второй и первой заключается в широком распространении на этих поселениях элементов типично «большереченской» орнаментации в виде поясков «жемчужника», чередующегося с уголковыми вдавлениями и отсутствие повсеместно встречающихся в степном и лесостепном Алтае поясков из чередующихся «жемчужин» и ямочных вдавлений. Последний орнамент встречен только на двух сосудах поселения Элекмонар-4. Особенностью двух исследованных поселений данной группы (Элекмонар-4 и Узнезя-1) является нигде не встречаемое в предгорьях сочетание пояска из чередующихся «жемчужин» и уголковых вдавлений с рассеченными валиками (рис. 25, 4-5). Возможно, подобное сочетание будет встречено и на других, еще не изученных поселениях, отнесенных к этой группе. Таким образом, керамика третьей группы имеет свои отличия как от пазырыкской поселенческой керамики (наличие уголковых вдавлений, чередующихся с «жемчужником»), так и от предгорий (наличие валика в сочетании поясками чередующихся жемчужин и уголковых вдавлений, отсутствие поясков из чередующихся ямок и «жемчужин»).

Существовало мнение, что некоторые поселения Северного Алтая и Средней Катунь (Кудыргэ, Лебедь-1, Иогач, Денисова пещера и Кара-Тенеш) оставлены больше-реченцами, проникавшими вглубь Алтая, в том числе, в связи с ослаблением пазырыкцев приблизительно с III в. до н. э. [Могильников, 1980, с. 45; Киреев, 1987, с. 70; Савинов, 1989, с. 15; и др.]. Анализ керамики из этих районов выявил ее специфические черты, отличные от керамики предгорий и лесостепного Алтая, поэтому непосредственное проникновение значительных групп населения из равнинного Алтая в горы со своими традициями изготовления и орнаментации керамики не подтверждается. Очевидно,

имел место длительный процесс взаимовлияния и ассимиляции, в результате которого происходили изменения в культуре и хозяйственном укладе населения.

В целом, на основе анализа поселенческих и погребальных материалов можно сделать следующие выводы по этнокультурной ситуации Горного Алтая и предгорий в раннем железной веке.

1. После угасания афанасьевской культуры, в эпоху развитой и поздней бронзы население Горного Алтая было крайне редким, оставившим немногочисленные погребальные памятники и места обитания без выраженного культурного слоя.

В VIII-VII вв. до н. э. Горный Алтай вновь становится одним из центров древнего скотоводства Центральной Азии. Полукочевники выбирали под зимние стойбища те же наиболее удобные для скота и людей места, что и жившие до них афанасьевцы. При этом, в районах с наиболее мягким климатом и плодородными почвами (долина р. Катунь ниже р. Чемал, Усть-Коксинский и Онгудайский районы) часть населения в раннем железном веке могла заниматься комплексным хозяйством, включавшим земледелие, скотоводство и охоту. Уже тогда в VII в. до н. э. на территории Горного Алтая имелся известный нам керамический комплекс (банки, чаши, горшки) и комбинации орнаментальных мотивов.

Очевидно, определённое участие в формировании культурного облика и керамики приняли выходцы из Казахстана и Верхнего Приобья, но процесс сложения бийкенской культуры раннескифского времени от нас пока скрыт. Столь же загадочно и образование пазырыкской культуры, пришедшей на смену бийкенцам. Между тем, места расположения поселений остались теми же, не изменилась и используемая в быту керамика. Это указывает на сохранение автохтонного населения, проживавшего, по меньшей мере, с VIII в. до н. э. в наиболее благоприятных долинах Центрального Алтая и к северу по Катунь. Во второй половине IV – первой половине III вв. до н. э. наступает краткий (полувековой) период экспансии пазырыкцев во все направления кроме северной тайги. В это время пазырыкские курганы появляются в северо-западных предгорьях Алтая, Восточном Казахстане, в Сынцзяне, на Укоке, в Чуйской степи и Монголии. Попытки найти в этих местах их поселения пока не увенчались успехом, что вполне естественно, поскольку проживали они там всего несколько десятилетий.

2. Дифференциация поселенческой керамики Горного Алтая, на наш взгляд, позволяет разграничить керамику из поселений степных предгорий. Хорошо прослеживаются поселения с керамикой, близкой пазырыкской валиковой, но с указанными выше отличиями (Майма-2, 12, Точильное-1, Фоминское, Ст.-Бехтемир, Енисейское, Малоугренёво, Красный Яр). На этих же поселениях, как правило, есть и керамика большереченского типа. Другая часть поселений не имеет валиковой керамики. Вероятно, предгорья, как и Горный Алтай, в VI–IV вв. до н.э. были заселены родственными пазырыкцам племенами «быстрянцев», проживавших совместно с местным (большереченским?) населением.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулганеев М.Т. Валиковская керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 106–109.
- Абдулганеев М.Т. Поселения скифского времени лесостепного и предгорного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. 38 с.
- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6-2 вв. до н. э. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1997. 148 с.
- Археологические памятники и объекты Майминского района. Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Киреев С.М. Горно-Алтайск, б. и., 2008. 144 с.
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 11–38.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.
- Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 на нижней Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, б. и., 1994. С. 18–22.
- Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 эпохи палеометаллов на Нижней Катунь (вопросы культурогенеза и инфильтрации древнего населения в условиях горной среды) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. № 7. С. 56–67.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. 220 с.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Владимиров В.Н. Численность и расселение южных алтайцев в XVIII-XIX веках // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 115–126.
- Владимиров В.Н. Хозяйство южных алтайцев в конце XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 150–160.
- Владимиров В.Н., Шульга П.И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 97–104.
- Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. Ч. 1. 262 с.
- Древние культуры Бертековской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 224 с.
- Динесман Л.Г., Болд Г. История выпаса скота и развития пастбищной дигрессии в степях Монголии // Историческая экология диких и домашних копытных: История пастбищных экосистем. М., 1992. С. 172–216.
- Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Изд-во «Юч-Сюмер», 2001. 224 с.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). – Алматы: Институт археологии, 2012. 238 с., ил.
- Жогова Н.А. Первые результаты поисков стоянок раннего железного века на севере Тувы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II. – Казань, 2014. С. 202–204.
- Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. – 1961. Вып. 3. С. 89–108.
- Завитухина М.П. Второй Бийский могильник // АСГЭ. 1962. Вып. 22. С. 28–30.
- Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 61–77.
- Казаков А.А. Керамический комплекс поселения Точильное-1 // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, б. и., 1989. С. 60–62.

- Киреев С.М. Поселение Майма I в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 165–191.
- Киреев С.М. Поселения долины р. Майма и проблема культурной принадлежности памятников северо-западных предгорий Горного Алтая во второй половине I тыс. до н. э. // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 61–73.
- Киреев С.М. Охранные раскопки памятников Майминского археологического комплекса // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, б. и., 1990. С. 53–57.
- Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990-1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, б. и., 1992. С. 55–56.
- Киреев С.М. Тризны и тризновая керамика майминских погребений раннего железного века // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. Вып. 4. С. 92–99.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень 6 на Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 111–127.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2004. 282 с.: ил.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 248 с.
- Косинцев П.А., Степанова Н.Ф. Фауна афанасьевского поселения Малый Дуган // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 121–129.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск.: Изд-во Наука СО, 1979. 120 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Изд-во Наука СО, 1987. 299 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Изд-во Наука СО, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Изд-во Наука СО, 1992. 220 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2007. 282 с.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
- Куминова А.В. Растительный покров Алтая. Новосибирск: Наука, 1960. 450 с.
- Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 43–58.
- Лапшин Б.И., Молодин В.И., Петрин В.Т. Поселение Лебедь-1 в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 18–23.
- Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 115–129.
- Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая: Учебное пособие по спецкурсу. Барнаул: БГПИ, 1987. 110 с.
- Могильников В.А. О культурах западно-сибирской лесостепи раннего железного века (Итоги и проблемы изучения) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 41–50.
- Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 40–71.
- Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, б. и., 1988. С. 60–107.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М., б. и., 1997. 196 с.
- Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура I // КСИА. 1982. № 170. С. 103–109.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Курган раннего железного века на Чумыше // КСИА. 1981. №167. С. 80–86.

- Молодин В.И. Погребальный комплекс пазырыкской культуры Верх-Кальджин I и проблема современного потепления климата // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 101-108.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. 264 с. + 2 вкл.
- Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 50–73.
- Молодин В.И., Каен-Делайе А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н. Исследование памятника Майнак-2 на плоскогорье Укок // Altaica. Новосибирск, 1993. Вып. 2. С. 21–49.
- Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. 232 с.
- Одинцов А.В., Челышев Д.И. Зимние пастбища и зимнее содержание скота в Кош-Агачском аймаке. Ойрот-Тура: Ойротское областное национальное издательство, 1947. 88 с.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2005. 202 с.
- Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш // Археологический поиск: Северная Азия. Новосибирск, 1980. С. 92–98.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: Изд-во «ИНФОЛИО-пресс», 2001. 336 с.: ил.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с., ил.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 350 с., ил.
- Савинов Д.Г. Соотношение социального уровня развития южносибирских археологических культур во второй половине I тыс. до н. э. // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч. I. С. 12–16.
- Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 54–66.
- Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 39–60.
- Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. 1974. № 16. С. 62–91.
- Степанова Н. Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 19–26.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1989. 216 с.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеберенская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 184 с.
- Тошачова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во «Наука» СО РАН, 1978. 160 с.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2005. 204 с., ил.
- Федорович Б.А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. М., 1973. С. 207–222.
- Фролов Я.В., Ведянин С.Д., Изоткин С.Л. Комплекс древних поселений – Горелый Кордон // Михайловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 66–69.
- Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Горелый Кордон – первое поселение переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 135–139.
- Хабдулина М.К. Степное Прииртышье в эпоху раннего железа. Алматы: Изд-во Гылым, 1994. 170 с.
- Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.: Изд-во Пушкинского НЦ РАН, 1994. 170 с.

- Чугунов К.В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // «Тerra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Тerra Scythica». Новосибирск, 2011. С. 358–369.
- Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990а. 16 с.
- Шульга П.И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990б. С. 83–87.
- Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поиска // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 155–159.
- Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 48–60.
- Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на средней Катунь // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–123.
- Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-1 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. №2. С. 73–84.
- Шульга П.И. Поселение Партизанская Катущка на Катунь // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998а. С. 146–164.
- Шульга П.И. Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998б. Т. IV. С. 379–385.
- Шульга П.И. Древние скотоводы Горного Алтая (по материалам поселений) // Поселения: Среда, Культура, Социум. СПб., 1998в. С. 44–47.
- Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 245–250.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2003. 204 с., ил.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
- Шульга П.И. О топографии поселений древних скотоводов в горно-степных ландшафтах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. XVII. С. 265–268.
- Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений): Монография. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 336 с.
- Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. 258 с.
- Шульга П.И., Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю. Хронология могильников позднего этапа пазырыкской культуры: дендрохронологическая шкала и археологический аспект // Алтай в кругу евразийских древностей /отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск, 2016. Гл. 4. С. 272–285.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2009. 329 с.
- Шульга П.И., Шульга Н.Ф. Три раннескифских кургана из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 250–255.
- Югова Н.И. Некоторые особенности агроклиматических условий территории Горно-Алтайской автономной области // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. Барнаул, 1975. С. 87–90.

Глава III

КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЙ

Керамика поселений Центрального Казахстана

Изучение керамики поселений Центрального Казахстана проходило по нескольким этапам:

I — выделение категорий и типов форм сосудов (по крупным фрагментам). Под категорией здесь понимается группа сосудов, характеризующаяся наличием или отсутствием шейки. Всего по имеющемуся материалу было выделено две категории — горшки (сосуды с шейкой) и банки (не имеющие шейки сосуды). Типы внутри категорий объединяют сосуды, имеющие сходные особенности в профиле. Так, среди горшков типы выделялись по форме шейки и перехода к тулову, среди банок — по направлению, в котором отклонялась верхняя часть тулова. Существует, как известно, два типа банок: 1 — верх тулова отклоняется внутрь емкости (т.н. «закрытые» банки) и 2 — верх тулова прямой или отклоняется наружу (т.н. «открытые» банки).

II — описание особенностей орнамента и техники его нанесения* (* **Примечание.** Морфологический анализ керамики поселения Абылай будет проведен после завершения раскопок памятника).

III — технико-технологический анализ по методике А.А. Бобринского [Бобринский, 1978, 1999] с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10. Программа исследований включала анализ исходного сырья (глин), состава формовочных масс, способов конструирования сосудов и обработки их поверхности. Техничко-технологическому изучению подвергаются обычно лишь те обломки, которые имеют достаточную площадь, так как анализ проводится по свежим изломам, причем часть фрагмента дополнительно нагревается в муфельной печи при температуре 850°С–900°С. Помимо особенностей исходного сырья, определялись качественный состав искусственных примесей (песка,

дресвы, шамота и др.) и размерность их включений, в соответствии с принятой шкалой: мелкие — 0,5–0,9 мм; средние — 1–1,9 мм; крупные — более 2 мм [Бобринский, 1978, с. 110], (в том числе т.н. гравелитовая фракция, с размером частиц 3–10 мм).

Способы обработки поверхности, конструирования начина и полого тела изучались по фрагментам днищ с придонными частями тулова и по наиболее крупным фрагментам стенок.

Далее, на основе устойчивых сочетаний приемов изготовления начина и полого тела определялись технологические схемы, по которым изготавливалась керамика памятника. Каждая такая схема соответствует отдельной этнокультурной группе населения, имевшей свои гончарные традиции.

Абылай

Для проведения технико-технологического анализа было отобрано 62 экземпляра, в том числе фрагменты с венчиками от 40 сосудов, крупные фрагменты стенок от 12 сосудов и фрагменты придонных частей от 12 сосудов.

Анализ исходного сырья, сделанный по фрагментам с венчиками, показал, что использовались (табл. 4):

- 1) слабожелезненная глина – 2,5% (1 экз.)
- 2) среднежелезненные глины – 70%
- 3) сильножелезненные глины – 27,5%.

Все глины пластичные, а в среднежелезненных выделяются еще и высокопластичные (3 экз.).

Формовочные массы составлялись по следующим рецептам (табл. 4):

- 1) глина + дресва + навоз – 52,5%
- 3) глина + песок + навоз – 45%
- 5) глина + дресва + шамот + навоз – 2,5% (1 экз.).

Дресва (табл. 5) применялась в основном средняя (54,5%), в концентрациях 1:4 (25%) и 1:5 (75%), а также крупная (41%), в том числе гравелитовая, в концентрации 1:5 и мелкая (1 экз. – 4,5%), в концентрации 1:3. Общее предпочтение отдавалось концентрации 1:5. (81,8%).

Песок, слабо окатанный, средней (55,6%) и крупной (44,4%) размерности, в равной степени применялся в концентрациях 1:4 и 1:5 (табл. 6).

Шамот встречен в одном фрагменте, от сосуда, технология изготовления которого нетипична для памятника (рис. 2, 1). Данный экземпляр единственный, формовочная масса которого составлена по смешанному рецепту («дресва+шамот») и содержит мелкую дресву в большой концентрации (1:3). Исходное сырье шамота – слабожелезненная глина. Отметим, как вероятно привозные, три сосуда (рис. 2, 2; рис. 3, 12, 15), изготовленные из высокопластичной глины с примесью слюды, по рецепту «крупный песок в концентрации 1:5 + навоз».

Технологию конструирования удалось изучить по фрагментам от 24 сосудов, из которых 12 экз. — это крупные фрагменты от тулова сосудов, 12 экз. — фрагменты днищ с примыкающими к ним придонными частями тулова, пригодные для изучения начинов.

Конструирование начинов (табл. 24) проходило по двум программам — емкостной (41,7%) и донно-емкостной (58,3%). По способам изготовления емкостные начини относятся к лоскутно-комковатым. Донно-емкостные начини изготовлены из жгутов по спиральной траектории.

Полое тело (табл. 25) изготавливалось четырьмя способами:

- 1) ленточный, по кольцевой траектории с боковым наложением (8,3%);
- 2) лоскутно-комковатый (58,3%), варианты: а) из одного слоя лоскутов (5 экз.), б) из двух слоев лоскутов (2 экз.);
- 3) спирально-жгутовой (33,4%).

Установлено наличие двух технологических схем изготовления керамики (табл. 26):

- 1 — донно-емкостный спирально-жгутовой начин и полое тело из жгутов, накладывавшихся по спиральной траектории (7 экз.);
- 2 — емкостный начин с полым телом из лоскутов, накладывавшихся без системы (5 экз.). Днище — из лоскутов, примазано изнутри емкости.

Поверхности сосудов заглаживались тканью, пальцами, кожей, использовались также пучки травы.

Табл. 4. Поселение Абылай. Соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс

исходное сырье	рецептура формовочной массы			Всего	%
	(искусственные минеральные примеси)				
	дресва	песок	дресва + шамот		
слабожелезн.	-	1	-	1	2,5
среднежелезн.	13	15	-	28	70
сильножелезн.	8	2	1	11	27,5
Всего	21	18	1	40	100
%	52,5	45	2,5		

Табл. 5. Поселение Абылай. Соотношение размерности и концентрации дресвы

размерность	концентрация			Всего	%
	1:3	1:4	1:5		
мелкая	1	-	-	1	4,5
средняя	-	3	9	12	54,5
крупная	-	-	9	9	41
Всего	1	3	18	22	100
%	4,5	13,7	81,8		

Табл. 6. Поселение Абылай. Соотношение размерности и концентрации песка

размерность	концентрация		Всего	%
	1:4	1:5		
средняя	6	4	10	55,6
крупная	3	5	8	44,4
Всего	9	9	18	100
%	50	50		

Едирей-1

Раскопками поселения Едирей-1 получены фрагменты от примерно 61 сосуда. Сосуды (табл. 27) имели баночную (21,3%) и горшковидную (19,7%) форму. Горшки (табл. 28) в основном слабопрофилированные, с намечающейся (25% горшков — рис. 28, 1; рис. 31, 4), а также (66,7% — рис. 26, 1, 6; рис. 27, 6; рис. 28, 3; рис. 29, 2, 5; рис. 30, 2, 6) короткой прямой или слегка вогнутой шейкой. Один сосуд имел короткую прямую шейку, переходящую к тулову под тупым углом (рис. 30, 1). Один из обломков принадлежал сосуду с трубчатым носиком, длина которого была 3 см, диаметр отверстия — 2,5 см (рис. 28, 3). Один сосуд имел клювовидный открытый слив (рис. 29, 7), один — налипшую ручку (рис. 30, 3). Представляют интерес фрагменты сосуда, стенки которого были соединены под тупым углом, отчего, возможно, он имел шестиугольную форму (рис. 31, 2). На каждой его стенке под венчиком прочерчена горизонтальная линия, ниже — полукруг (возможно, круг) с короткими лучами, выполненными гладким штампом.

По форме венчики сосудов делятся на округлые (57,4%), уплощенные (37,7%) и желобчатые (4,9% — рис. 26, 2; рис. 28, 6, 7). Среди округлых венчиков выделяются утолщенные (5,7% — рис. 26, 4; рис. 29, 2), отогнутые наружу (11,4% — рис. 26, 6; рис. 28, 3; рис. 29, 1; рис. 31, 4) или вовнутрь (8,6% — рис. 26, 5; рис. 27, 4; рис. 28, 5; рис. 29, 7), с внутренним (11,4% — рис. 27, 3, 6; рис. 30, 2; рис. 31, 1) или внешним (2,9% — рис. 30, 1) скосом; среди уплощенных — грибовидные (8,7% — рис. 28, 2, 4), с внешним карнизом (8,7% — рис. 28, 1; рис. 29, 4), внутренним скосом (17,4% — рис. 29, 6; рис. 30, 4, 8, 9), утолщенные (4,3% — рис. 31, 3).

Украшено было 42,6% сосудов. Среди элементов орнамента — «жемчужины» (31% — рис. 27, 1-5; рис. 30, 4, 6), выдавленные изнутри пальцем или палочкой; круглые ямки, также нанесенные палочкой, диаметром 0,4–0,8 см (10,4% — рис. 28, 5; рис. 29, 1, 3); глубокие пальцевые вдавления (6,9% — рис. 26, 1, 2); ямки (14%), выполненные округлой (рис. 26, 4-6) или прямоугольной (рис. 26, 3) в разрезе палочкой с последующим вертикальным протаскиванием по стенке сосуда; ряды ногтевых (рис. 30, 9) и овальных (рис. 30, 7; рис. 31, 8) вдавлений; вертикальные (рис. 30, 5) и горизонтальные (рис. 31, 4) отпечатки гребенчатых штампов разной формы; отпечатки двузубого штампа, расположенные в шахматном порядке (рис. 31, 5); горизонтальные прочерченные линии (рис. 31, 7).

Все эти элементы размещались одной полосой высоко под венчиками сосудов — в 1,2 см–3 см (в основном в 1,5 см) от них.

На двух сосудах имелись налипные валики, которые располагались в 0,4 см ниже венчика. Один из валиков имел треугольную в разрезе форму (рис. 30, 7) и был рассечен овальными вдавлениями, другой сочетался с «жемчужинами» в основании шейки (рис. 30, 6).

На предмет анализа исходного сырья и формовочных масс оказалось возможным изучить фрагменты от 33 (54%) сосудов.

По материалам поселения выделено три вида исходного сырья (табл. 7):

- 1) слабожелезненные глины – 12,1%
- 2) среднежелезненные глины – 66,7%
- 3) сильножелезненные глины – 21,2%.

В формовочные массы добавлялись следующие виды примесей: органические – навоз травоядных животных, раковина пресноводных моллюсков (6%); минеральные – песок (27,2%), дресва (66,7%), шамот (12,1%).

Выявлено шесть рецептов формовочных масс (табл. 7):

- 1) глина + песок + навоз – 18,2%
- 2) глина + дресва + навоз – 63,7%
- 3) глина + шамот + навоз – 6,1%
- 4) глина + песок + шамот + навоз – 3%
- 5) глина + дресва + шамот + навоз – 3%
- 6) глина + песок + раковина + навоз – 6%.

Дресва (табл. 8) добавлялась как крупной (59%), так и средней (41%) размерности, в основном в концентрации 1:4; в меньшей степени — 1:3 и 1:5. Песок (табл. 9), средний и крупный, добавлялся в концентрации 1:3 и, в двух случаях, в концентрации 1:4. Раковина некалиброванная с преобладанием крупной фракции. Шамот был мелкий, средний и крупный, в концентрации 1:4 и 1:5, в основном сильной ожелезненности.

Определено пять групп сосудов, соответствующих пяти разным мастерам:

1 — слабожелезненная глина с искусственной добавкой средней дресвы из камня серого цвета в концентрации 1:4 и навоза (рис. 26, 2; рис. 27, 5; рис. 29, 7);

2 — среднежелезненная глина с искусственной добавкой крупной кварцевой дресвы в концентрации 1:4 и навоза (рис. 26, 1; рис. 29, 3, 8).

3 — среднежелезненная глина с искусственной добавкой средней дресвы из минерала белого цвета в концентрации 1:3 и навоза (рис. 26, 5, 6; рис. 30, 7).

4 — сильножелезненная глина с искусственной добавкой среднего разноцветного песка в концентрации 1:3 и навоза (рис. 133, 1, 3).

5 — сильножелезненная глина с искусственной добавкой среднего песка в концентрации 1:3, некалиброванной дробленой раковины в концентрации 1:4 и навоза (рис. 31, 4, 8).

Технологию конструирования удалось изучить по фрагментам от 28 сосудов (45,9%), из которых 22 экз. — это крупные фрагменты от тулова сосудов, 6 экз. — фрагменты днищ с примыкающими к ним придонными частями тулова, пригодные для изучения начинов.

Конструирование начинов (табл. 24) проходило по двум программам — емкостной (4 экз.) и донно-емкостной (2 экз.). По способам изготовления емкостные начини делятся на лоскутно-комковатые (из глиняных лоскутов, накладывавшихся без системы), спирально-жгутовые и изготовленные из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением. Донно-емкостные начини изготовлены из жгутов по спиральной траектории.

Приемы изготовления полого тела следующие (табл. 25): 10,7% были изготовлены из лоскутов, накладывавшихся без системы (лоскутно-комковатый способ), 67,9% — из жгутов накладывавшихся по спиральной траектории; 17,8% — из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением; 3,6% — из лент по кольцевой траектории с боковым наложением.

Установлено наличие четырех технологических схем изготовления керамики (табл. 26):

1 — донно-емкостный спирально-жгутовой начин и полое тело из жгутов, накладывавшихся по спиральной траектории (2 экз.);

2 — емкостный начин с полым телом из жгутов по спиральной траектории (2 экз.). Днище, также изготовленное из жгутов по спиральной траектории, накладывалось снаружи, а его слегка выступающие края примазывались к емкости. Изнутри днище соединялось с емкостью дополнительным жгутом;

3 — емкостный начин и полое тело из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением (1 экз.);

4 — емкостный начин с полым телом из лоскутов, накладывавшихся без системы (1 экз.). Днище — из лоскутов, примазано изнутри емкости. При изготовлении сосуда использовалась кожаная форма-емкость, следы от складок которой сохранились на внешней поверхности фрагмента.

Способы обработки поверхности определялись в самых общих чертах по причине фрагментарности керамического материала и плохой сохранности следов. Поэтому можно лишь констатировать, что поверхности сосудов заглаживались в основном пальцами, использовались также пучки травы.

Табл. 7. Поселение Едирей-1. Соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс

исходное сырье	рецептура формовочной массы (искусственные минеральные примеси)						Всего	%
	дресва	песок	шамот	дресва + шамот	песок + шамот	песок + раковина		
слабожелезн.	4	-	-	-	-	-	4	12,1
среднежелезн.	15	3	2	1	1	-	22	66,7
сильножелезн.	2	3	-	-	-	2	7	21,2
Всего	21	6	2	1	1	2	33	100
%	63,7	18,2	6,1	3	3	6		

Табл. 8. Поселение Едирей-1. Соотношение размерности и концентрации дресвы

размерность	концентрация			Всего	%
	1:3	1:4	1:5		
средняя	2	6	1	9	41
крупная	2	10	1	13	59
Всего	4	16	2	22	100
%	18,2	72,7	9,1		

Табл. 9. Поселение Едирей-1. Соотношение размерности и концентрации песка

размерность	концентрация		Всего	%
	1:3	1:4		
средняя	6	1	7	77,8
крупная	1	1	2	22,2
Всего	7	2	9	100
%	77,8	22,2		

Едирей-3

В керамическом комплексе было не менее 23 сосудов, имевших округлые (60,9%) и уплощенные (39,1%) венчики. Некоторые из округлых венчиков были отогнуты наружу (рис. 32, 4; рис. 33, 6, 8), один был утолщен (рис. 33, 4). Уплощенные венчики более разнообразны по своему оформлению: встречены венчики грибовидные (рис. 33, 9), с внешним карнизом (рис. 32, 1), имеющие внутренний скос (рис. 32, 6; рис. 33, 5).

По форме (табл. 27) сосуды делятся на банки (52,2%) и слабо профилированные горшки с намечающейся шейкой (21,7% — рис. 33, 3, 6, 8, 9). Форма остальных неопределима.

На 14 сосудах, в 0,8–2,5 см от венчика, был нанесен орнамент: «жемчужины» (46,2%), выдавленные пальцем (рис. 32, 1, 3, 4), палочкой (рис. 32, 2; рис. 33, 9) или трубочкой (рис. 33, 7); вдавления (7,7%) прямоугольной (рис. 32, 5) и овальной (7,7% — рис. 33, 8) формы, а также ямки (38,4%), сделанные круглой (диаметр 0,3–0,8 см) в разрезе палочкой (рис. 32, 6; рис. 33, 1-3).

По фрагментам от 17 (73,9%) сосудов был проведен анализ традиций отбора исходного сырья и составления формовочных масс.

Гончары поселения применяли три вида исходного сырья (табл. 10):

- 1) среднежелезненные глины – 64,7%
- 2) сильножелезненные глины – 29,4%
- 3) илистая железненная глина – 5,9%. Использование илистой глины определено на основании признаков, выделенных И.Н. Васильевой [Васильева, 1999, с. 194]. В нашем образце (рис. 32, 7) отмечены характерные для данного вида незначительное количество естественной примеси обломков раковин речных моллюсков (4–8 включений на 1 кв. см), оолитовый бурый железняк и мелкие извилистые отпечатки фрагментов тонких водорослей. Весь черепок имеет губчатую структуру.

Добавлялись следующие виды примесей: органические — навоз травоядных животных; минеральные — песок, дресва, шамот.

Выявлено три рецепта формовочных масс (табл. 10):

- 1) глина + песок + навоз – 29,4%
- 2) глина + дресва + навоз – 58,8%
- 3) глина+шамот+органика (скорее всего навоз в малой концентрации) — 11,8%.

Дресва (табл. 11) добавлялась только крупной размерности, в основном в концентрации 1:4, а также в концентрации 1:3 и 1:5.

Песок (табл. 12), средний и крупный, добавлялся в концентрации 1:3 и 1:4.

Частицы шамота имели среднюю размерность. В одном случае шамот был среднежелезненным и находился в составе формовочной массы, изготовленной из сильножелезненной глины, в концентрации 1:4, во втором — сильножелезненный шамот был обнаружен во фрагменте сосуда из илистого сырья, в концентрации 1:5.

Выявлено три группы сосудов, каждая из которых предположительно была изготовлена своим мастером:

1 — среднежелезненная глина с искусственной добавкой крупной кварцевой дресвы в концентрации 1:4 и навоза (рис. 32, 1, 2);

2 — среднежелезненная глина с искусственной добавкой крупного слабоокатанного кварцевого песка в концентрации 1:3 и навоза (рис. 33, 1, б);

3 — сильножелезненная глина с искусственной добавкой среднего разноцветного песка в концентрации 1:4 и навоза (рис. 32, 5, б).

Информация о составе приемов конструирования посуды была получена по 24 фрагментам, из которых только 4 принадлежали днищам с сохранившейся придонной частью тулова.

Всё же и по столь малому их количеству выявлено (табл. 24), что начинны конструировались по двум программам — емкостной (3 экз.) и донно-емкостной (1 экз.).

Фрагменты 20 стенок дополнили данные о составе приемов изготовления полого тела (табл. 25): 62,5% — из жгутов по спиральной траектории; 29,2% — из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением; 8,3% — из лоскутов, накладывавшихся без системы.

По фрагментам днищ с придонными частями достоверно установлено существование трех технологических схем (табл. 26):

1 — донно-емкостный начин и полое тело из жгутов по спиральной траектории (1 экз.);

2 — емкостный начин и полое тело из жгутов, накладывавшихся по спиральной траектории. Днище, свитое из жгутов по спиральной траектории, наложено сверху на емкость и примазано изнутри дополнительным жгутом (2 экз.);

3 — емкостный начин и полое тело из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением (1 экз.).

Поверхность сосудов заглаживалась пальцами.

Табл. 10. Поселение Едирей-3. Соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс

исходное сырье	рецепты формовочной массы (искусственные минеральные примеси)			Всего	%
	дресва	песок	шамот		
среднежелезн.	9	2	-	11	64,7
сильножелезн.	1	3	1	5	29,4
илистая железн.глина	-	-	1	1	5,9
Всего	10	5	2	17	100
%	58,8	29,4	11,8		

Табл. 11. Поселение Едирей-3. Соотношение размерности и концентрации дресвы

размерность	концентрация			Всего
	1:3	1:4	1:5	
крупная	2	5	3	10
%	20	50	30	100

Табл. 12. Поселение Едирей-3. Соотношение размерности и концентрации песка

размерность	концентрация		Всего	%
	1:3	1:4		
средняя	1	2	3	60
крупная	2	-	2	40
Всего	3	2	5	100
%	60	40		

Керегетас-2

В керамическую коллекцию поселения Керегетас-2 входят фрагменты по меньшей мере 35 сосудов с толщиной стенок от 4 до 10 мм. Венчики их имели округлую (54,3%) и уплощенную (45,7%) форму. Среди округлых выделяются отогнутые наружу (15,8% — рис. 37, 3; рис. 38, 1) или вовнутрь (31,6% — рис. 34, 1, 5; рис. 36, 1, 5; рис. 37, 2; рис. 38, 2), утолщенные (10,5% — рис. 35, 2), с внешним карнизом (10,5% — рис. 35, 4; рис. 36, б); среди уплощенных — венчики, имеющие внутренний скос (18,8% — рис. 35, 5; рис. 38, 4), внешний карниз (6,2% — рис. 36, 2), внутренний карниз (12,5% — рис. 34, 2; рис. 38, 3) и утолщенные (6,2% — рис. 36, 3).

Форма тулова (табл. 27) определялась по фрагментам с сохранившимся на достаточную высоту профилем. Большинство сосудов (45,7%) имело баночную форму, но некоторые фрагменты принадлежали плавно профилированным горшкам с намечающейся шейкой (8,6% — рис. 35, 2; рис. 36, 2; рис. 37, 3). Встречены также фрагменты двух чашек (рис. 36, 1; рис. 38, 2), фрагмент небольшого, с толщиной стенок 0,4 см, сосудика горшковидной формы с тупоугольным переходом от короткой прямой шейки к тулову (рис. 38, 4) и обломанный трубчатый носик, имевший длину 4,5 см, диаметр 4–4,5 см, толщину стенок 0,5 см (рис. 38, б). Форма 37,1% сосудов неопределима.

Свои изделия гончары поселения украшали — «жемчужинами» (53,8% — рис. 34, 2, б; рис. 36, 4–6; рис. 37, 1, 2; рис. 38, 3), выдавленными трубочкой, пальцем или палочкой, ямками (15,5% — рис. 34, 3; рис. 38, 1; рис. 39, 2, 4), сделанными палочкой диаметром 0,4–0,8 см, а также пальцевыми (11,6% — рис. 35, 2, 4; рис. 37, 3) и ногтевыми (7,7% — рис. 37, 3; рис. 39, 1) вдавлениями. На одном из фрагментов отмечена композиция — пальцевые вдавления, между которыми располагались наклонные ряды ногтевых вдавлений (рис. 37, 3). Один из сосудов был орнаментирован по тулову не-

глубоко прочерченными концентрическими овалами, рядом с которыми располагалось изображение, похожее на пиктограмму (рис. 39, 3), другой был украшен взаимно перпендикулярными полосой из нескольких рядов ямок и лентой из прочерченных отрезков (рис. 39, 4). Орнаментировано не менее 15 сосудов (42,9%).

Для проведения анализа традиций отбора исходного сырья и составления формовочных масс были использованы фрагменты 20 сосудов.

Отмечено наличие трех видов исходного сырья (табл. 13):

- 1) слабожелезненные глины – 20%
- 2) среднежелезненные глины – 65%
- 3) сильножелезненные глины – 15%.

Для составления формовочных масс применялись следующие виды искусственных примесей: органические – навоз травоядных животных; минеральные – песок, дресва и шамот.

Выявлено три рецепта формовочных масс (табл. 13):

- 1) глина + песок + навоз – 60%
- 2) глина + дресва + навоз – 35%
- 3) глина + шамот + навоз – 5%.

Дресва и песок применялись только крупной размерности; песок в концентрациях 1:3 (50%) и 1:4 (50%), дресва применялась еще и в концентрации 1:5. Шамот средней размерности, встреченный в одном случае (рис. 35, 4), имел сильную ожелезненность и был добавлен в среднежелезненную глину в концентрации 1:5.

Выявлено четыре группы сосудов, одинаковых по особенностям исходного сырья и рецептуре формовочных масс:

- 1 — слабожелезненная глина с искусственной добавкой крупного слабоокатанного песка в концентрации 1:3 и навоза (рис. 34, 1, 4, 5; рис. 35, 5);
- 2 — среднежелезненная глина с искусственной добавкой крупного слабоокатанного песка в концентрации 1:4 и навоза (рис. 34, 2; рис. 35, 1, 3; рис. 36, 4; рис. 37, 1, 2);
- 3 — среднежелезненная глина с искусственной добавкой крупной гранитной дресвы в концентрации 1:5 и навоза (рис. 34, 3; рис. 35, 2);
- 4 — сильножелезненная глина с искусственной добавкой крупного разноцветного песка в концентрации 1:3 и навоза (рис. 36, 1, 5).

Технологическая идентичность фрагментов говорит о том, что сосуды, входящие в каждую отдельную группу, могли быть изготовлены одним и тем же мастером.

Приемы конструирования сосудов были изучены по 33 фрагментам, из которых — 9 фрагментов днищ с придонными частями и 24 фрагмента от стенок сосудов.

Выявлено две программы изготовления начинов (табл. 24) — емкостная (8 экз.) и донно-емкостная (1 экз.).

Полое тело сосудов изготавливалось тремя способами (табл. 25): 72,7% — из жгутов по спиральной траектории; 24,3% — из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением; 3% (1 экз.) — из лент по кольцевой траектории с боковым наложением. Этот сосуд, скорее всего, являлся привозным (рис. 37, 3).

Технология изготовления керамики поселения разделяется, по меньшей мере, на три технологические схемы (табл. 26):

1 — донно-емкостный начин и полое тело из жгутов по спиральной траектории (1 экз.);

2 — емкостный начин и полое тело из жгутов, накладывавшихся по спиральной траектории. Днище, свитое из жгутов по спиральной траектории, наложено сверху на емкость и примазано изнутри дополнительным жгутом (5 экз.);

3 — емкостный начин и полое тело из жгутов по кольцевой траектории с боковым наложением (3 экз.)

Поверхность сосудов заглаживалась в основном пальцами, единично отмечены следы заглаживания грубой тканью.

Табл. 13. Поселение Керегетас-2. Соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс

Исходное сырье	Рецептура формовочной массы (искусственные минеральные примеси)			Всего	%
	дресва	песок	шамот		
слабожелезн.	-	4	-	4	20
среднежелезн.	6	6	1	13	65
сильножелезн.	1	2	-	3	15
Всего	7	12	1	20	100
%	35	60	5		

Кызылсуир-2

Коллекция керамики поселения представлена фрагментами от не менее чем 50 сосудов, 25,5% которых — банки, «открытые» (рис. 40, 1, 9; рис. 43, 3; рис. 44, 3) и «закрытые» (рис. 40, 4, 6; рис. 41, 2; рис. 42, 1, 5; рис. 44, 4), 29,4% — горшки, 45,1% — неопределимо (табл. 27). Толщина стенок от 5 до 17 мм, в основном 7–8 мм.

Горшки относятся к трем типам (табл. 28): 1 — имеющие короткую прямую шейку с тупоугольным переходом к тулову (рис. 41, 3; рис. 42, 8); 2 — имеющие короткую прямую или слегка вогнутую шейку с плавным переходом к тулову (рис. 40, 2; рис. 41, 5; рис. 42, 3; рис. 43, 4; рис. 44, 5); 3 — имеющие очень короткую намечающуюся шейку, переходящую в слабо раздутое тулово (рис. 40, 5, 7; рис. 41, 1, 7; рис. 42, 2; рис. 43, 5, 7).

Венчики сосудов — уплощенные (41,2%), округлые (54,9%) и желобчатые (3,9% — рис. 40, 9; рис. 44, 4). Среди округлых встречаются отогнутые наружу (39,2% округлых — рис. 40, 2, 3, 7; рис. 41, 1, 5, 7; рис. 42, 2; рис. 43, 4) или вовнутрь (7,2% — рис. 40, 4; рис. 42, 5), утолщенные (25% — рис. 40, 5, 8; рис. 41, 5; рис. 42, 6; рис. 43, 6), с внешним карнизом (3,6% — рис. 43, 7). Разновидности уплощенных венчиков — грибовидные (23,8% уплощенных — рис. 43, 3, 5; рис. 44, 1, 2), утолщенные (4,8%), с внешним карнизом (14,3% — рис. 41, 4; рис. 43, 1, 2), с внутренним карнизом (28,6% — рис. 40, 1; рис. 41, 6; рис. 43, 8). Один из карнизов был сделан с помощью дополнительного глиняного жгутика. На одном из сосудов под венчиком был сделан горизонтальный налип, служивший, вероятно, ручкой (рис. 42, 6).

Среди элементов орнамента преобладают (62,1%) ямки: круглые, нанесенные палочкой диаметром 4–8 мм (рис. 41, 7; рис. 42, 2; рис. 43, 1, 3–6, 8; рис. 44, 2, 3) или трубочкой диаметром 7 мм (рис. 43, 7). На трех экземплярах (рис. 42, 3; рис. 44, 1, 3) ямки были нанесены прямоугольной в сечении палочкой, причем в одном случае с оттягиванием книзу (рис. 44, 1). Ямки наносились глубиной на всю толщину стенки сосудов так, что с обратной стороны получалась «жемчужина». Сосуды украшались также пальцевыми вдавлениями (6,9% — рис. 41, 5; рис. 43, 2), выдавленными изнутри «жемчужинами» (14% — рис. 42, 1, 5; рис. 44, 5, 6), причем в одном случае они были сдавлены с боков горизонтально (рис. 42, 1), в другом — защипнуты вертикально (рис. 44, 5). На одном сосуде «жемчужины» чередуются с углами прочерченного однорядового горизонтального зигзага (рис. 42, 5). Встречены также отпечатки гладкого штампа (3,4% — рис. 42, 7).

Орнамент наносился по верхней части сосудов, лишь на одном экземпляре наклонные ряды треугольных вдавлений покрывали всю поверхность тулова, а по срезу венчика были прочерчены наклонные отрезки (рис. 42, 4). Всего было орнаментировано 22 сосуда (43,1%).

Анализ исходного сырья и формовочных масс был сделан по фрагментам 37 сосудов. Использовались (табл. 14)

- 1) сильножелезненные глины – 35%
- 2) среднежелезненные глины – 65%.

Формовочные массы составлялись по следующим рецептам (табл. 14):

- 1) глина + дресва + органика (навоз) – 37,8%
- 2) глина + песок + навоз – 59,5%
- 3) глина + шамот + навоз – 2,7%.

Песок (табл. 16) применялся главным образом (72,7%) слабоокатанный, крупный, причем встречается и гравелитовая фракция, а также — средний (27,3%), в концентрации 1:3 (18,2%), 1:4 (72,7%) и 1:5 (9,1%). Дресва (табл. 15) также применялась в основном крупная (64,3%), а также средняя (35,7%), в концентрации 1:3 (21,5%), 1:4 (7,1%) и 1:5 (71,4%). Лишь в одном сосуде был встречен шамот — мелкий (концентрация 1:5), из сильножелезненной глины. Следует отметить, что этот сосуд отличается от других не только рецептом формовочной массы, но и своим исходным сырьем с естественной примесью талька средней размерности (концентрация 1:6–1:7), орнаментом и толщиной стенок (1,6–1,7 см при средней для коллекции памятника 0,7–0,8 см). Очевидно, что он не был изготовлен гончарами данного поселения и является привозным (рис. 42, 4).

Выделено несколько групп сосудов, изготовленных каждая своим мастером:

- 1 — сильножелезненная глина с искусственной примесью крупного песка в концентрации 1:4 и навоза (рис. 40, 6; рис. 41, 2);
- 2 — среднежелезненная глина с искусственной примесью крупного песка в концентрации 1:4 и навоза (рис. 40, 7; рис. 41, 5; рис. 43, 5; рис. 44, 6);
- 3 — сильножелезненная глина с искусственной примесью средней дресвы в концентрации 1:3 и навоза (рис. 40, 9; рис. 41, 4, 5).

Приемы конструирования изучены по фрагментам от 22 сосудов, в том числе 8 фрагментов придонных частей. Выявлено две технологические схемы, по которым изготавливались сосуды (табл. 26):

1 — донно-емкостный спирально-жгутовой начин и полое тело из жгутов по спиральной траектории (6 экз.);

2 — емкостный начин, полое тело из лент по кольцевой траектории и спирально-жгутовое дно (2 экз.).

О существовании и других технологических схем свидетельствуют фрагменты стенок, 18,2% которых было изготовлено из жгутов по кольцевой траектории, 13,6% — лоскутно-комковатым способом, 22,7% — из лент по кольцевой траектории, 45,5% — из жгутов по спиральной траектории (табл. 25).

Табл. 14. Поселение Кызылсуир-2. Соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс

исходное сырье	рецепты формовочной массы (искусственные минеральные примеси)			Всего	%
	дресва	песок	шамот		
среднежелезн.	9	14	1	24	65
сильножелезн.	5	8	-	13	35
Всего	14	22	1	37	100
%	37,8	59,5	2,7		

Табл. 15. Поселение Кызылсуир-2. Соотношение размерности и концентрации дресвы

размерность	концентрация			Всего	%
	1:3	1:4	1:5		
средняя	3	1	1	5	35,7
крупная	-	-	9	9	64,3
Всего	3	1	10	14	100
%	21,5	7,1	71,4		

Табл. 16. Поселение Кызылсуир-2. Соотношение размерности и концентрации песка

размерность	концентрация			Всего	%
	1:3	1:4	1:5		
средняя	1	5	-	6	27,3
крупная	3	11	2	16	72,7
Всего	4	16	2	22	100
%	18,2	72,7	9,1		

Сарыбуйрат

Керамическая коллекция поселения представлена фрагментами от примерно 185 сосудов, 22,7% которых имели банковидную форму, 34,6% — горшковидную, 6,5% относятся к чашкам (рис. 47, 1-6, 10, 11; рис. 59, 12).

Среди горшков можно выделить следующие типы (табл. 28): 1 — с короткой прямой шейкой, переходящей в тулово под тупым углом (4,7% — рис. 49, 5, 6; рис. 58, 7; рис. 59, 3); 2 — с короткой прямой или слегка выгнутой шейкой, плавно переходящей в слабо раздутое тулово (64% горшков — рис. 45, 1-4; рис. 46, 2, 3, 5; рис. 48, 2, 7; рис. 50, 1, 4, 7; рис. 51, 4, 5; рис. 52, 2, 4; рис. 53, 8, 9; рис. 54, 1, 2; рис. 56, 3, 4, 7; рис. 57, 4; рис. 58, 8; рис. 59, 1, 4; рис. 60, 6); 3 — с намечающейся шейкой (31,3% — рис. 45, 5, 6; рис. 48, 1, 4; рис. 53, 6; рис. 54, 3, 5; рис. 55, 3; рис. 56, 1, 2, 5, 8; рис. 60, 3, 5). Форма 36,2% сосудов неопределима (табл. 27).

Венчики сосудов имели округлую (62,2%), уплощенную (33%), желобчатую (2,7% — рис. 49, 11; рис. 53, 2, 4) и заостренную (2,1% — рис. 47, 5; рис. 49, 2; рис. 51, 9; рис. 59, 7) форму. Среди округлых выделяются отогнутые наружу (20% — рис. 45, 1, 2, 4; рис. 46, 2; рис. 48, 1; рис. 49, 5; рис. 53, 5; рис. 54, 3, 5; рис. 55, 3; рис. 57, 4; рис. 58, 2, 4, 6, 8; рис. 60, 6), утолщенные (15,6% — рис. 49, 1; рис. 51, 3-5, 8; рис. 53, 10; рис. 58, 7; рис. 59, 2, 4), грибовидные (1,7% — рис. 50, 5; рис. 55, 5; рис. 56, 6), отогнутые вовнутрь (4,3% — рис. 47, 1, 2, 4, 6; рис. 57, 5), имеющие внутренний скос (12,2% — рис. 48, 4; рис. 50, 4; рис. 52, 2; рис. 53, 7, 8; рис. 55, 1; рис. 58, 2, 4), внешний карниз (6,1% — рис. 46, 4; рис. 52, 1; рис. 53, 9; рис. 54, 6; рис. 56, 1), внутренний карниз (0,9% — рис. 45, 6). Среди уплощенных — те же разновидности: отогнутые наружу (3,3% — рис. 46, 5, 7), утолщенные (9,8% — рис. 48, 2; рис. 53, 3; рис. 56, 3; рис. 60, 3), грибовидные (9,8% — рис. 49, 4; рис. 54, 1; рис. 56, 5, 6), с внешним карнизом (34,4% — рис. 49, 3; рис. 50, 1, 3, 7; рис. 51, 1, 10-13; рис. 52, 3; рис. 55, 4; рис. 56, 2; рис. 59, 6, 8; рис. 60, 1), с внутренним карнизом (4,9% — рис. 47, 9; рис. 52, 7). Большинство заостренных венчиков было получено в результате образования «воротничка».

Сосуды орнаментировались горизонтальным рядом выдавленных пальцем или палочкой «жемчужин» (18,8% — рис. 45, 2, 4, 6; рис. 50, 1-7; рис. 60, 1-3, 7), причем на двух сосудах они были сдавлены с двух сторон горизонтально (рис. 50, 6; рис. 60, 7), а на одном — вертикально (рис. 60, 3); вдавлений — пальцем (25,7% — рис. 45, 3; рис. 46, 1, 5; рис. 48, 5; рис. 51, 4, 5, 10; рис. 53, 7-10; рис. 54, 1, 5, 6; рис. 55; рис. 60, 4), ногтем (6,9% — рис. 45, 5; рис. 51, 2-4; рис. 58, 6; рис. 59, 9, 12); ямок (44,6%), сделанных круглой (диаметр 0,3–1 см, в основном 0,5–0,6 см — рис. 45, 1, 7, 8; рис. 46, 2, 4, 6, 7; рис. 49, 11; рис. 51, 1, 2, 6-9; рис. 52; рис. 53, 1-6; рис. 54, 2-4; рис. 57, 2-4; рис. 58, 2; рис. 60, 6) или квадратной (рис. 60, 5) палочкой, а также овальной в разрезе трубочкой (рис. 46, 3). В двух случаях получившиеся на внутренней поверхности стенок «жемчужины» были зашипнуты (рис. 54, 1, 2).

Среди других элементов орнамента — резной горизонтальный однорядовый зигзаг (1% — рис. 58, 7), резные вертикальные линии (1% — рис. 45, 2), беспорядочно нанесенные мелкие ямки (1% — рис. 58, 8). На некоторых сосудах отмечены простые

композиции: 1) ногтевые вдавления по верхнему краю емкости и узкий волнистый валик в верхней части тулова. Для большего сцепления с поверхностью сосуда валик был наклеен на две глубоко прочерченные линии (рис. 45, 5); 2) «жемчужины» с четырьмя вертикальными резными линиями между ними (рис. 45, 2); 3) ямки с вертикальным рядом ногтевых вдавлений под ними (рис. 51, 2); 4) пальцевые вдавления с ногтевыми между ними (рис. 51, 3); 5) ряд пальцевых вдавлений с бессистемными ногтевыми над ними (рис. 51, 4). Всего было орнаментировано около 80 сосудов.

На одном сосуде под венчиком был сделан налп в виде сегмента диска (рис. 58, 4). Скорее всего, он служил в качестве ручки, тем более, что на фрагментах стенок трех сосудов присутствовали наклепные плоские ручки, расположенные параллельно днищу (рис. 60, 8-10). Две банки имели под венчиком следы отломившихся петлевидных ушек (рис. 57, 1, 3), еще два таких ушка были найдены отдельно (рис. 59, 10, 11). У четырех сосудов были трубчатые носики (рис. 57, 2, 4; рис. 58, 3), у трех — сливы (рис. 58, 1, 5; рис. 60, 4). Еще один сосуд, орнаментированный под венчиком рядом прямоугольных глубоких вдавлений, имел в этом ряду круглое отверстие диаметром 1 см, обрамленное аркообразным наклепом из глиняного жгута, в верхней части которого параллельно стенке сосуда сделана круглая ямка глубиной 0,7 см (рис. 60, 5). Возможно, отверстие в стенке также служило сливом.

Придонные части двух сосудов были украшены длинными вертикальными зашипами (рис. 60, 11, 12).

Анализ исходного сырья и формовочных масс был проведен по фрагментам 97 (52%) сосудов.

Отмечено наличие четырех основных видов исходного сырья (табл. 17):

- 1) сильноожеженненные глины – 26,8%
- 2) среднеожеженненные глины – 70,1%
- 3) смесь влажной сильноожеженненной глины с сухой среднеожеженненной – 2,1%
- 4) илистая ожеженненная глина — 1%.

Выявлено 4 рецепта формовочных масс (табл. 17):

- 1) глина + песок + навоз – 54,6%
- 2) глина + дресва + навоз – 40,2%
- 3) глина + шамот + навоз – 4,2%
- 4) глина + песок + шамот + навоз – 1%.

Песок (табл. 19) применялся средней (13%) и крупной (87%, в том числе гравелитовая фракция) размерности, в концентрации 1:2 (3,7%), 1:3 (20,4%), 1:4 (51,9%) и 1:5 (24%). Дресва (табл. 18) также применялась в основном (77%) крупная, с гравелитовой фракцией, и средняя (23%), в концентрации 1:3 (5,1%), 1:4 (28,2%) и 1:5 (66,7%). Шамот, который добавлялся только в «среднеожеженненные» сосуды, встречен мелкий (1 экз.), средний (3 экз.) и крупный (1 экз.), в концентрации 1:4 (2 экз.) и 1:5 (3 экз.). По ожеженности исходное сырье шамота среднеожеженненное (2 экз.) и сильноожеженненное (3 экз.).

Выявлено несколько групп сосудов, изготовленных каждая своим мастером:

1 — среднежелезненная глина с крупной дресвой в концентрации 1:5 и спирально-жгутовое полое тело (рис. 45, 2, 4; рис. 50, 7);

2 — сильножелезненная глина с крупной дресвой из белого кварцита в концентрации 1:4 и полое тело из жгутов по кольцевой траектории (рис. 45, 1; рис. 52, 4; рис. 57, 3);

3 — сильножелезненная глина с крупной дресвой в концентрации 1:5 и полое тело из лент (рис. 50, 2; рис. 52, 6);

4 — среднежелезненная глина со средним сильножелезненным шамотом в концентрации 1:5 и лоскутно-комковатое полое тело (рис. 58, 7, 8);

5 — сильножелезненная глина с крупным песком в концентрации 1:5 и полое тело из лент (рис. 53, 9; рис. 58, 6);

6 — среднежелезненная глина с крупным песком в концентрации 1:4 спирально-жгутовое полое тело (рис. 54, 3; рис. 53, 10; рис. 54, 2; рис. 55, 2);

7 — среднежелезненная глина с естественной примесью слюды, с крупной дресвой в концентрации 1:5, большим количеством навоза и полое тело из жгутов по кольцевой траектории (рис. 55, 1; рис. 60, 1);

8 — среднежелезненная глина с крупным песком в концентрации 1:4 и лоскутно-комковатое полое тело (рис. 55, 3, 4);

9 — среднежелезненная запесоченная глина с естественной примесью обломочного бурого железняка и крупным песком в концентрации 1:4 (рис. 58, 1, 5);

10 — среднежелезненная глина с крупной дресвой в концентрации 1:5 и полое тело из лент (рис. 100, 5, 6);

11 — сильножелезненная глина с крупной розовой и белой дресвой в концентрации 1:5 и спирально-жгутовое полое тело (рис. 91, 10, 11; рис. 56, 3);

12 — среднежелезненная глина с крупным разноцветным песком в концентрации 1:4 и полое тело из жгутов по кольцевой траектории (рис. 56, 4; рис. 59, 4).

Приемы конструирования изучались по фрагментам 88 сосудов, в том числе фрагменты придонных частей 22 сосудов, по которым установлено существование четырех технологических схем (табл. 26):

1 — донно-емкостный начин и полое тело из жгутов по спиральной траектории (11 экз.);

2 — емкостный начин и полое тело из жгутов по спиральной траектории (5 экз.);

3 — емкостный начин и полое тело из жгутов по кольцевой траектории (1 экз.);

4 — емкостный начин и лоскутно-комковатое полое тело (5 экз.).

Днище сосудов с емкостными начинками изготавливалось из жгутов по спиральной траектории.

Полое тело изготавливалось четырьмя способами (табл. 25):

1 — из жгутов по кольцевой траектории (21,6%); 2 — из жгутов по спиральной траектории (52,3%); 3 — лоскутно-комковатым (14,7%); 4 — из лент по кольцевой траектории (11,4%).

Табл. 17. Поселение Сарыбуйрат. Соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс

исходное сырье	рецепты формовочной массы (искусственные минеральные примеси)				Всего	%
	дресва	песок	шамот	песок+шамот		
илистая ожелезн. глина	-	1	-	-	1	1
среднеожелез.	23	40	4	1	68	70,1
сильноожелез.	15	11	-	-	26	26,8
среднеож.+сильноож.	1	1	-	-	2	2,1
Всего	39	53	4	1	97	100
%	40,2	54,6	4,2	1		

Табл. 18. Поселение Сарыбуйрат. Соотношение размерности и концентрации дресвы

размерность	концентрация			Всего	%
	1:3	1:4	1:5		
средняя	1	5	3	9	23
крупная	1	6	23	30	77
Всего	2	11	26	39	100
%	5,1	28,2	66,7		

Табл. 19. Поселение Сарыбуйрат. Соотношение размерности и концентрации песка

размерность	концентрация				Всего	%
	1:2	1:3	1:4	1:5		
средняя	-	2	4	1	7	13
крупная	2	9	24	12	47	87
Всего	2	11	28	13	54	100
%	3,7	20,4	51,9	24		

Керамика всех центрально-казахстанских поселений эпохи раннего железа обладает поразительным сходством, что позволяет считать ее практически одновременной и дает возможность рассмотреть ее как единый комплекс с целью выделения общих признаков.

Общее количество сосудов, по которым был проведен анализ морфологии и декора, подсчитанное по фрагментам с венчиками, составляет не менее 355 экземпляров (без учета поселения Абылай). По форме тулова сосуды делятся на три категории (табл. 27): горшки (28,2%), банки (27%) и чашки (сосуды высотой 5–6 см с диаметром устья 5–7 см — 3,9%). Форма 40,6 % сосудов неопределима из-за незначительной площади фрагментов. Кроме того, на поселении Едирей-1 обнаружен уникальный сосуд, имевший шестиугольную форму тулова (рис. 31, 2).

Горшки и банки представлены примерно одинаково как в общем итоге (табл. 27), так и на поселениях Едирей-1 и Кызылсуир-2. На поселении Сарыбуйрат заметно преобладают горшки, на поселениях Едирей-3 и Керегетас-2 — банки. Чашки отмечены только на поселениях Керегетас-2 и Сарыбуйрат.

По форме шейки и перехода к тулову горшки можно разделить на три типа (табл. 28):

- 1) с короткой прямой шейкой, переходящей к тулову под тупым углом (7%);
- 2) с короткой прямой или слегка вогнутой шейкой, плавно переходящей к тулову (55%);
- 3) с намечающейся шейкой, плавно переходящей к слабо раздутому тулову (38%).

По форме горшки этого типа приближаются к банкам.

Банки делятся на два типа:

- 1) «открытые» (с прямыми стенками) — 15,3%;
- 2) «закрытые» (с наклоном верхней части стенки внутрь емкости) — 84,7%.

Некоторые сосуды, в основном банки, имели дополнительные детали функционального назначения — петлеобразные ушки, плоские горизонтальные ручки, трубчатые носики, сливы.

Венчики сосудов — округлые (59,5%), уплощенные (36,6%), желобчатые (2,8%) и заостренные (1,1%).

Округлые и уплощенные венчики имеют несколько разновидностей — отогнутые наружу или вовнутрь, с внутренним или внешним скосом, утолщенные и грибовидные, с внутренним и внешним карнизом. Среди разновидностей округлых венчиков преобладают отогнутые наружу (21,3%) и утолщенные (14,2%), среди уплощенных — венчики с карнизами (30,1%) и грибовидные (10,8%).

Сосуды украшались по большей части горизонтальным рядом глубоких ямок (39,7%), «жемчужин» (26,2%), или пальцевых вдавлений (16,6%). Отметим, что ямки преобладали над «жемчужинами» на поселениях Кызылсуир-2 и Сарыбуйрат (62,1% и 44,1% элементов орнамента, соответственно), а на поселениях Едирей-1, Едирей-3 и Керегетас-2, наоборот, «жемчужины» над ямками (31%, 46,2% и 53,8%). Такое соотношение может отражать своеобразие отдельных поселений, так же, как и те элементы орнамента, которые встречаются единично на каждом памятнике: горизонтальные однорядовые и многорядовые зигзаги, вертикальные и горизонтальные отпечатки гладкого и гребенчатого штампа, треугольные, прямоугольные и овальные вдавления, валики, «пиктограмма» (рис. 39, 3) и «солнце» (рис. 31, 2).

На некоторых сосудах ямки или пальцевые вдавления чередовались с ногтевыми вдавлениями (рис. 45, 2; рис. 51, 2, 3, 4) или прочерченными линиями (рис. 37, 3), на одном — «жемчужины» были заключены в углы зигзага (рис. 42, 5), на одном — группа ямок пересекалась лентой из прочерченных линий (рис. 39, 4). Своеобразны два сосуда, являющиеся импортными для наших поселений. Это сосуд из поселения Кызылсуир-2, тулово которого было сплошь покрыто наклонными рядами треугольных вдавлений, а обрез венчика был украшен наклонными прочерченными отрезками (рис. 42, 4), и сосуд из поселения Сарыбуйрат с наклепным волнистым валиком под венчиком, край которого покрывали ногтевые вдавления (рис. 45, 5).

Для проведения технико-технологического анализа керамики оказались пригодными фрагменты от 244 сосудов.

Обнаружено, что набор традиций отбора исходного сырья, составления формовочных масс и конструирования посуды был практически одинаков на всех памятниках.

Везде (табл. 20) значительно преобладает использование в качестве исходного сырья среднежелезистых глин, за которыми следует применение сильножелезистых глин. На поселениях Сарыбуйрат (рис. 46, 6) и Едирей-3 (рис. 32, 7) встречено по одному образцу из т.н. илистых глин — явно «импортные» для них экземпляры. На поселениях Абылай, Керегетас-2 и Едирей-1 встречены еще и слабожелезистые глины, которые на других памятниках зафиксированы лишь при изучении шамота. Здесь это говорит об отмирании традиции использования слабожелезистых глин, т.е. сосуды, изготовленные из них, относятся к несколько более раннему времени, чем остальные.

На уровне составления формовочных масс (табл. 21) керамика делится на три основные группы: 1 — с дресвой; 2 — с песком; 3 — с шамотом.

Традиция использования песка была основной на поселениях Сарыбуйрат, Кызылсуир-2 и Керегетас-2, традиция использования дресвы — на поселениях Абылай, Едирей-1 и Едирей-3. На большинстве поселений предпочиталась крупная размерность и даже гравелитовая фракция и песка (табл. 22), и дресвы (табл. 23). Образцы с шамотом единичны и, скорее всего, являются привозными (рис. 30, 1; рис. 32, 3, 7; рис. 35, 4; рис. 42, 4; рис. 58, 7, 8; рис. 59, 2). Однако не исключено изготовление некоторых из них на месте, так как на поселениях Абылай, Едирей-1 и Сарыбуйрат имеются сосуды, формовочные массы которых отражают смешение культурных традиций — «шамот+песок» (рис. 31, 2; рис. 54, 5), «шамот+дресва» (рис. 2, 1; рис. 31, 1). На поселении Едирей-1, кроме того, имеется два сосуда, изготовленных по смешанному рецепту «песок+раковина речных моллюсков» (рис. 31, 4, 8).

Выявлено две программы конструирования начинов — емкостная и донно-емкостная (табл. 24), с преобладанием первой (54,1%).

По способам изготовления емкостные начини делятся на 1) лоскутно-комковатые, 2) спирально-жгутовые, 3) изготовленные из лент по кольцевой траектории с боковым наложением. Донно-емкостные начини изготовлены только спирально-жгутовым способом.

Выделяется пять технологических схем, по которым изготавливалась керамика (табл. 26):

- 1) донно-емкостный начин и спирально-жгутовое полое тело,
- 2) емкостный начин и спирально-жгутовое полое тело,
- 3) емкостный начин и полое тело из жгутов, накладывавшихся с боковым наложением по кольцевой траектории,
- 4) емкостный начин и лоскутно-комковатое полое тело,
- 5) емкостный начин и полое тело из лент, накладывавшихся с боковым наложением по кольцевой траектории.

С учетом фрагментов стенок на поселении Едирей-3 отсутствуют только признаки только четвертой схемы, а на поселении Керегетас-2 — только пятой.

Каждая технологическая схема изготовления керамики соотносится с конкретной группой населения, имевшей свои гончарные традиции, и, скорее всего, не связанной своим происхождением с другими группами.

Материалы наших памятников говорят о том, что эти группы сосуществовали на каждом поселении. Причем это сосуществование выразилось еще в форме конгломерата, поскольку почти не наблюдается признаков смешанных традиций даже на этапах отбора исходного сырья и составления формовочных масс. Лишь на поселении Сарыбуйрат встречено два сосуда со смешанным исходным сырьем (сильноожелезненная глина + среднеожелезненная глина) и, как было сказано выше, один сосуд со смешанной формовочной массой («песок+шамот» — рис. 54, 5), на поселении Абылай — один сосуд со смешанной формовочной массой («дресва+шамот» — рис. 2, 1), а на поселении Едирей-1 — по одному сосуду со смешанными формовочными массами «песок+шамот» (рис. 31, 2) и «дресва+шамот» (рис. 31, 1). На этих памятниках только начался процесс смешения культурных традиций в гончарстве.

Взаимодействие указанных групп населения пока сказалось только на морфологических особенностях глиняной посуды. Керамические комплексы наших поселений внешне имеют единый облик, отличающийся следующими общими чертами:

- по форме тулова сосуда делятся на две основные категории — банки и горшки, причем количество банок может быть приблизительно равным количеству горшков или же преобладать над ним;
- наличие емкостей с определенным функциональным назначением, находящим отражение в деталях конструкции — это сосуды с ушками, ручками, носиками и сливами, а также небольшие чашки;
- орнамент состоит главным образом из расположенного под венчиком ряда «жемчужин», глубоких ямок или различных вдавлений;
- разнообразное оформление венчиков, как бы компенсирующее бедность орнамента: встречаются грибовидные, с карнизом, утолщенные, желобчатые и др.

Рассмотренные нами памятники представляются однокультурными с группой поселений раннесакского времени, выделенной М.К. Хабдулиной [Хабдулина, 2003, с. 189–214]. В эту группу следует включить и содержащие сходный материал скифосакского времени, открытые на Алтае.

Поселения Центрального Казахстана [Бейсенов, 2015; 2017а; 2017б; Бейсенов и др., 2015] по металлическим предметам (бронзовые наконечник стрелы, подпружная пряжка), а также радиоуглеродным анализам датированы довольно широко - периодом VII-V вв. до н.э. По мнению А.З.Бейсенова, основная масса поселений, возможно, относятся к раннесакскому периоду.

Время существования поселений можно попытаться приблизительно определить и по прямым аналогиям с керамикой датированных памятников.

На поселениях Мереть [Членова, 1994, рис. 41, 10] и Маякова Гора [там же, рис. 49, 15] в Западной Сибири были найдены банки с прочерченным зигзагом и «жемчужинами», точно такие же как на поселении Кызылсуир-2. Указанные западносибирские поселения относятся Н.Л. Членовой к типу, переходному от ирменской культуры

к культурам раннего железного века [там же, с. 73] и датируются ею VIII–VII вв. до н.э. и VII–VI вв. до н.э. Подобный орнамент встречается на керамике раннего железного века Горного Алтая, например, поселений Партизанская Катущка и Аскат-2 [Шульга, 1998, рис. 4, 2, 8; рис. 5, 1, 3], относимых к VI–II вв. до н.э. [там же, с. 149] и к V–IV вв. до н.э. [Шульга, 2015, с. 108]. Керамика скифского времени поселения Партизанская Катущка имеет много общего с керамикой поселений раннего железного века Казахстана — те же формы венчиков и тот же ямочно-жемчужный орнамент [там же, рис. 6, 7]. Исходя из этого, дата поселения Кызылсуир-2 может быть установлена в пределах VII–VI вв. до н.э.

Сосуды с арочными налепами над отверстием в стенке, аналогичные сосуду из поселения Сарыбуйрат (рис. 60, 5), также были обнаружены в комплексах скифского времени Горного Алтая [Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 3, 6, 10; рис. 76, 1; рис. 46, 2; рис. 53, 5, 6; рис. 59, 3; рис. 60, 5; рис. 106, 6], которые датируются концом VI – началом V вв. до н.э. или V–IV вв. до н.э. [там же, с. 36, 106–118]. Вероятно, и время существования поселения Сарыбуйрат было близко к VI–V в. до н.э.

Наиболее ранним представляется поселение Едирей-1, отдельные сосуды которого имеют сходство с донгальской керамикой (рис. 30, 6, 7), вплоть до повторения наиболее типичной композиции (рис. 30, 6). По мнению В.Г.Ломана, дата донгальского типа керамики – VIII в. до н.э. [Ломан, 2003]. В таком случае, поселение Едирей-1 можно датировать VII в. до н.э.

По материалам раннесакских поселений Казахстана определяется явная связь их керамики с донгальской. Именно в донгальских керамических комплексах появляются те внешние особенности, которые наблюдаются впоследствии на сосудах сакского времени:

1) грибовидные венчики (рис. 56, 13; рис. 66, 1, 2; рис. 73, 2) и венчики с карнизами (рис. 5, 3; рис. 39, 1; рис. 41, 6; рис. 43, 7; рис. 55, 6; рис. 56, 4, 12; рис. 58, 7; рис. 60, 2, 4; рис. 61, 6; рис. 72, 13; рис. 73, 3; рис. 74, 2-4, 9). На поселениях Едирей-2 и Каратал-2 в донгальском комплексе отмечены еще и желобчатые венчики (рис. 60, 4; рис. 72, 5);

2) зашипнутые «жемчужины» (рис. 55, 9);

3) слабо профилированные горшки с намечающейся шейкой, подобные 2-му типу горшков сакского времени;

4) горшки с короткой прямой шейкой, переходящей к раздутому тулову под тупым углом — 3-й тип горшков сакского времени.

Кроме того, часть донгальских гончаров, что отмечено по материалам поселений Едирей-2 и Каратал-2, делала керамику с донно-емкостными начинками и спирально-жгутовым полым телом. Керамика этой же технологической группы зафиксирована на каждом поселении сакской эпохи.

Таким образом, несомненно, что в формировании состава населения Казахстана сакского времени принимали участие «донгальцы» — потомки носителей саргаринско-алексеевской культуры финальной бронзы. Аналогичные процессы, очевидно, проходили и в степях юга Западной Сибири [Папин, 2006, с. 443].

Табл. 20. Виды исходного сырья. Поселения Центрального Казахстана

исходное сырье	поселение														Всего	%
	Абылай		Едирей-1		Едирей-3		Керегетас-2		Кызылсуур-2		Сарыбуураг		Всего	%		
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%				
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-				
илистые глины	1	2,5	4	12,1	-	-	4	20	-	-	-	-	1	1	2	0,8
слабожелезн.	28	70	22	66,7	11	64,7	13	65	24	65	68	70,1	166	68	65	26,7
среднежелезн.	11	27,5	7	21,2	5	29,4	3	15	13	35	26	26,8	65	26,7	2	0,8
сильножелезн. + сильноожежелезн.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2,1	2	0,8
Всего	40	100	33	100	17	100	20	100	37	100	97	100	244	100	244	100

Табл. 21. Качественный состав формовочных масс. Поселения Центрального Казахстана.

рецепт	поселение														Всего	%
	Абылай		Едирей-1		Едирей-3		Керегетас-2		Кызылсуур-2		Сарыбуураг		Всего	%		
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%				
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-				
глина+песок+навоз	18	45	6	18,2	5	29,4	12	60	22	59,5	53	54,6	116	47,5	116	47,5
глина+дресва+навоз	21	52,5	21	63,7	10	58,8	7	35	14	37,8	39	40,2	112	46	112	46
глина+шамот+навоз	-	-	2	6,1	2	11,8	1	5	1	2,7	4	4,2	10	4,1	10	4,1
глина+песок+шамот+навоз	-	-	1	3	-	-	-	-	-	-	1	1	2	0,8	2	0,8
глина+дресва+шамот+навоз	1	2,5	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	2	0,8	2	0,8
глина+песок+раковина+навоз	-	-	2	6	-	-	-	-	-	-	-	-	2	0,8	2	0,8
Всего	40	100	33	100	17	100	20	100	37	100	97	100	244	100	244	100

Табл. 22. Сводные данные о размерности песка. Поселения Центрального Казахстана

размерность	поселение										Всего	%		
	Абылай		Едирей-1		Едирей-3		Керегетас-2		Кызылсуир-2				Сарыбуйрат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%			к-во	%
средняя	10	55,6	7	3	-	6	27,3	7	13	33	27,5			
крупная	8	44,4	2	2	12	16	72,7	47	87	72,5				
Всего	18	100	9	5	12	22	100	54	100	120	100			

Табл. 23. Сводные данные о размерности дресвы. Поселения Центрального Казахстана

размерность	поселение										Всего	%		
	Абылай		Едирей-1		Едирей-3		Керегетас-2		Кызылсуир-2				Сарыбуйрат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%			к-во	%
мелкая	1	4,5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,9	
средняя	12	54,5	9	41	-	-	-	5	35,7	9	23	35	30,7	
крупная	9	41	13	59	10	7	9	64,3	30	77	78	68,4		
Всего	22	100	22	100	10	7	14	100	39	100	114	100		

Табл. 24. Программы конструирования начин. Поселения Центрального Казахстана

программа	поселение										Всего	%		
	Абылай		Едирей-1		Едирей-3		Керегетас-2		Кызылсуир-2				Сарыбуйрат	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%			к-во	%
емкостная	5	4	4	3	8	2	11	33	54,1					
донно-емкостная	7	2	2	1	1	6	11	28	45,9					
Всего	12	6	4	4	9	8	22	61	100					

Табл. 25. Способы конструирования полого тела. Поселения Центрального Казахстана

способ конструирования	поселение												Всего	%
	Абылай		Едирей-1		Едирей-3		Керегетас-2		Кызылсуир-2		Сарыбуйраг			
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%		
лоскутно-комковатый	7	58,3	3	10,7	2	8,3	-	-	3	13,6	13	14,7	28	13,6
ленты по кольцевой траектории, с боковым наложением	1	8,3	1	3,6	-	-	1	3	5	22,7	10	11,4	18	8,7
жгуты по кольцевой траектории, с боковым наложением	-	-	5	17,8	7	29,2	8	24,3	4	18,2	19	21,6	43	20,7
жгуты по спиральной траектории	4	33,4	19	67,9	15	62,5	24	72,7	10	45,5	46	52,3	118	57
Всего	12	100	28	100	24	100	33	100	22	100	88	100	207	100

Табл. 26. Технологические схемы изготовления керамики. Поселения Центрального Казахстана

№ схемы	поселение												Всего	%
	Абылай		Едирей-1		Едирей-3		Керегетас-2		Кызылсуир-2		Сарыбуйраг			
	к-во		к-во		к-во		к-во		к-во		к-во			
1	7		2		1		1		6		11		28	45,9
2	-		2		2		5		-		5		14	23
3	-		1		1		3		-		1		6	9,8
4	5		1		-		-		-		5		11	18
5	-		-		-		-		2		-		2	3,3
Всего	12		6		4		9		8		22		61	100

- 1 — донно-емкостный начин + спирально-жгутовое полое тело; 2 — емкостный начин + спирально-жгутовое полое тело;
 3 — емкостный начин + полое тело из жгутов по кольцевой траектории; 4 — емкостный начин + лоскутно-комковатое полое тело;
 5 — емкостный начин + полое тело из лент по кольцевой траектории

Табл. 27. Формы сосудов Поселения Центрального Казахстана

форма	поселение												Всего	%
	Едирей-1		Едирей-3		Керегетас-2		Кызылсууир-2		Сарыбуйрат		Всего	%		
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%				
сосуда	12	19,7	5	21,7	4	11,5	15	29,4	64	34,6	100	28,2		
горшки	13	21,3	12	52,2	16	45,7	13	25,5	42	22,7	96	27		
чашки	-	-	-	-	2	5,7	-	-	12	6,5	14	3,9		
«шестиугольный»	1	1,6	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,3		
?	35	57,4	6	26,1	13	37,1	23	45,1	67	36,2	144	40,6		
Всего	61	100	23	100	35	100	51	100	185	100	355	100		

Табл. 28. Типы горшков. Поселения Центрального Казахстана

ТИП	поселение												Всего	%
	Едирей-1		Едирей-3		Керегетас-2		Кызылсууир-2		Сарыбуйрат		Всего	%		
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%				
1	1	8,3	-	-	1	2	13,3	3	4,7	7	7	7		
2	8	66,7	-	-	-	6	40	41	64	55	55	55		
3	3	25	5	3	7	46,7	20	31,3	38	38	38	38		
Всего	12	100	5	4	15	100	64	100	100	100	100	100		

1 — короткая прямая шейка, переходящая к тулову под тупым углом; 2 — короткая прямая или слегка вогнутая шейка, плавно переходящая к тулову; 3 — намечающаяся шейка, плавно переходящая к слабо раздуту тулову

Керамика поселений Горного Алтая

Куротинский Лог-1

Технико-технологический анализ керамики поселения был проведен по фрагментам венчиков от 25 сосудов и днищ от 5 сосудов.

В качестве исходного сырья на поселении использовались среднежелезистые глины. Различия в составе естественных примесей позволили выделить 3 вида исходного сырья (табл. 29):

- 1) пластичная глина с примесью мелкого песка — 68%
- 2) среднепластичная глина с крупными минеральными примесями — 28%
- 3) пластичная глина с примесью бурого железняка — 4% (1 экз.).

Выявлено 3 рецепта формовочных масс (табл. 29):

- 1) глина без искусственных минеральных добавок + органика — 20%
- 2) глина + дресва + органика — 76%
- 3) глина + дресва + навоз — 4%

Дресва (табл. 30) добавлялась крупной (15%), средней (55%) и мелкой (30%) размерности, в основном (50%) в концентрации 1:5; в меньшей степени — 1:2 (15%), 1:3 (10%) и 1:4 (25%).

Технология конструирования изучена по фрагментам от 25 сосудов, из которых 19 экз. — фрагменты с венчиками, 5 экз. — фрагменты днищ с примыкающими к ним придонными частями тулова.

Полое тело (табл. 38) всех изученных образцов было изготовлено лоскутно-комковатым способом в один слой, за исключением одного сосуда с двухслойным полым телом (рис. 62, 23), который к тому же отличался от основной массы керамики памятника исходным сырьем (пластичная глина с бурым железняком) и особенностями минерала, из которого была приготовлена дресва, добавленная в формовочную массу. Данный сосуд, вероятно, можно считать привозным, равно как и сосуд с большой добавкой навоза (рис. 61, 12).

Конструирование начинов (табл. 39) проходило по двум программам — емкостной (4 экз.) и донно-емкостной (1 экз.). В качестве строительных элементов в обоих случаях использовались глиняные лоскуты (лоскутно-комковатый способ). Дно сосуда с донно-емкостным начином было первоначально округлым и затем было уплощено прижатием к плоской поверхности. Все изученные начинны были изготовлены из среднепластичной глины с крупными минеральными примесями.

При изготовлении налепных валиков, имеющих на ряде экземпляров, и при конструировании некоторых венчиков (рис. 61, 8, 14) были использованы глиняные жгутики.

В качестве способов обработки поверхности определены заглаживание деревянным ножом (2 экз.) и лощение (4 экз.).

Идентичность признаков по всем изученным ступеням технологии изготовления позволила установить, что некоторые сосуды могли быть изготовлены одним мастером:

1. пластичная глина с небольшой примесью мелкого песка + мелкая дресва в концентрации 1: 2 + органика и однослойное лоскутно-комковатое полое тело (рис. 61, 3-5);

2. пластичная глина с небольшой примесью мелкого песка + средняя дресва в концентрации 1: 3 + органика и однослойное лоскутно-комковатое полое тело (рис. 61, 10-11);

2. пластичная глина с небольшой примесью мелкого песка + средняя дресва в концентрации 1: 4 + органика и однослойное лоскутно-комковатое полое тело (рис. 62, 19, 20).

Табл. 29. Поселение Куротинский Лог-1. Соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс

исходное сырье (среднежелезненные глины)	рецептура формовочной массы			Всего	%
	дресва + органика	дресва + навоз	без минеральных добавок+органика		
пластичная с бурым железняком	1	-	-	1	4
пластичная с мелким песком	16	1	-	17	68
среднепластичная с крупными минеральными примесями	2	-	5	7	28
Всего	19	1	5	25	100
%	76	4	20		

Табл. 30. Поселение Куротинский Лог-1. Соотношение размерности и концентрации дресвы

размерность	концентрация				Всего	%
	1:2	1:3	1:4	1:5		
мелкая	3	2	-	1	6	30
средняя	-	-	5	6	11	55
крупная	-	-	-	3	3	15
Всего	3	2	5	10	20	100
%	15	10	25	50		

Партизанская Катушка

Для проведения технико-технологического анализа было отобрано 34 экземпляра, в том числе фрагменты с венчиками от 27 сосудов и фрагменты придонных частей от 7 сосудов.

По результатам анализа фрагментов с венчиками выявлено 2 вида исходного сырья (табл. 31):

- 1) среднепластичная глина с крупными минеральными примесями — 59,3%
- 2) пластичная глина с мелким песком — 40,7%.

Отмечено 4 рецепта формовочных масс (табл. 31):

- 1) глина без искусственных минеральных добавок + органика — 18,5%
- 2) глина без искусственных минеральных добавок + навоз — 7,4%
- 3) глина + дресва + органика — 59,3%
- 4) глина + дресва + навоз — 14,8%.

При выявлении связи дресвы с ее концентрацией (табл. 32) обнаружилось, что первой по частоте применения использовалась дресва средней размерности (50%), в концентрациях 1:4 и 1:5, за ней следует крупная (35%), в концентрации 1:5 и мелкая (15%), также в концентрации 1:5. С учетом всех типов размерности предпочиталась концентрация 1:5 (85%). В большинстве случаев дресва приготавливалась из кварца с примесью слюды, выпавшие частицы которой придали искристый блеск поверхностям сосудов. В двух образцах отмечена дресва из других материалов — кварцевого песчаника (рис. 64: 16) и черного кварца (одна из придонных частей).

Зафиксированные по 17 фрагментам верхних частей сосудов способы конструирования полого тела (табл. 38) относятся к двум вариантам лоскутно-комковатого вида: а) из одного слоя лоскутов (41,2%), б) из двух слоев лоскутов (58,8%).

Конструирование начинов (табл. 39) определено по 7 фрагментам придонных частей. Оно проходило по двум программам — емкостной (3 экз.) и донно-емкостной (4 экз.). Все начинны изготовлены лоскутно-комковатым способом в один слой. Дно одного из сосудов с донно-емкостным начином было первоначально округлым и затем было уплощено прижатием к плоской поверхности. Отметим, что емкостные начинны изготовлены из исходного сырья № 1, а донно-емкостные — из сырья № 2.

По двум сосудам удалось отметить конструирование венчиков из наlepных жгутиков (рис. 63, 4; рис. 64, 23).

Техника обработки поверхности определена по 10 экземплярам венчиков. Сосуды заглаживались тканью (1 экз.), обрабатывались узкой, шириной 3 мм, щепкой (8 экз.), подвергались лощению (1 экз.).

Табл. 31. Поселение Партизанская Катушка. Соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс

исходное сырье (среднежелезистые глины)	рецептура формовочной массы				Всего	%
	дресва+ органика	дресва +навоз	без минеральных добавок+органика	без минеральных добавок+навоз		
пластичная с мелким песком	9	2	-	-	11	40,7
среднепластичная, с крупными минеральными примесями	7	2	5	2	16	59,3
Всего	16	4	5	2	27	100
%	59,3	14,8	18,5	7,4		

Табл. 32. Поселение Партизанская Катюшка. Соотношение размерности и концентрации дресвы

размерность	концентрация		Всего	%
	1:4	1:5		
мелкая	-	3	3	15
средняя	3	7	10	50
крупная	-	7	7	35
Всего	3	17	20	100
%	15	85		

Чепош-2

Для проведения технико-технологического анализа было отобрано 24 экземпляра, в том числе фрагменты венчиков от 15 сосудов, фрагменты придонных частей от 8 сосудов и развал одного сосуда.

По результатам анализа выявлен один вид исходного сырья (табл. 33): среднепластичная глина с крупными минеральными примесями.

Формовочные массы составлялись по следующим рецептам (табл. 33):

- 1) глина без искусственных минеральных добавок + органика — 6,7%
- 2) глина без искусственных минеральных добавок + навоз — 13,3%
- 3) глина + дресва + органика — 80%.

Дресва применялась крупной и средней размерности в концентрации 1:5 (табл. 34). Во всех случаях она была изготовлена из минерала одной породы — кварца с примесью слюды.

По результатам анализа фрагментов придонных частей выявлено присутствие дресвы средней размерности в концентрации 1:4.

Способы конструирования полового тела, зафиксированные по керамике поселения (табл. 38), относятся к лоскутно-комковатому виду, вариантам: а) из одного слоя лоскутов (40%), б) из двух слоев лоскутов (60%).

В изготовлении начинов (табл. 39) выявлено две программы: емкостная (6 экз.) и донно-емкостная (3 экз.). Все они изготовлены однослойным лоскутно-комковатым способом, из исходного сырья № 1.

Выделено несколько групп сосудов, каждая из которых могла быть изготовлена своим мастером:

1. среднепластичная глина с крупными минеральными примесями + навоз и лоскутно-комковатое полое тело (рис. 65, 4, 6);
2. среднепластичная глина с крупными минеральными примесями + крупная дресва в концентрации 1:5 + органика и лоскутно-комковатое полое тело из двух слоев лоскутов (рис. 66, 14, 15).

Поверхности сосудов, в тех случаях, когда это удалось определить, заглаживались узкой, шириной 5 мм, щепкой.

Имеющийся в коллекции сосуд (рис. 65, 3) изготовлен по следующей технологической схеме: среднепластичная глина с крупными минеральными примесями + средняя дресва в концентрации 1:4 + органика и донно-емкостный лоскутно-комковатый начин с лоскутно-комковатым полым телом в один слой лоскутов.

Табл. 33. Поселение Чепош-2. Соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс

исходное сырье (среднежелезненная глина)	рецептура формовочной массы			Всего	%
	дресва+ органика	без минеральных добавок+органика	без минеральных добавок+навоз		
среднепластичная, с крупными минеральными примесями	12	1	2	15	100
Всего	12	1	2		
%	80	6,7	13,3		

Табл. 34. Поселение Чепош-2. Соотношение размерности и концентрации дресвы

размерность	концентрация	Всего	%
	1:5		
средняя	6	6	50
крупная	6	6	50
Всего	12	22	100
%			

В керамических комплексах поселений Горного Алтая преобладают мелкие фрагменты, непригодные для технико-технологического изучения.

Всего на микроскопический анализ было отобрано 88 образцов керамики, в том числе 67 венчиков, 20 придонных частей и 1 развал сосуда. По результатам анализа исходного сырья выявлено применение глин только средней железненности. При этом на всех трех поселениях отмечено использование среднепластичных глин, содержащих крупные минеральные примеси, размер которых доходит до 1 см в длину. Такое специфичное сырье характерно для горных районов и использовалось на данной территории, начиная с неолита [Степанова, 2010, с. 120, 124].

На поселениях Партизанская Катужка и Куротинский Лог-1 отмечено также применение пластичной глины с небольшой примесью мелкого песка (по 40,7% и 68%, соответственно).

При суммировании данных об исходном сырье по всем памятникам (табл. 35) становится очевидным, что традиция применения среднепластичных глин с крупными минеральными примесями (назовем ее «традиция № 1») была основной для населения Горного Алтая скифо-сакской эпохи. К ней присоединяется традиция применения пластичных глин с мелким песком (традиция № 2). При этом она связана только с добавкой дресвы в формовочную массу, тогда как глины с крупными минеральными примесями входили в состав формовочных масс и с дресвой, и с одной лишь органикой. Здесь мы наблюдаем отражение смешения двух групп населения, из которых одна, с традицией отбора исходного сырья № 1, перенимает навыки составления формовочных масс у другой, с традицией № 2. Эти навыки становятся доминирующими на всех поселениях (табл. 36). В качестве органики во всех рецептах использовался или навоз, или, намного чаще, выжимка из него.

Данные, полученные о конструировании сосудов, показывают, что все донно-емкостные начини были изготовлены из формовочной массы с дресвой, а емкостные — и с дресвой, и с одной лишь органикой. На поселении Партизанская Катюшка донно-емкостные начини соотносятся только с традицией отбора исходного сырья № 2, а на остальных поселениях — с традицией № 1.

Как было сказано выше, традиция № 1 веками являлась основной для гончарства Горного Алтая, что естественно, поскольку она сложилась на основе разработки местных источников глины. Следовательно, появление керамики с признаками традиции № 2 связано с приходом новых групп населения, для которого традиционными являлись донно-емкостные начини и формовочные массы с дресвой.

Со временем это население было вынуждено начать применять местные глины, что мы видим по материалам поселения Куротинский Лог-1. Поселение Партизанская Катюшка, видимо, стояло на более ранней хронологической позиции, поскольку здесь сосуды с донно-емкостными начинями были только из исходного сырья № 2.

Можно видеть, что местное и неместное население находилось в процессе культурного смешения и взаимовлияния: пришлые группы стали использовать местные глины, а аборигены начали добавлять в формовочные массы дресву. Емкостные начини были изготовлены только из сырья № 1 и, по всей видимости, являлись традиционными для местных гончаров. Их количество значительно преобладает (табл. 39).

Обобщая, можно выделить исходные технологические схемы изготовления керамики:

местная — среднежелезненные среднепластичные глины с крупными минеральными примесями + органика/навоз и емкостный начин с лоскутно-комковатым полым телом;

пришлая — среднежелезненная пластичная глина с примесью мелкого песка + дресва + органика/навоз и донно-емкостный начин с лоскутно-комковатым полым телом. В основном применялась средняя дресва (табл. 37), в концентрации 1:5.

В состав коллекций поселений Куротинский Лог-1 и Партизанская Катюшка входят фрагменты венчиков с налепными валиками. Обнаружилось, что практически все они были изготовлены из пластичных глин с примесью мелкого песка, а в состав фор-

мовочных масс входила добавка дресвы. Вне сомнения, «валиковая» керамика маркирует здесь пришлую группу населения.

Ближайшей территорией, для гончаров которой в этот период была свойственна традиция добавки дресвы, причем в той же размерности и концентрации, являются северные предгорья Алтая [Степанова, Фролов, 2015, с. 170-171]. Скорее всего, отсюда и прибыли мигранты. Взаимные контакты прослеживаются и по материалам предгорных поселений, где встречаются сосуды, технология изготовления которых указывает на их «горное» происхождение [Степанова, 2015, с. 92].

В целом население раннего железного века Горного Алтая представляется более изолированным, чем в предгорных районах, где в процессы культурного взаимодействия было вовлечено еще и население степной и лесостепной зоны Алтая. Данные процессы фиксируются по рецептам формовочных масс, в которых присутствуют одновременно дресва, характерная для предгорий, и шамот, применявшийся равнинным населением [Степанова, Фролов, 2015].

Табл. 35. Виды исходного сырья. Поселения раннего железного века Горного Алтая

исходное сырье (среднежелезные глины)	поселение						Всего	%
	Куротинский Лог-1		Партизанская Катушка		Чепош-2			
	к-во	%	к-во	%	к-во	%		
пластичная с бурым железняком	1	4	-	-	-	-	1	1,5
пластичная с мелким песком	17	68	11	40,7	-	-	28	41,8
среднепластичная с крупными минеральными примесями	7	28	16	59,3	15	100	38	56,7
Всего	25	100	27	100	15	100	67	100

Табл. 36. Качественный состав формовочных масс. Поселения раннего железного века Горного Алтая

рецепт	поселение						Всего	%
	Куротинский Лог-1		Партизанская Катушка		Чепош-2			
	к-во	%	к-во	%	к-во	%		
без минеральных добавок+органика	5	20	5	18,5	1	6,7	11	16,4
без минеральных добавок+навоз	-	-	2	7,4	2	13,3	4	6
дресва+органика	19	76	16	59,3	12	80	47	70,1
дресва+навоз	1	4	4	14,8	-	-	5	7,5
Всего	25	100	27	100	15	100	67	100

Табл. 37. Сводные данные о размерности дресвы. Поселения раннего железного века Горного Алтая

размерность	поселение						Всего	%
	Куротинский Лог-1		Партизанская Катушка		Чепош-2			
	к-во	%	к-во	%	к-во	%		
мелкая	6	30	3	15	-	-	9	17,3
средняя	11	55	10	50	6	50	27	51,9
крупная	3	15	7	35	6	50	16	30,8
Всего	20	100	20	100	12	100	52	100

Табл. 38. Способы конструирования полого тела. Поселения раннего железного века Горного Алтая

способ конструирования	поселение						Всего	%
	Куротинский Лог-1		Партизанская Катушка		Чепош-2			
	к-во	%	к-во	%	к-во	%		
лоскутно-комковатый в один слой	18	94,7	7	41,2	4	40	29	63
лоскутно-комковатый в два слоя	1	5,3	10	58,8	6	60	17	37
Всего	19	100	17	100	10	100	46	100

Табл. 39. Программы конструирования начинов. Поселения раннего железного века Горного Алтая

программа	поселение			Всего	%
	Куротинский Лог-1	Партизанская Катушка	Чепош-2		
	к-во	к-во	к-во		
емкостная	4	3	6	13	61,9
донно-емкостная	1	4	3	8	38,1
Всего	5	7	9	21	100

ЛИТЕРАТУРА

- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 11-38.
- Бейсенов А.З. Жилище сакской эпохи. Вестник Томского Государственного Университета. История. 2017а. №45. С. 72-82.
- Бейсенов А.З. Круглое жилище сакской эпохи. Самарский научный вестник. 2017б. Том 6. №1 (18). С. 94-10.
- Бейсенов А. З. , Исмагулова А. О. , Китов Е. П. , Китова А. О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н. э. Алматы : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. 170 с.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. Москва: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5-109.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004. 292 с.
- Ломан В.Г. К датировке донгальского типа керамики // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Книга 1. Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. С. 290-293.
- Папин Д.В. Степная полоса юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы // Современные проблемы археологии России. Т. 1. Новосибирск, 2006. С. 442-444.
- Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: Изд-во ИА РАН, 2010. С. 117-125.
- Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. – 2015. – № 4 (13). – С. 90-95.
- Степанова Н.Ф., Фролов Я.В. Керамические традиции в эпоху раннего железного века Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая (по материалам поселений) // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 4/2 (88). – С. 166-171.
- Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1: Древние эпохи. Астана: Күлтегін, 2003. С. 189-214.
- Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.
- Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катуни // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 146-164.
- Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 336 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

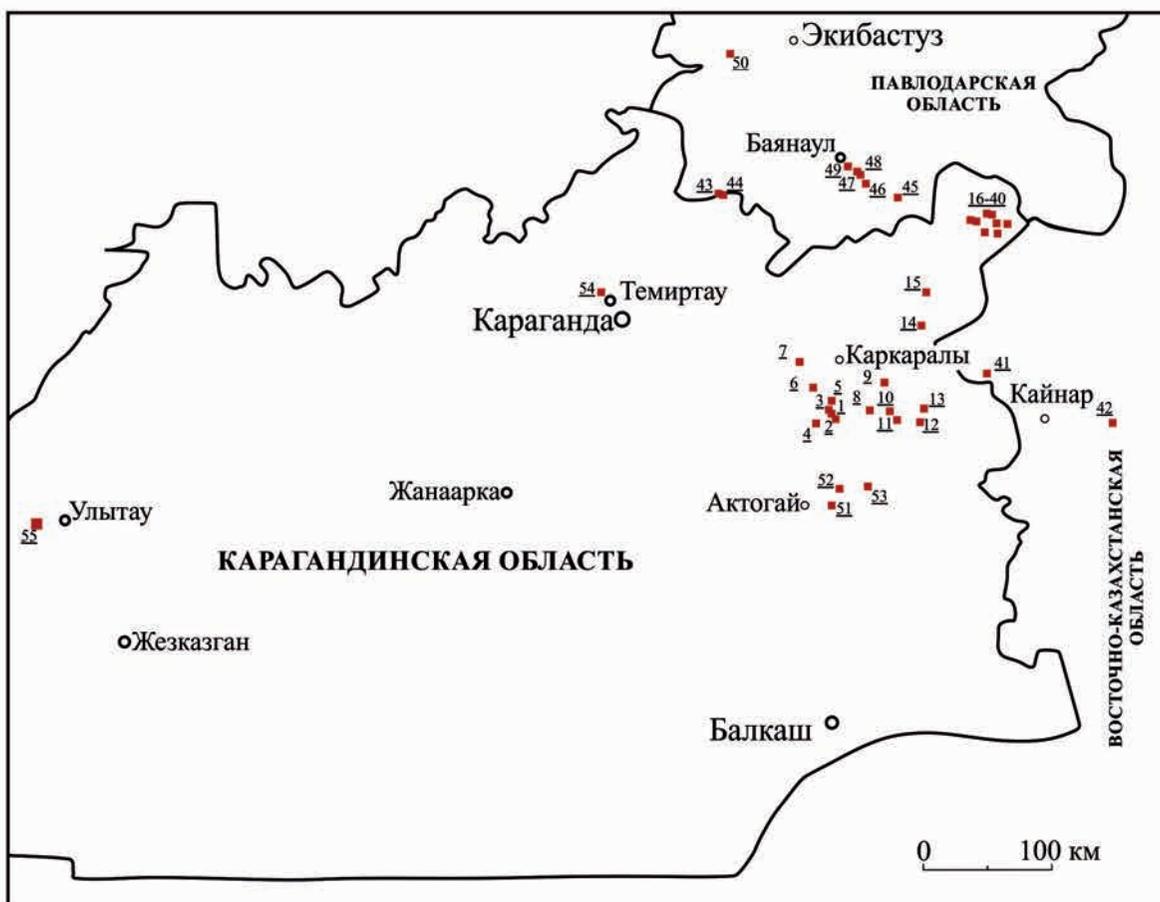

Рис. 1. Карта поселений сакского времени Центрального Казахстана. 1 – Сарыбуйрат; 2 – Кызылсууйир-2; 3 – Туйетас; 4 – Доненбай; 5 – Жартас; 6 – Абылай; 7 – Жамантас; 8 – Тайсойган; 9 – Кыштан; 10 – Бескыйк; 11 – Даукара; 12 – Аралбай; 13 – Талдыбай; 14 – Егиндыбулак; 15 – Абиш; 16 – Таймас-1; 17 – Таймас-2; 18 – Ибрай; 19 – Есенбай-1; 20 – Есенбай-2; 21 – Шолакбулак-1; 22 – Шолакбулак-2; 23 – Шолакбулак-3; 24 – Едирей-1; 25 – Едирей-1А; 26 – Едирей-3; 27 – Едирей-3А; 28 – Едирей-3Б; 29 – Едирей-4; 30 – Едирей-5; 31 – Едирей-6; 32 – Койтас-1; 33 – Койтас-2; 34 – Кулжан-1; 35 – Кулжан-2; 36 – Карпык-1; 37 – Карпык-2; 38 – Карпык-3; 39 – Керегетас-1; 40 – Керегетас- 2; 41 – Дын; 42 – Сенкибай; 43 – Онай-1; 44 – Онай-2; 45 – Тагыбайбулак; 46 – Улкенкудук; 47 – Мауке-1; 48 – Мауке-2; 49 – Жапалак; 50 – Шидертинское-2; 51 – Бегазы; 52 – Шабанбай; 53 – Сымтас; 54 – Красные горы; 55 – Бакатас

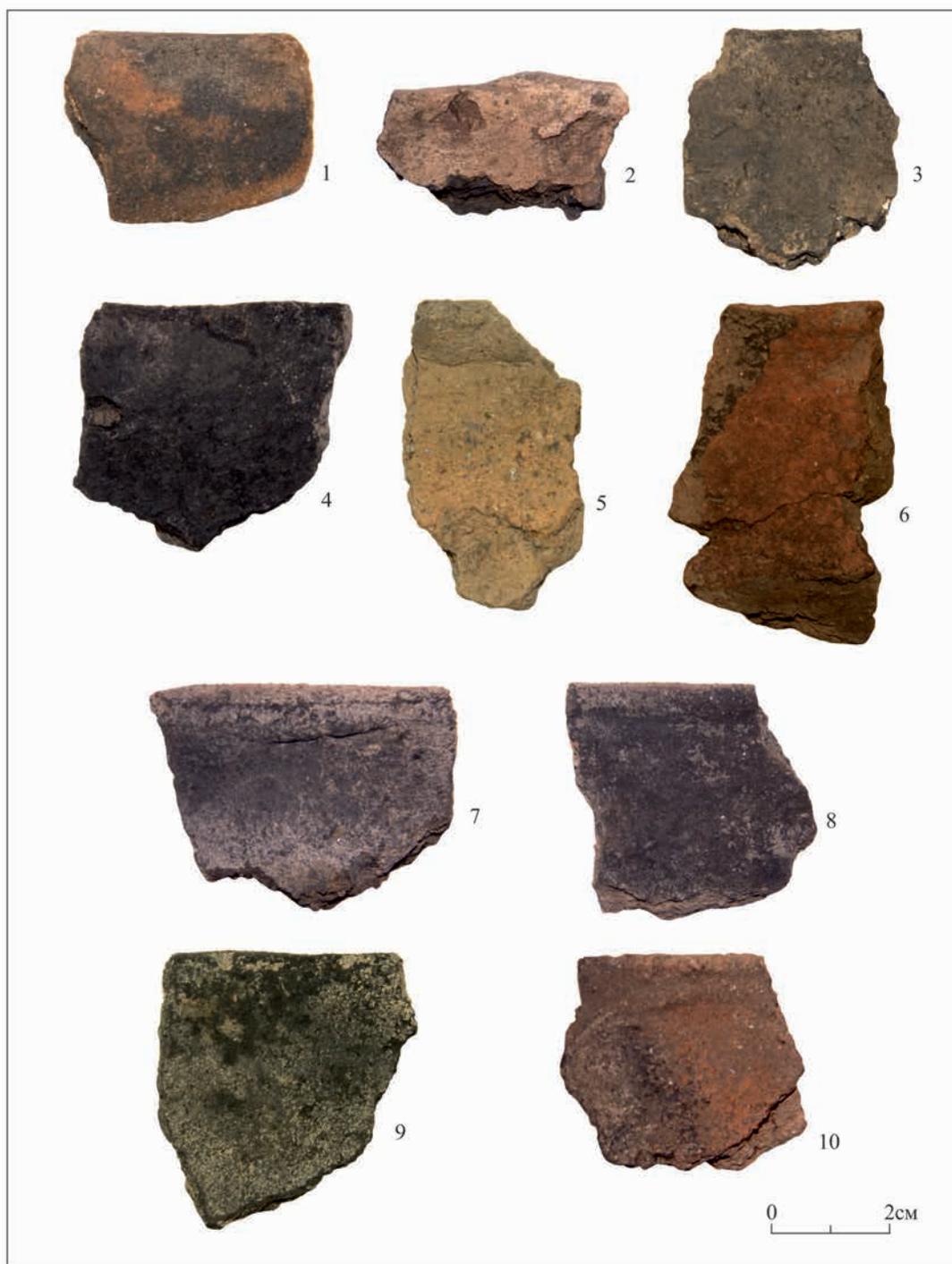

Рис. 2. Керамика поселения Абылай

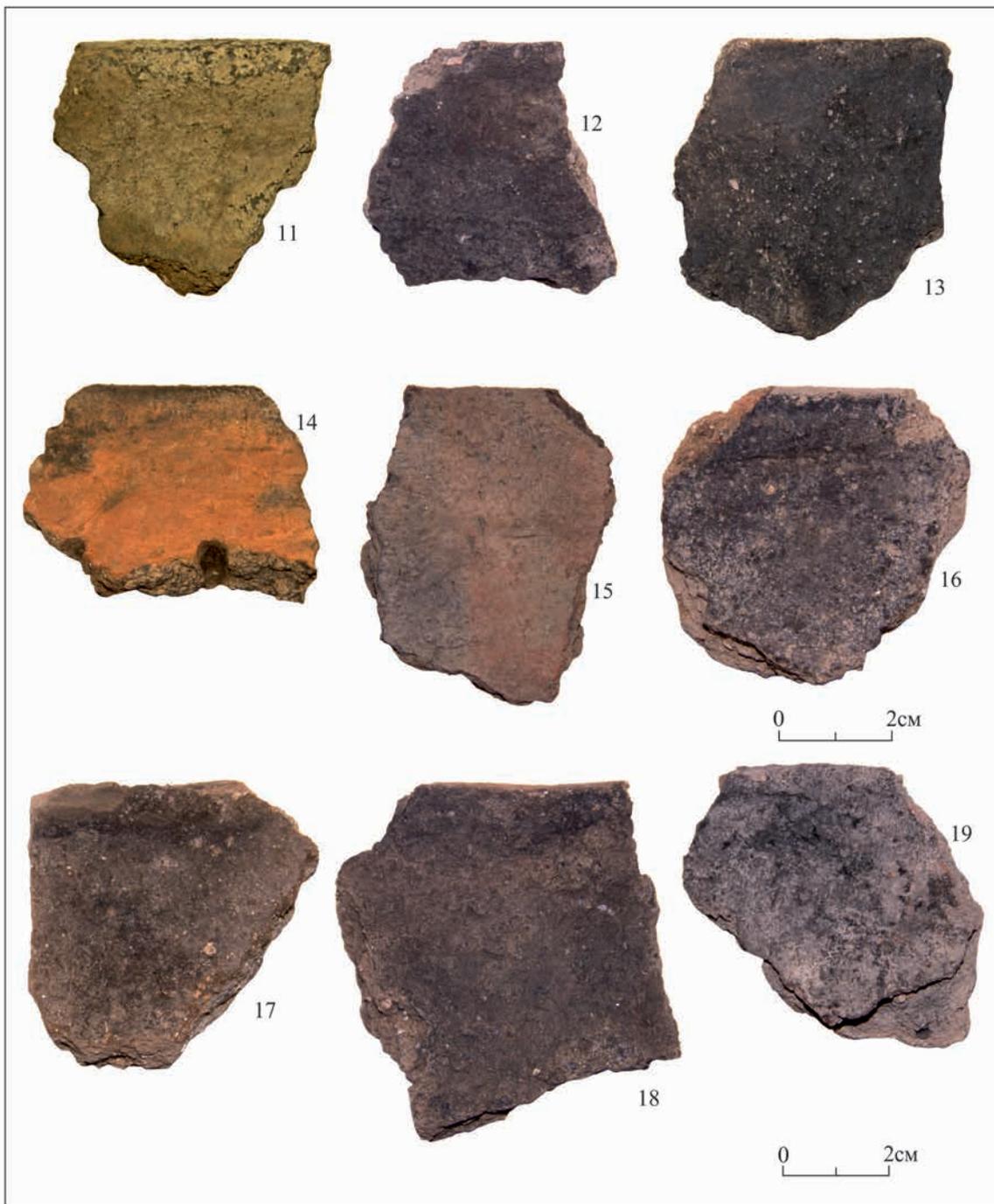

Рис. 3. Керамика поселения Абылай

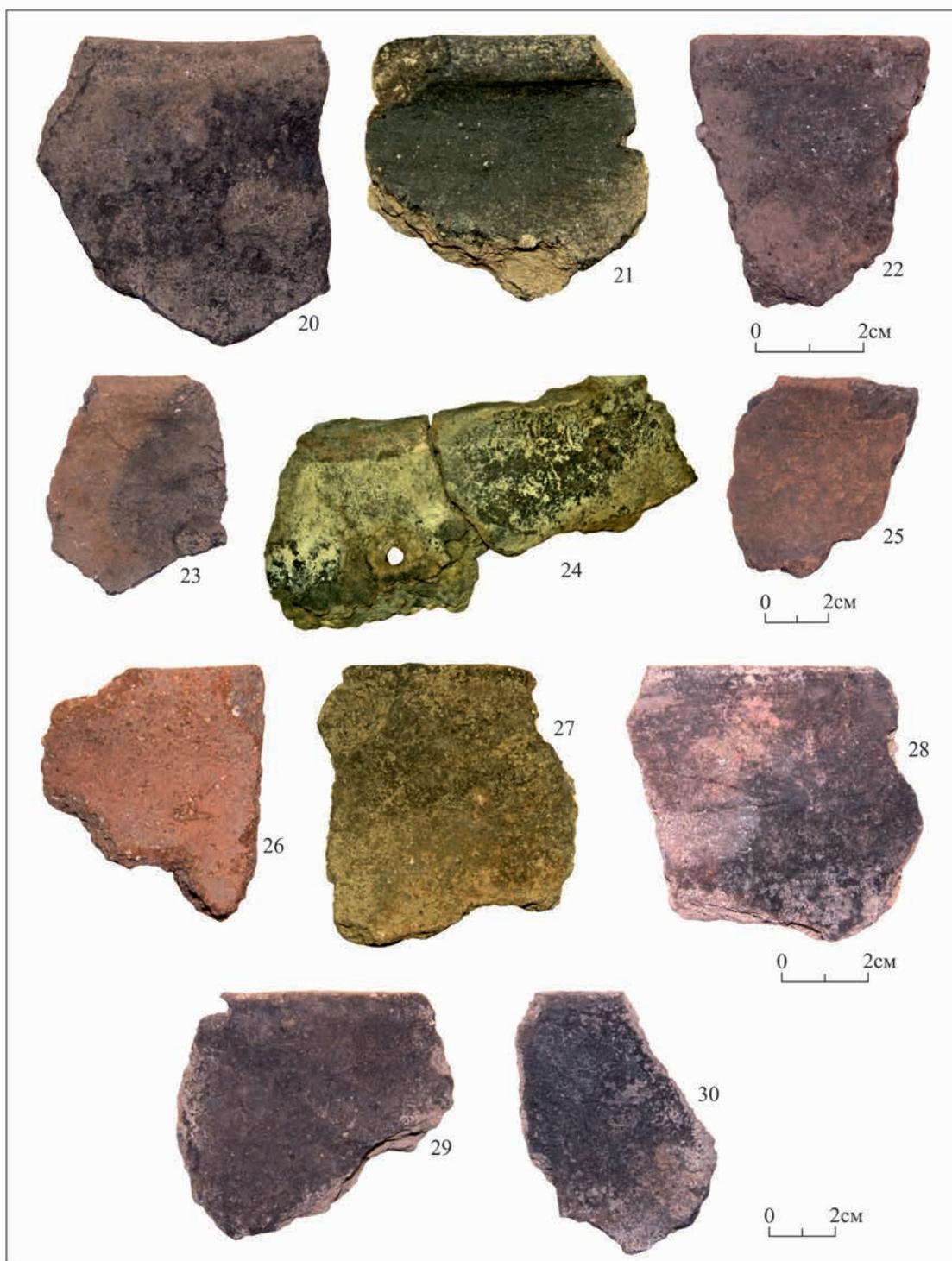

Рис. 4. Керамика поселения Абылай

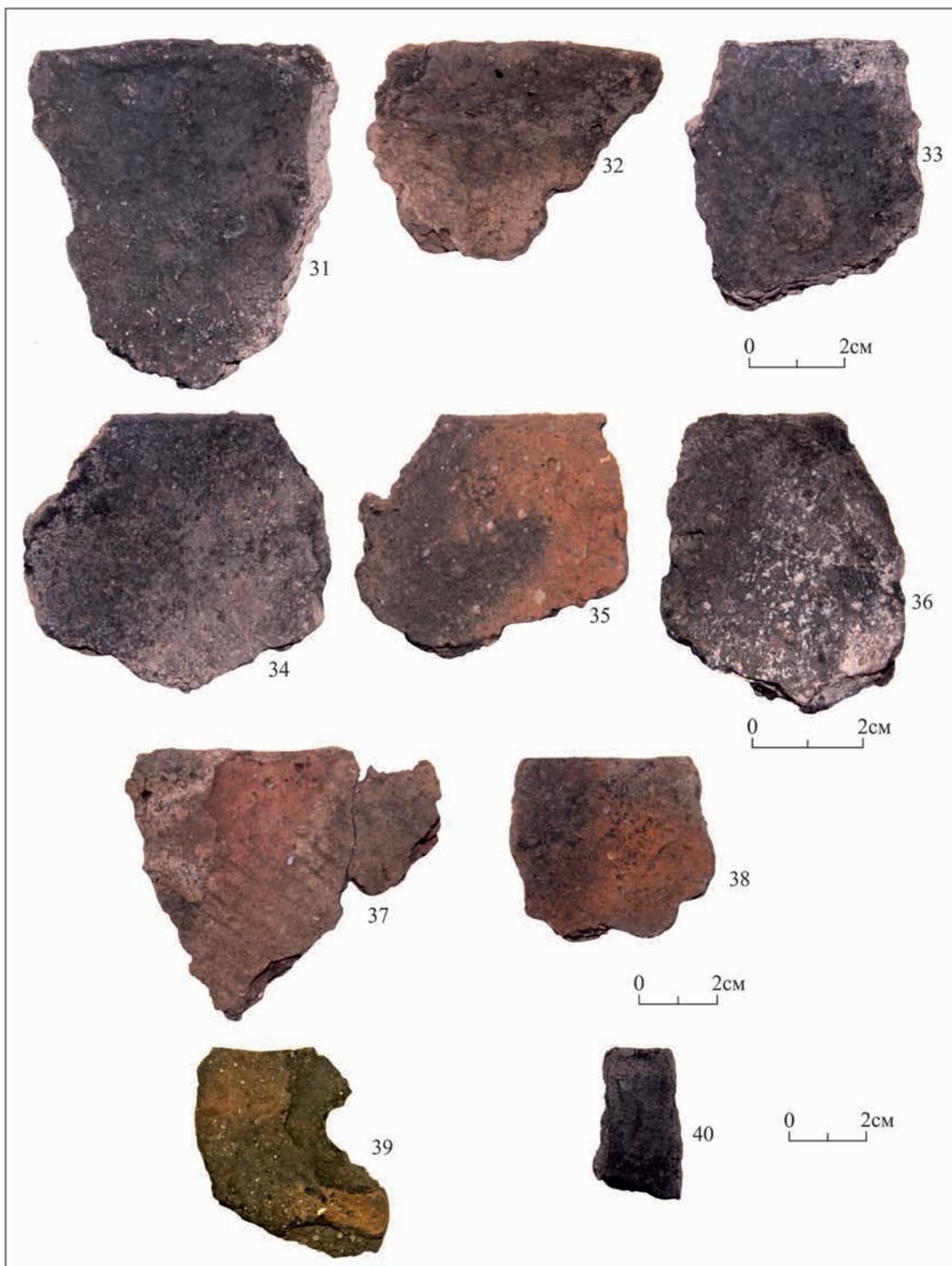

Рис. 5. Керамика поселения Абылай

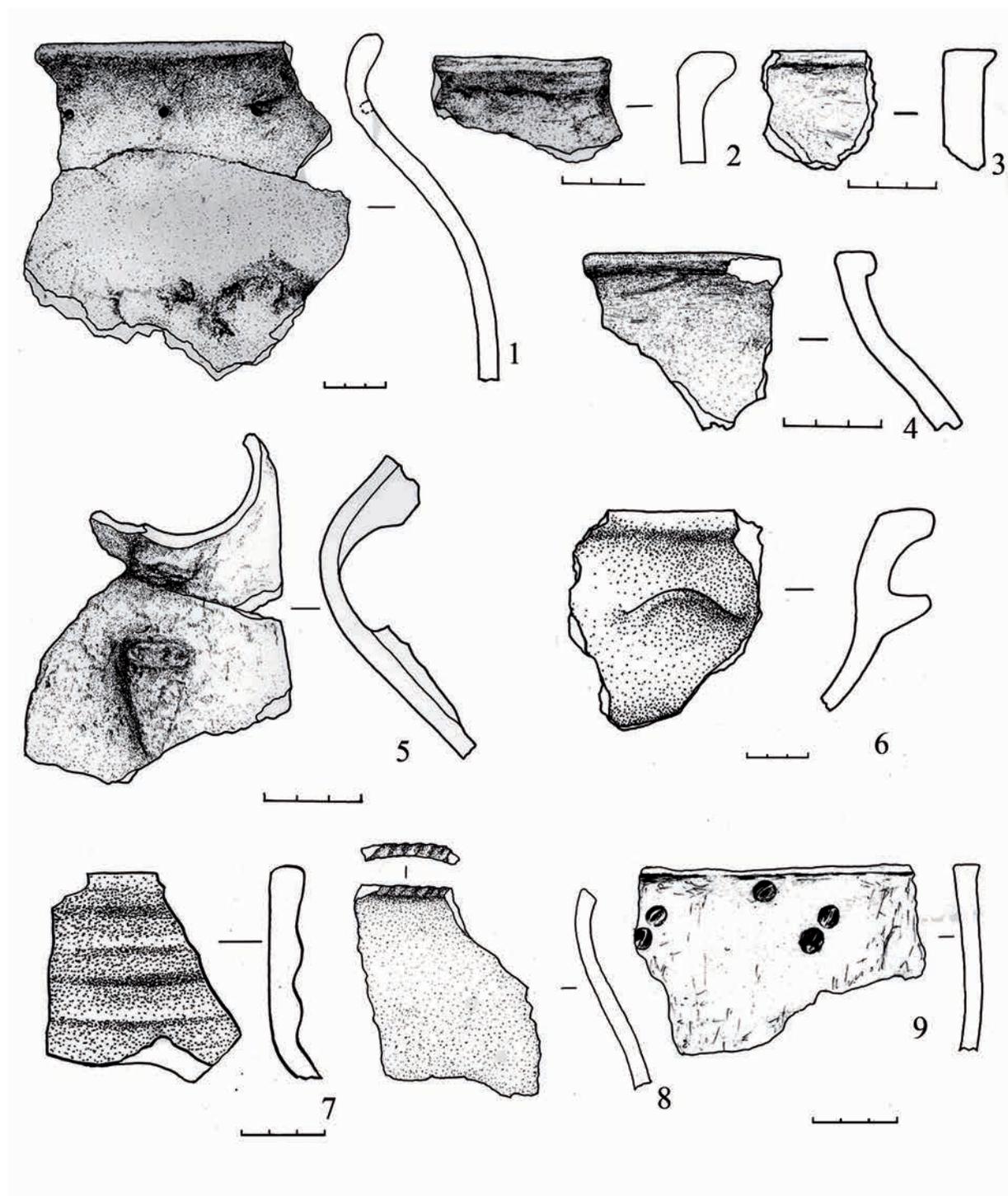

Рис. 6. Керамики из насыпей курганов сакского времени. 1 – могильник Акбеит-6, кур. 3; 2-4 – могильник Серекты-1, кур. 11; 5 – могильник Бакыбулак, курган 15; 6 – могильник Карашоқы-1, кур. 1; 7 – могильник Нуркен-2, кур. 2; 8 – могильник Акбеит-1, кур. 2; 9 – мог. Кызыл, кур. 4

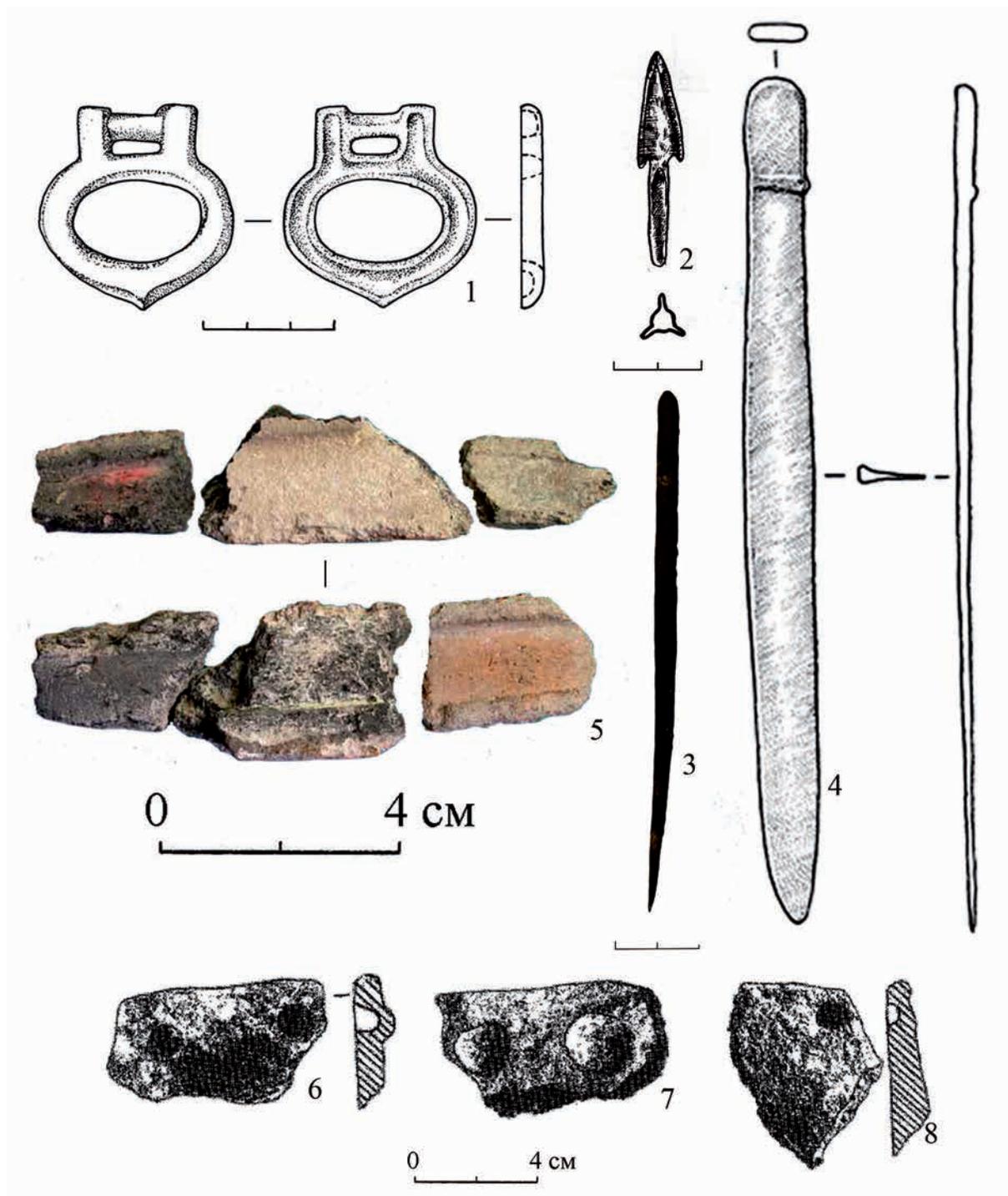

Рис. 7. Находки из поселений. 1 – подпружная пряжка, Кергетас-2, раскоп 2; 2 – наконечник стрелы, Таскора-1 (по: [Хабдулина, 2003]); 3 – шило, Абылай, раскоп 2; 4 – нож, Сарыбуйрат; 5 – керамическая литейная форма, Шидертинское-2; 6-8 – фрагменты керамики, поселение Чап, Северный Кыргызстан (по: [Табалдиев, 2005]). 1-4 – бронза

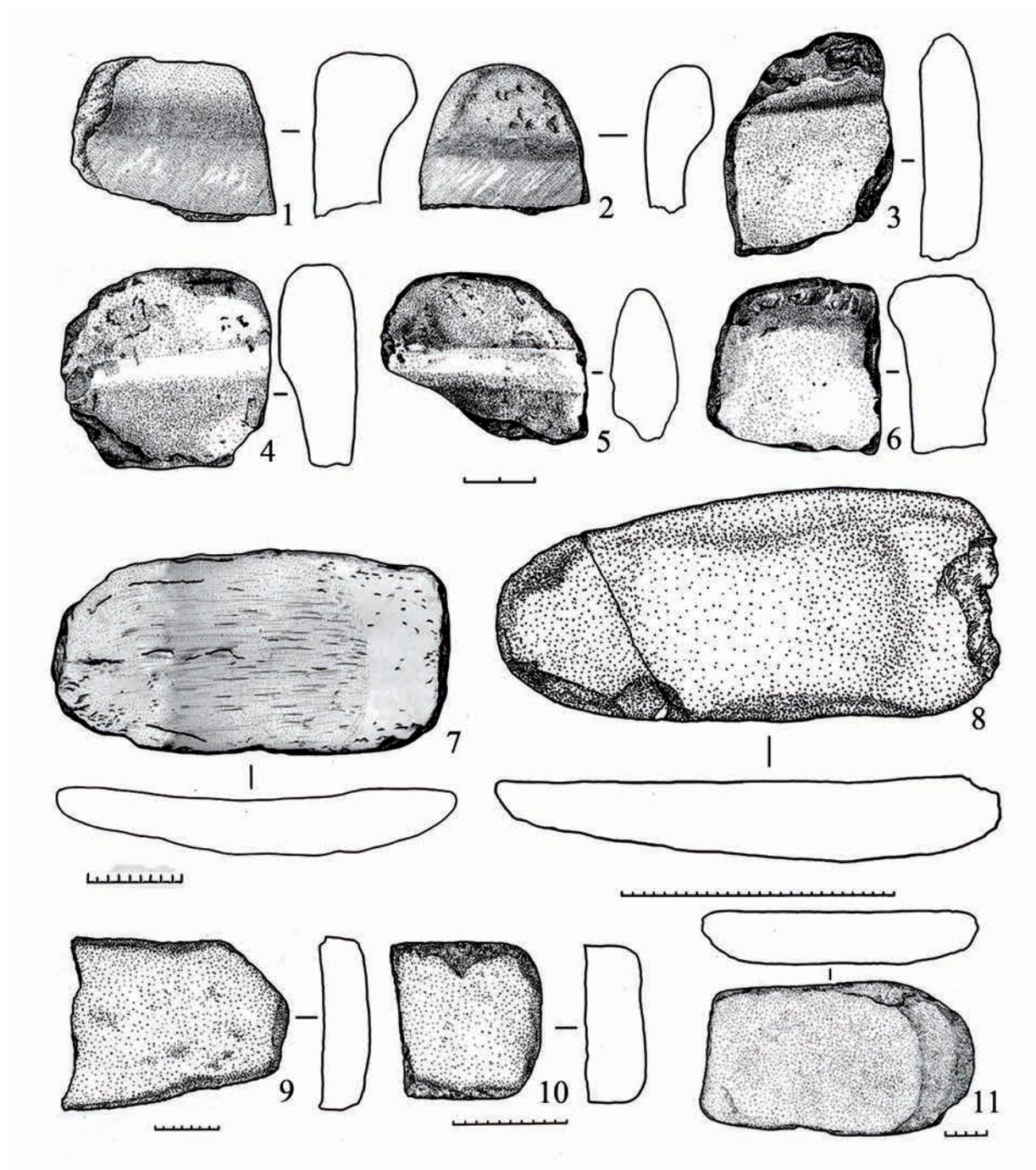

Рис. 8. Зернотерки из поселений и из насыпей курганов. 1-3 – поселение Сарыбуйрат; 4-6 – поселение Кызылсуир-2; 7 – мог. Акбеит, кур. 7; 8-10 – могильник Нуркен-2, 11 – могильник Бакыбулак, кур. 9

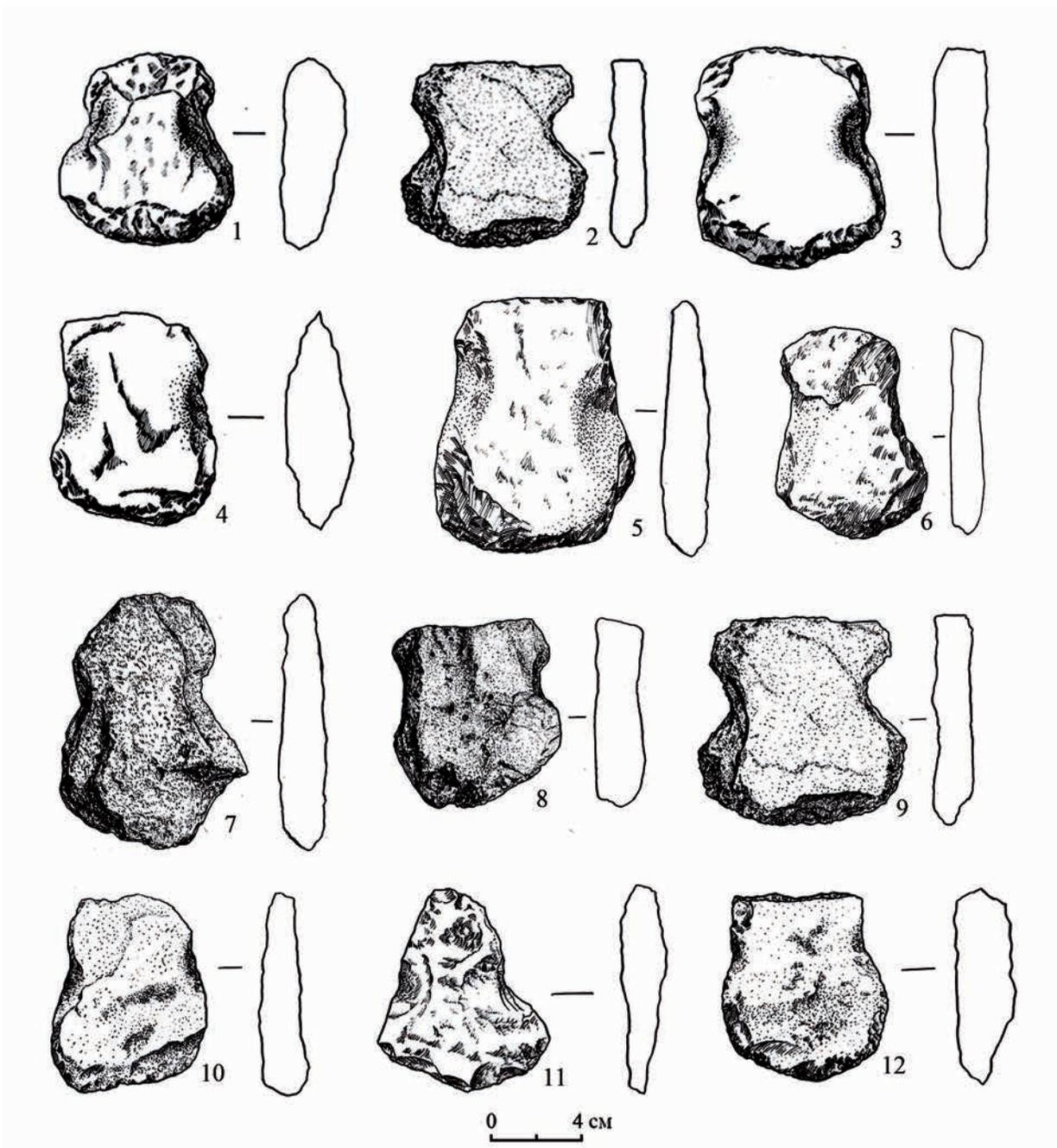

Рис. 9. Мотыги из поселений. 1-4 – Едирей-3, раскоп 2; 5-6 – Кызылсуур-2;
7-9 – Тагыбайбулак; 10-12 – Сарыбуйрат

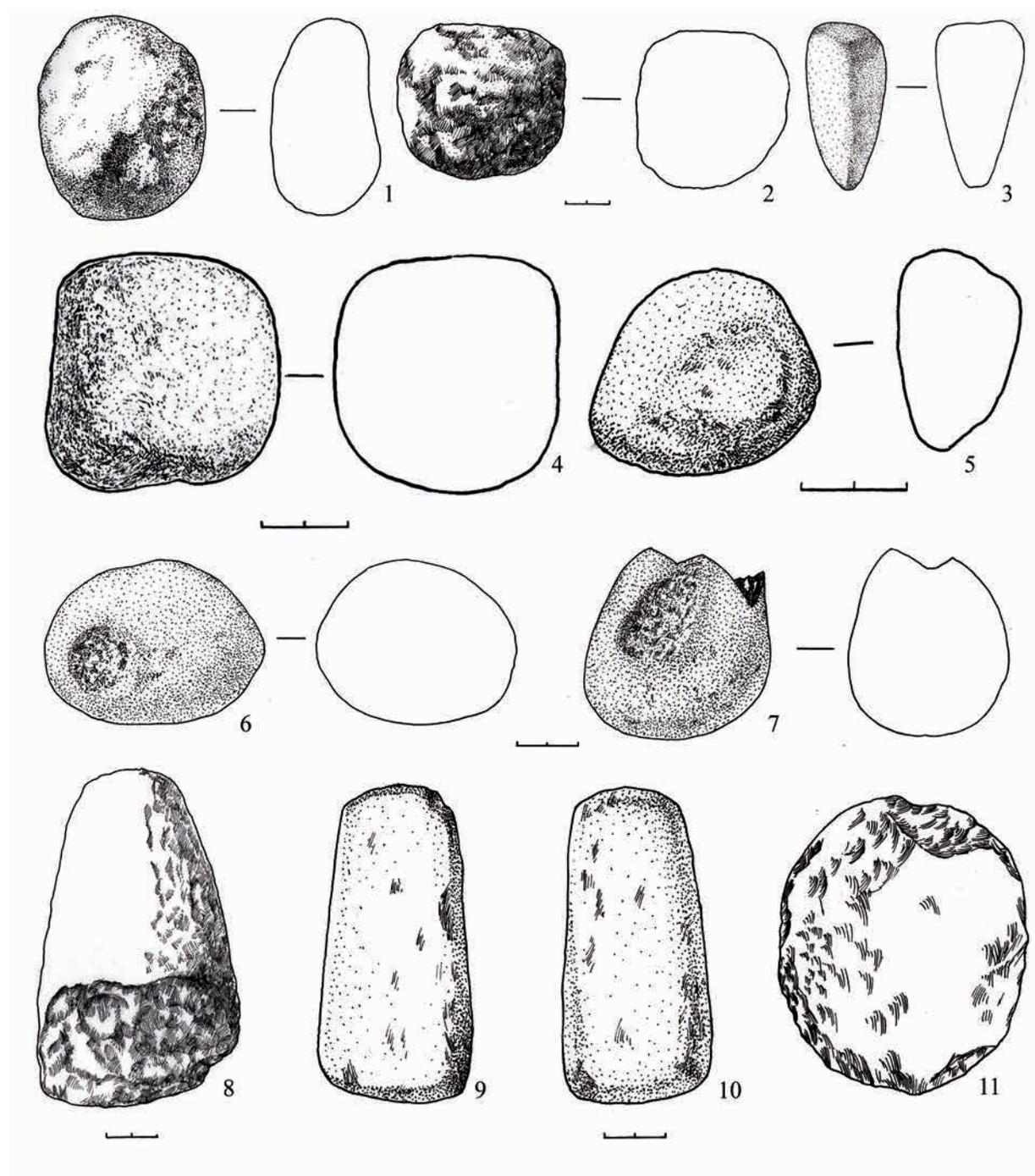

Рис. 10. Каменные орудия из поселений. 1-3 – Едирей-3; 4 – поселение Тагыбайбулак; 5 – поселение Мауке-1; 6-7 – поселение Туйетас; 8 – поселение Едирей-3; 9-11 – поселение Кызылсуур-2

*Рис. 11. Каменные изделия из поселения Абылай. 1-3 – Фрагменты «жертвенников»,
4- зернотерка, 5-7 – точильные камни*

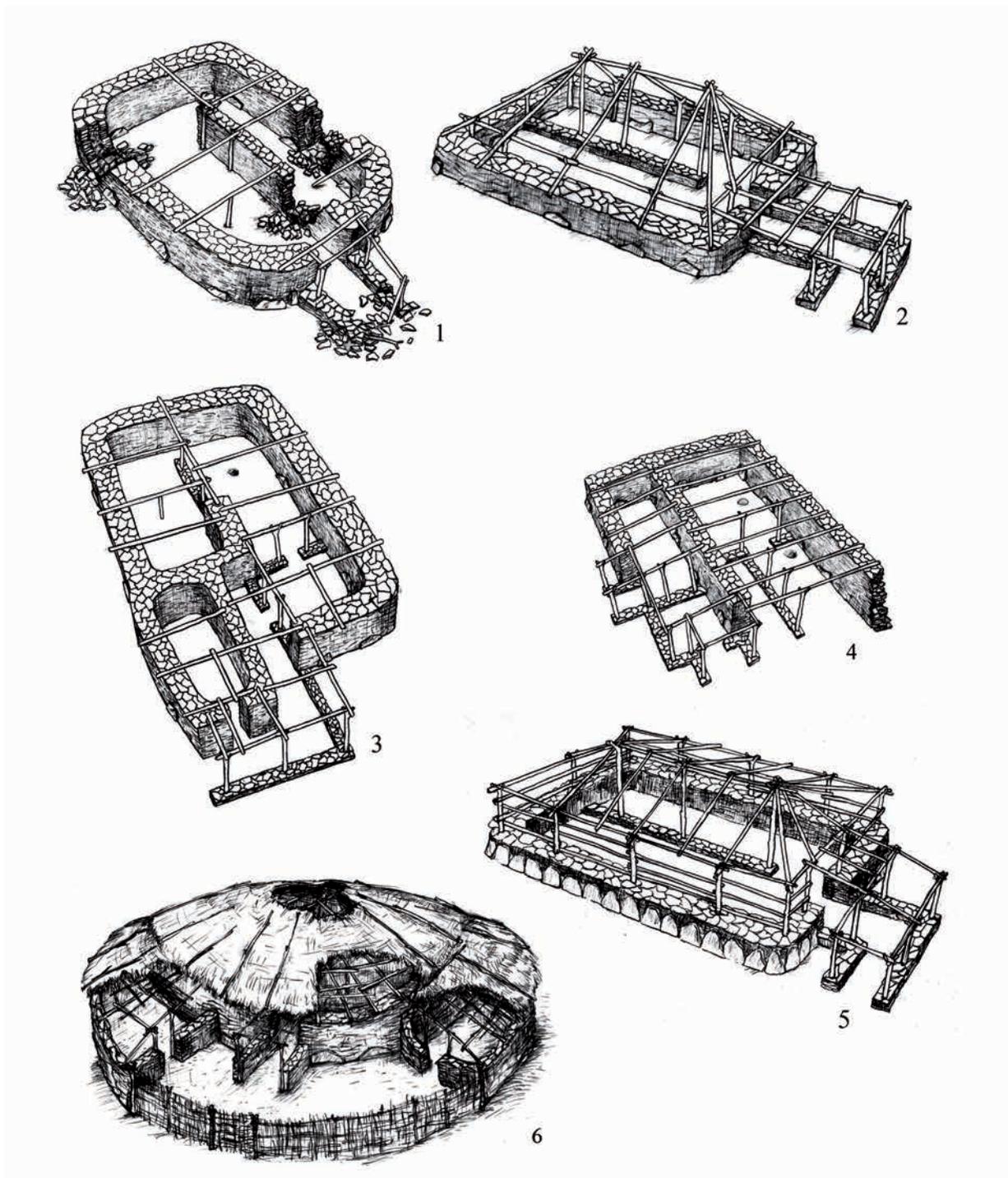
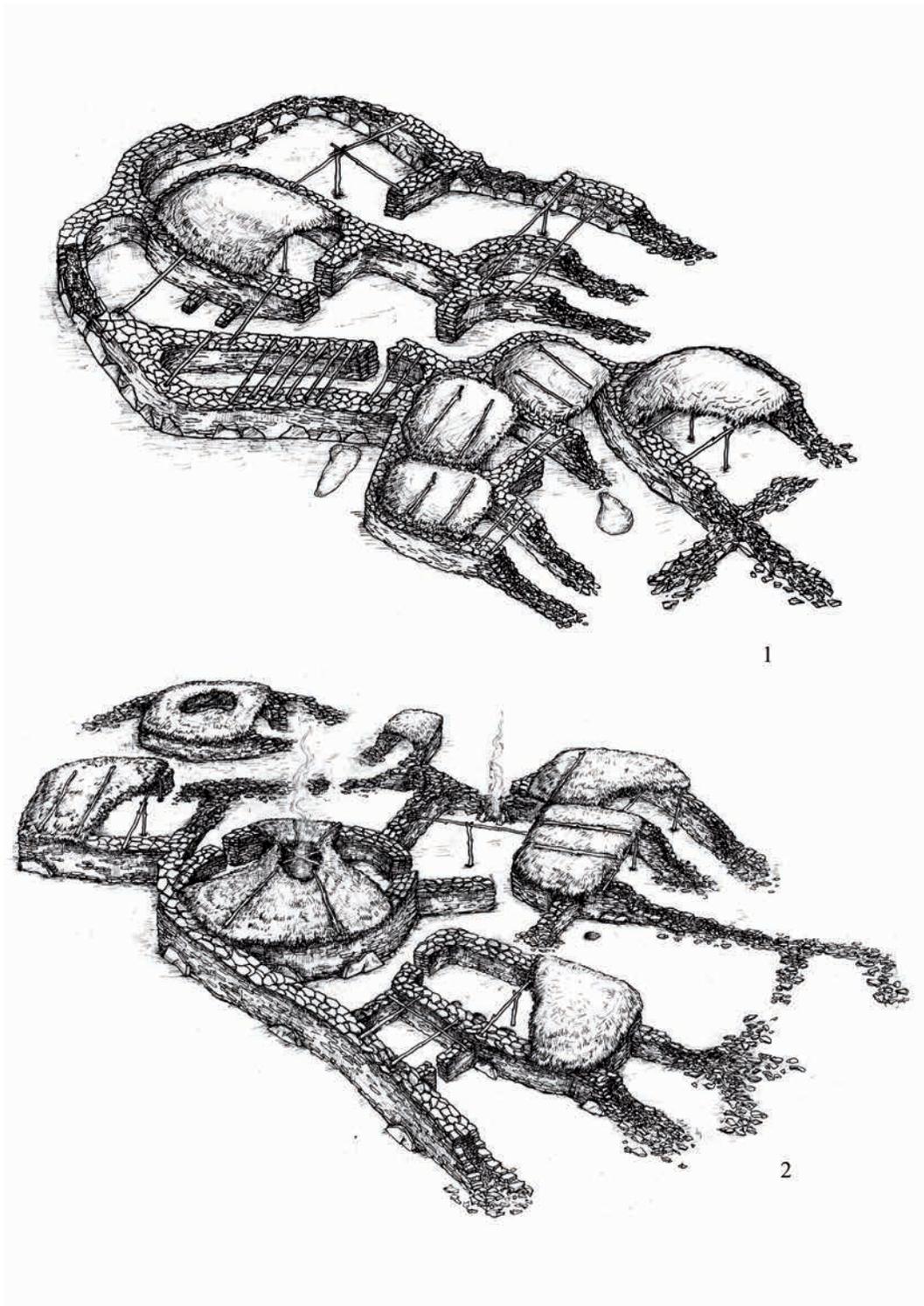

Рис. 12. Реконструкции типов жилищ сакского времени Центрального Казахстана. Подпрямоугольные, круглое жилища. По материалам поселений Едирей-3, раскоп 1 (1), Едирей-1, раскоп 2 (2, 5), Тагыбайбулак (3), Керегетас-2, раскоп 1 (4), Туїетас (6)

*Рис. 13. Реконструкция типов жилищ сакского времени Центрального Казахстана.
Большие жилищно-хозяйственные комплексы. По материалам поселений Керегетас-2, раскоп 2 (1)
и Сарыбуйрат, раскоп 1 (2)*

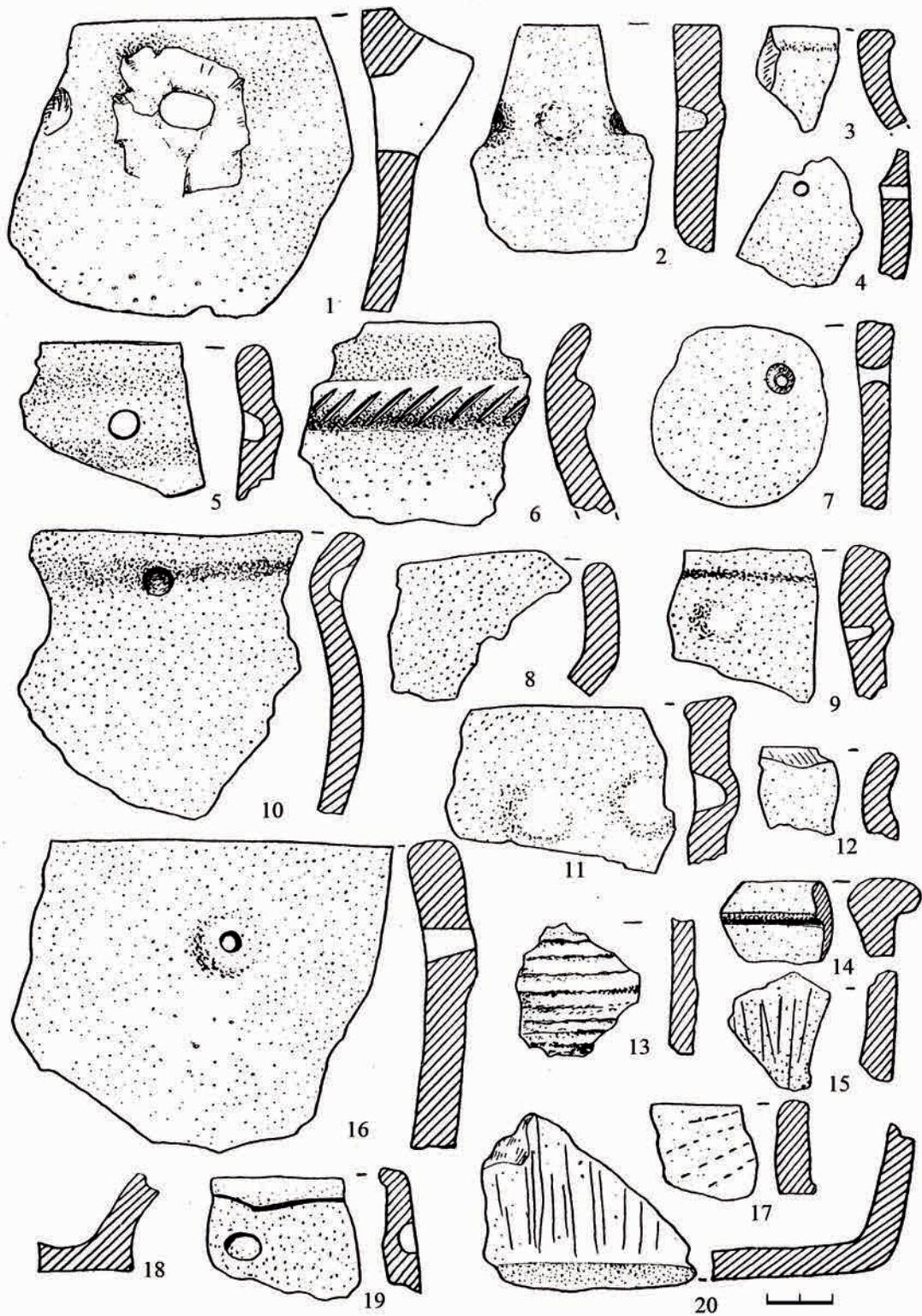

Рис. 14. Керамика из поселения Тагыбайбулак, жилище 1, Центральный Казахстан (по: [Маргулан, 1979])

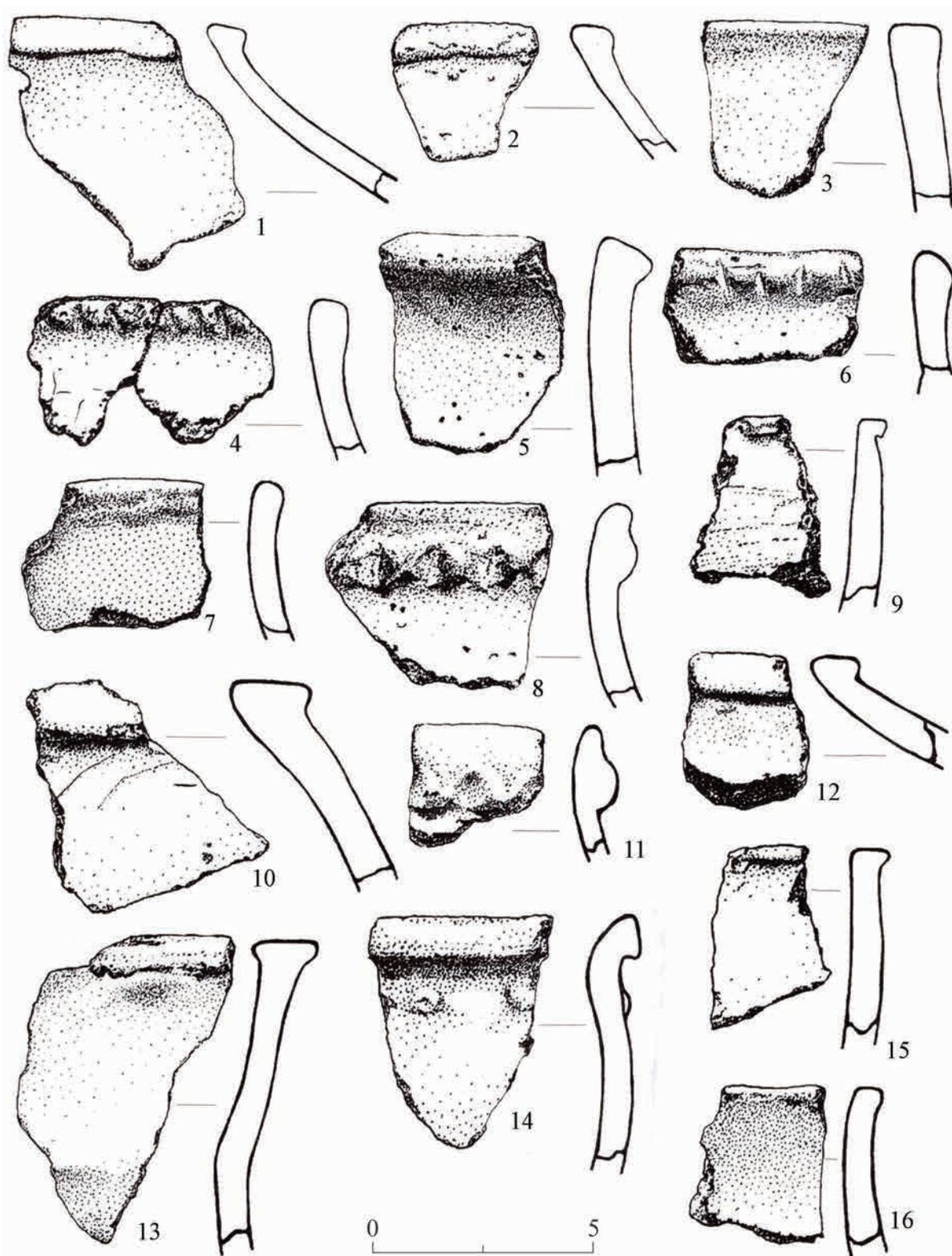

Рис. 15. Керамика из поселения Асы, Жетысу (по: [Марьяшев, Гумирова, 2011])

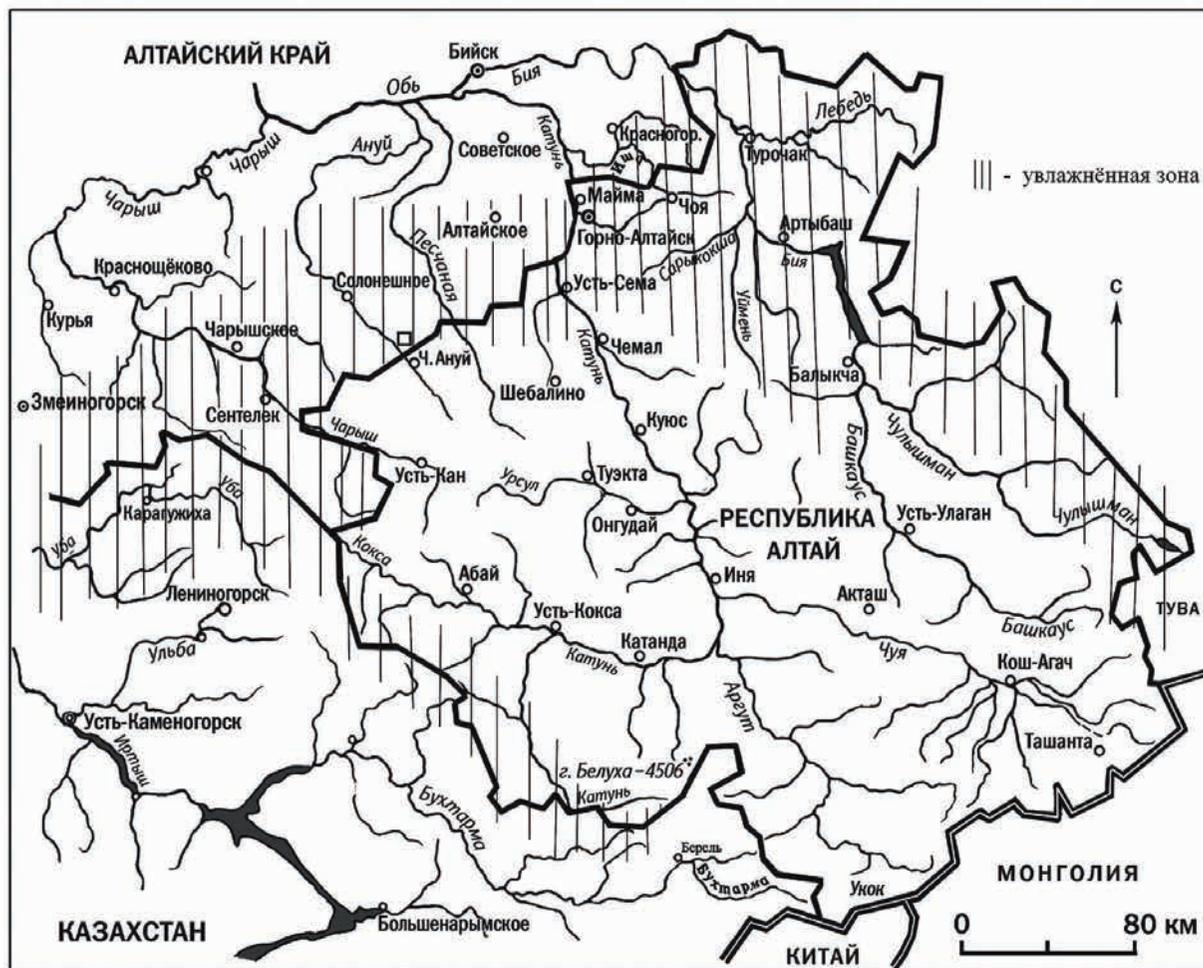

Рис. 16. Карта Горного Алтая с указанием увлажненной и скотоводческой зон

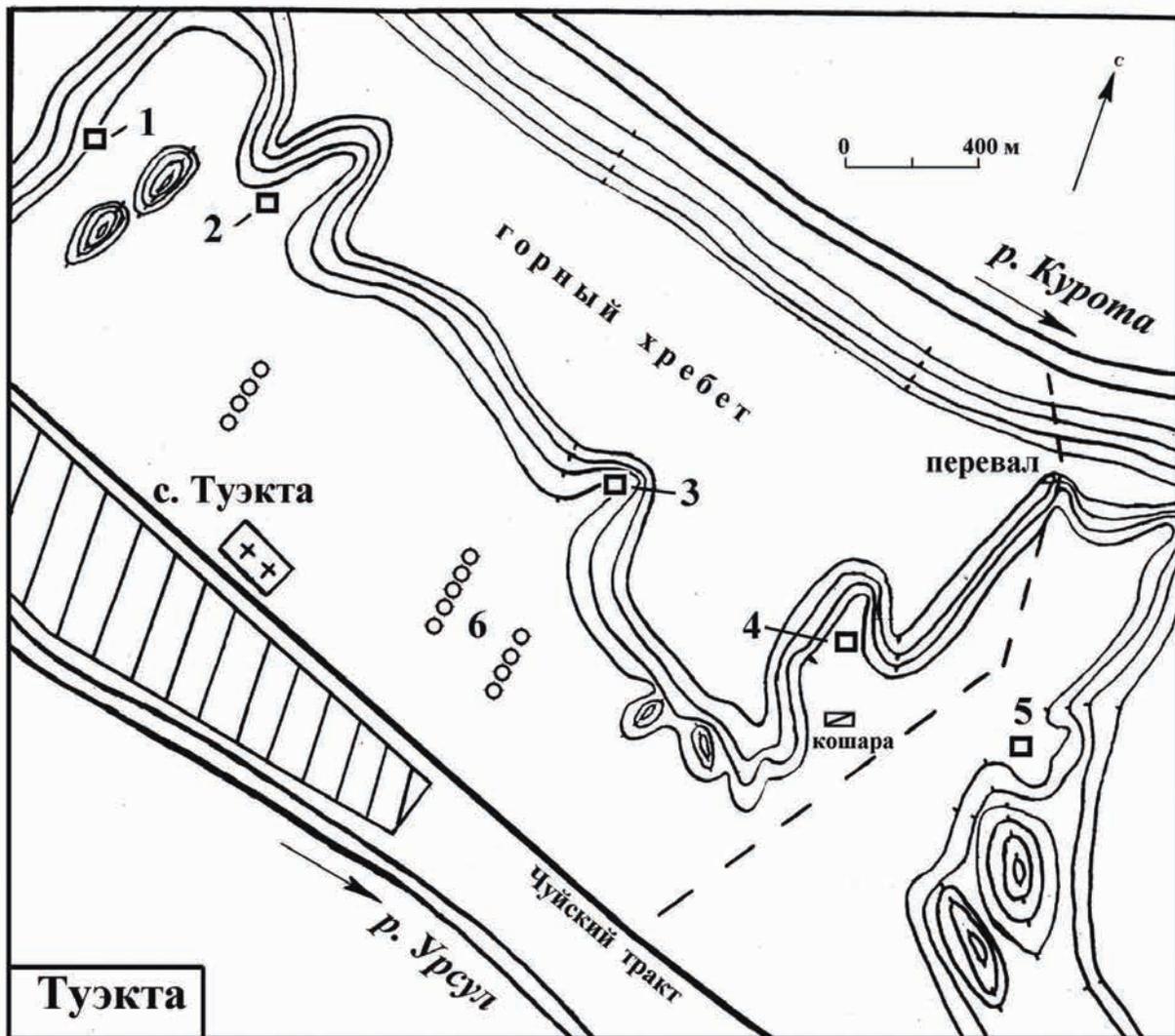

Рис. 17. Схема расположения зимних поселений древних скотоводов и пазырыкских могильников в долине у села Тузкта. 1 – Тузаков Лог – 1; 2 – Тузаков Лог – 2; 3 – Тузкта – 3; 4 – Куротинский Лог – 2; 5 – Куротинский Лог – 1; 6 – Большие Тузктинские курганы

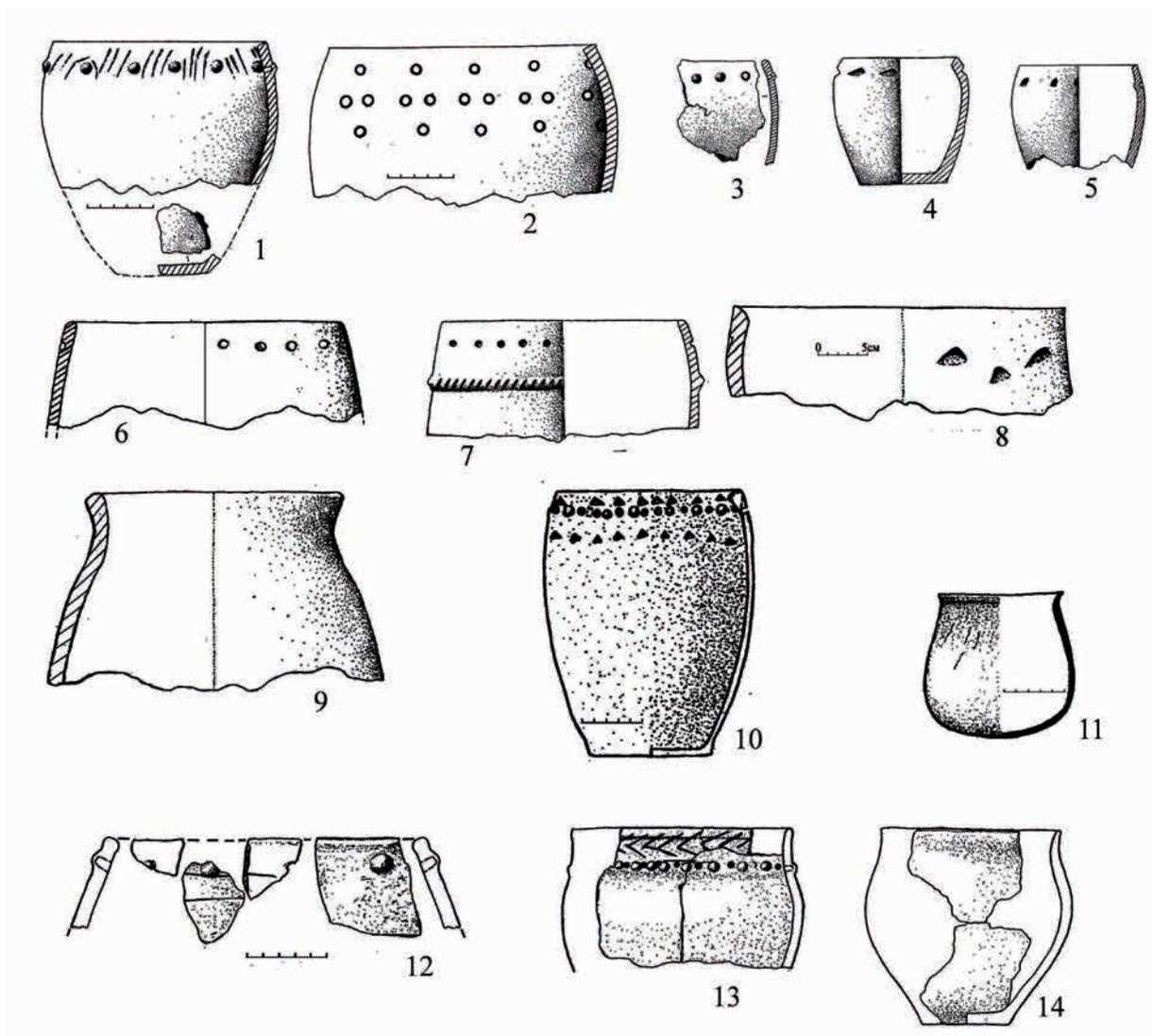

Рис. 18. Керамика из раннескифских курганов на р. Бийке (1 – 9), могильника Усть – Куюм (10)
 (по: Тишкин, 1996, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005; Степанова, 1996а)
 и могильника Чеснокова – 1 (по: Шульга, 1998а, 1998б)

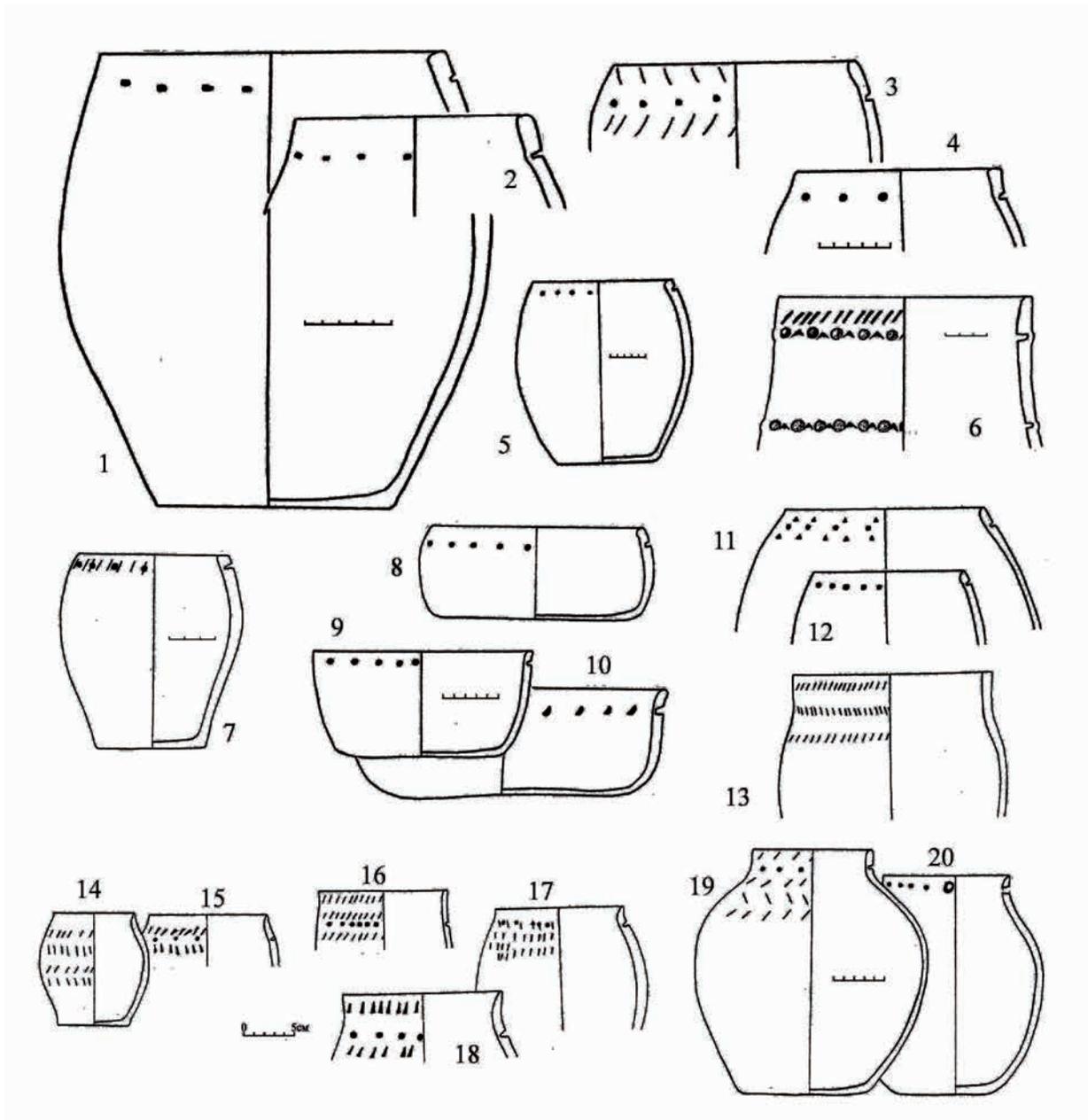

Рис. 19. Поселение Чепойш-2. Керамика

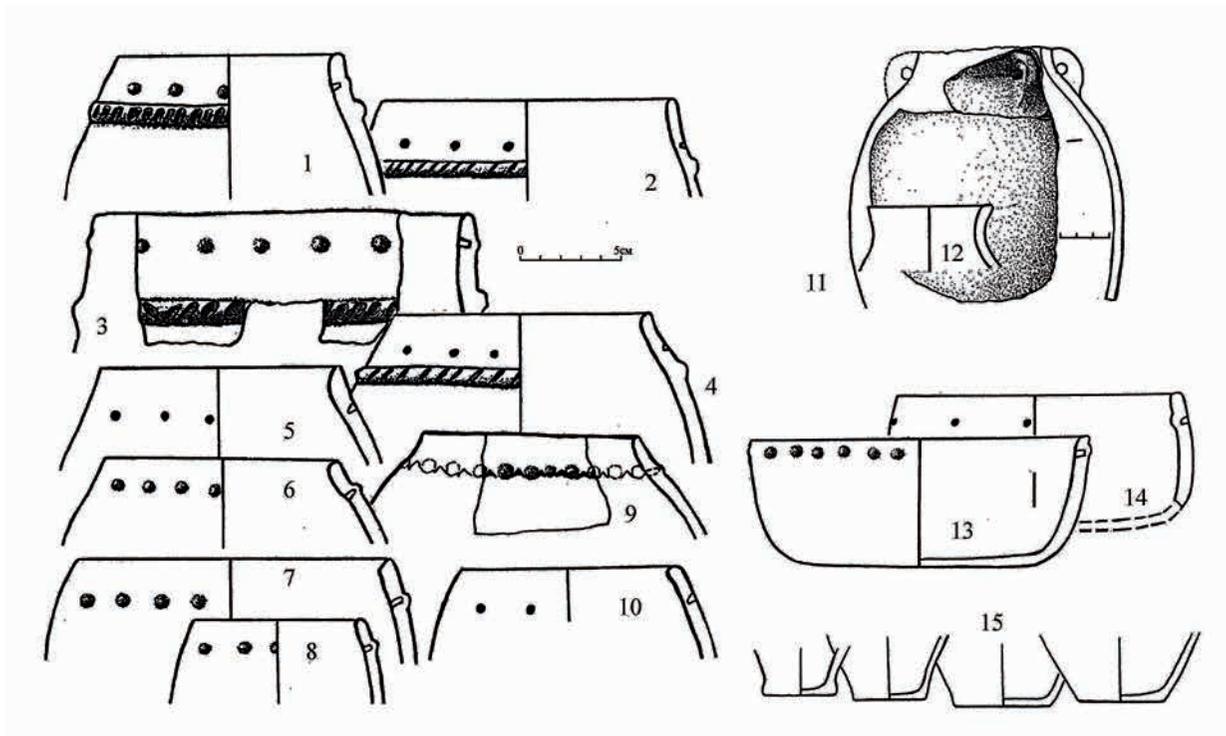

Рис. 20. Поселение Партизанская Катущка. Керамика

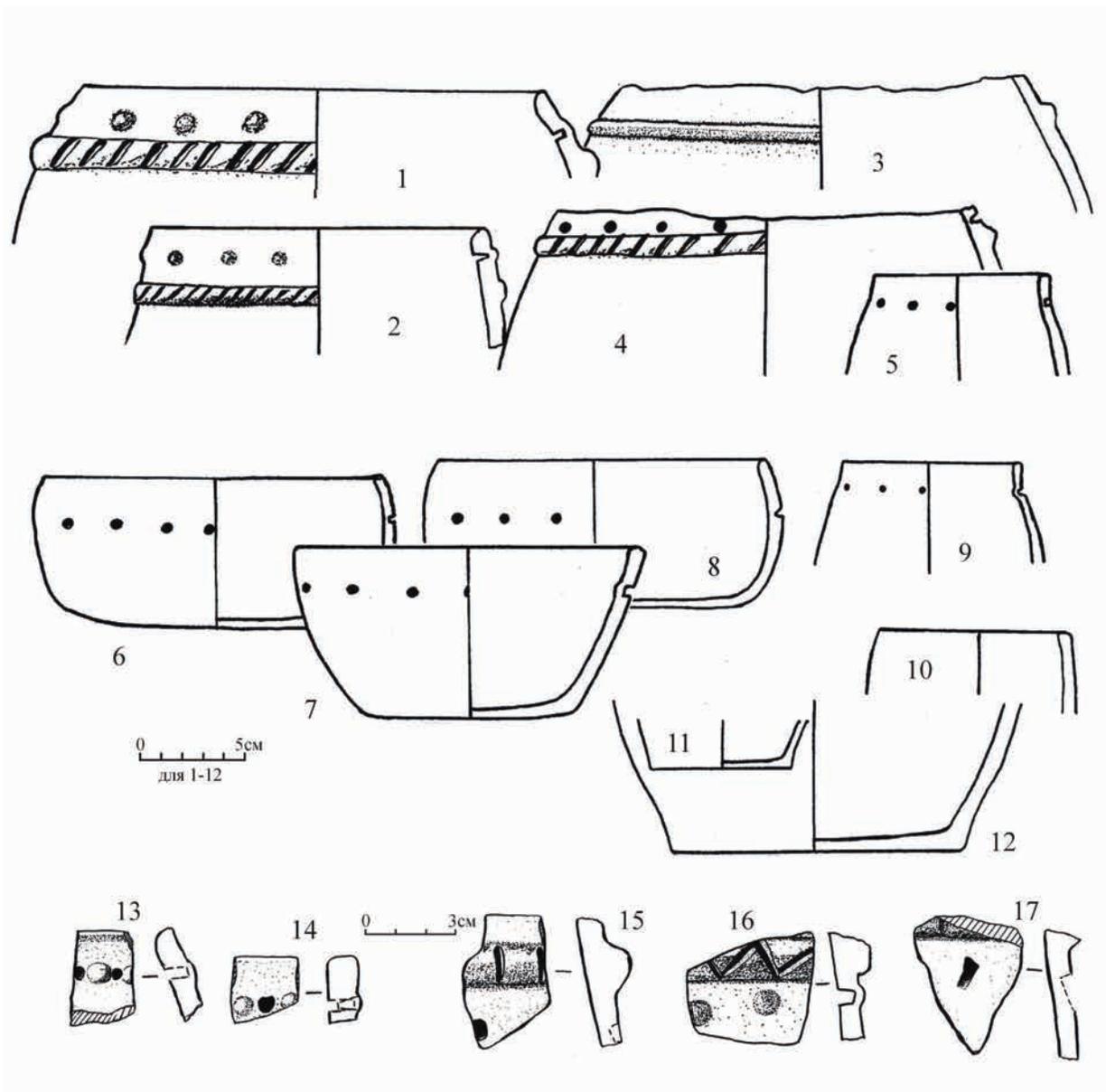

Рис. 21. Поселение Курортинский Лог-1. Керамика. Редкие орнаменты (13-17)

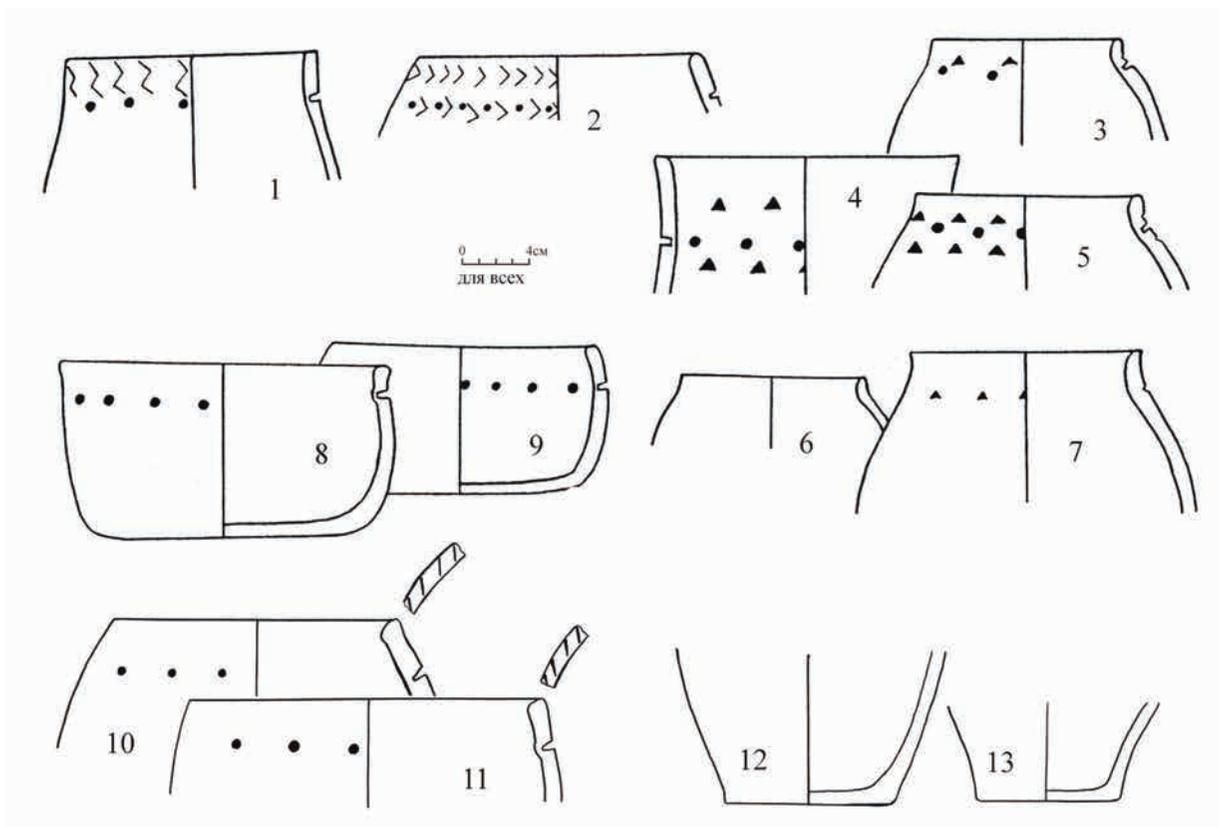

Рис. 22. Поселение Кастакта-3. Керамика

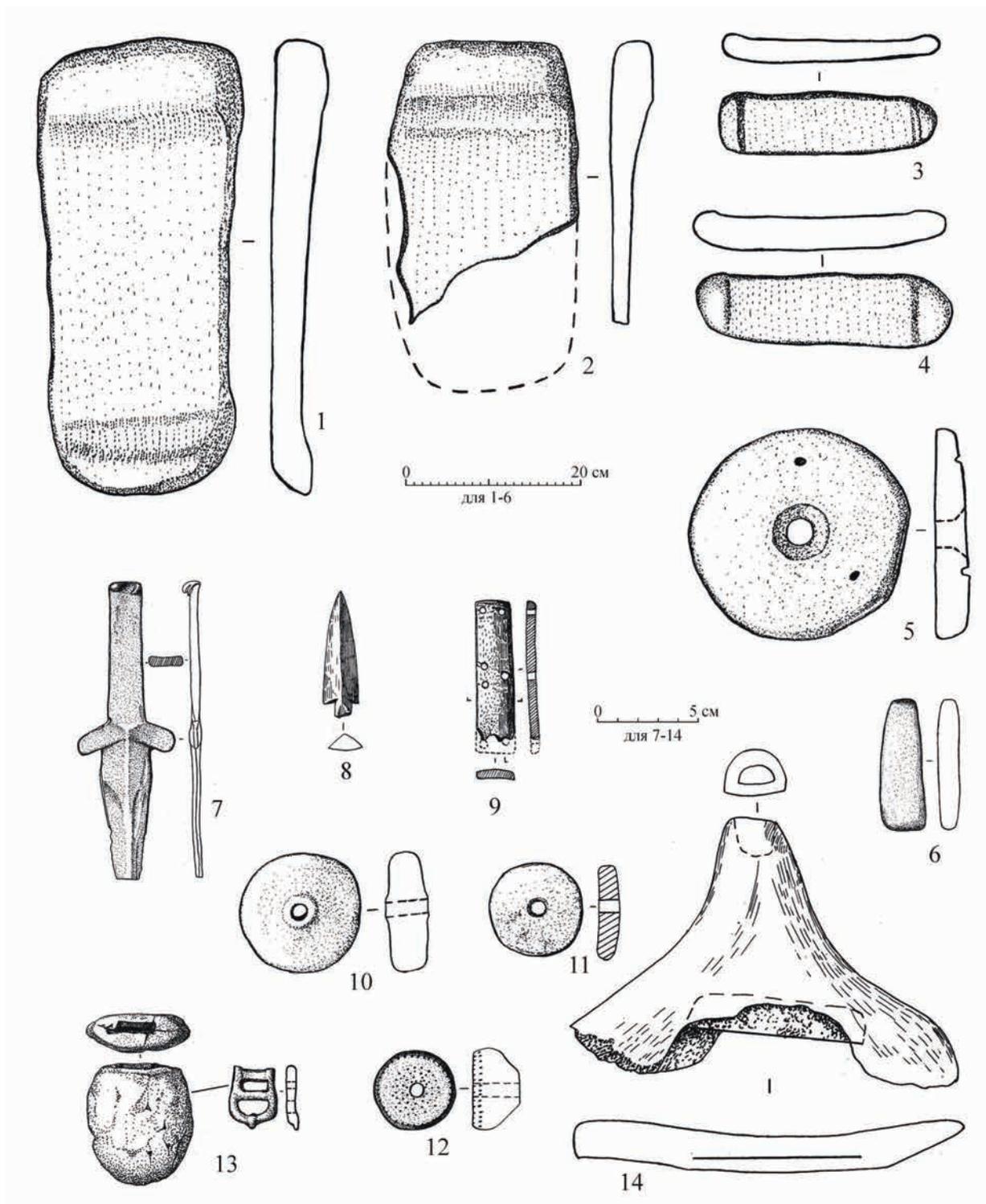

Рис. 23. Инвентарь из поселений раннего железного века Горного Алтая. Бронза – 7; железо-кость – 14; камень – 1 – 6, 11; рог – 8-9; керамическая литейная форма и отлитая в ней восковая пряжка – 13

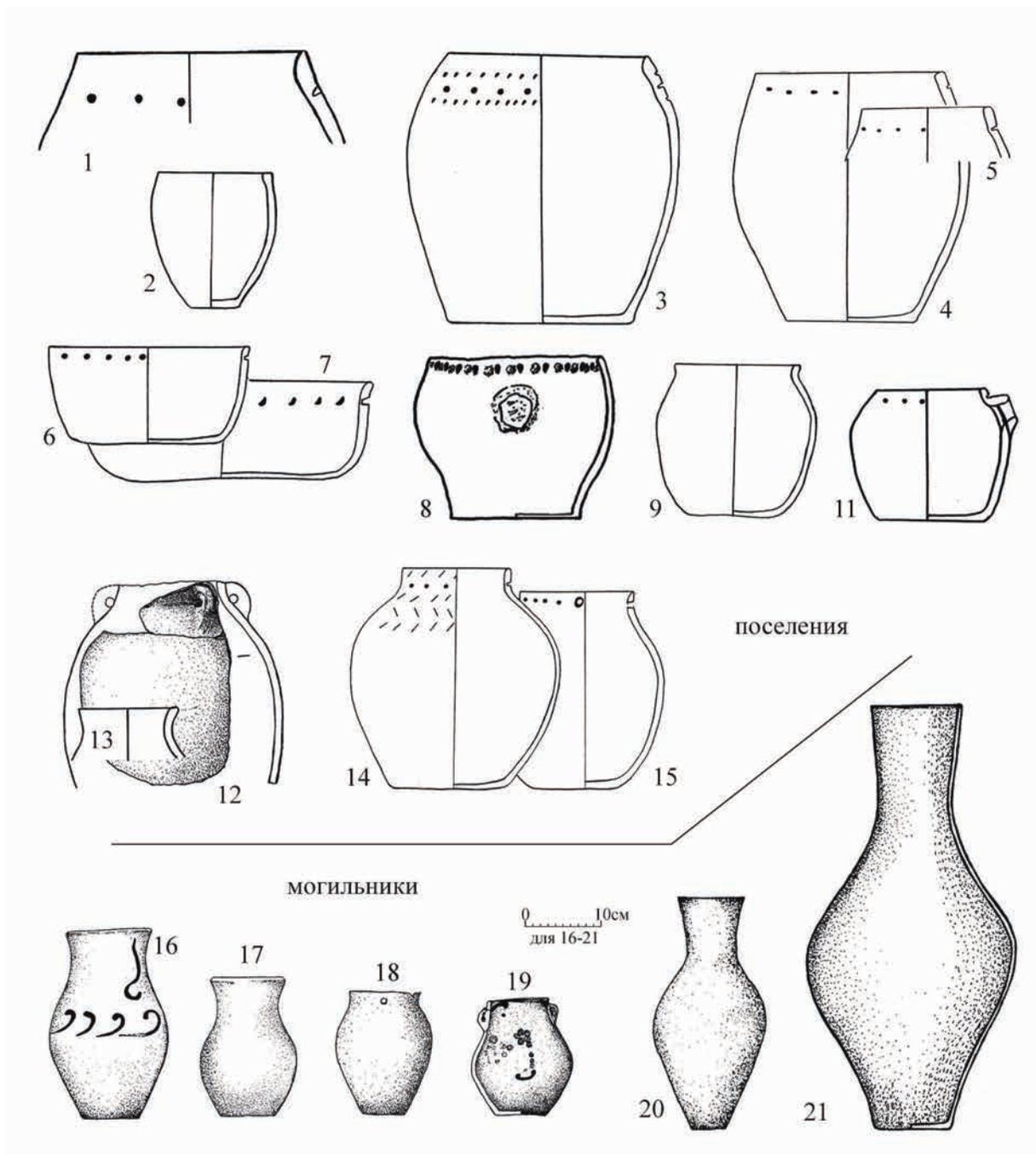

Рис. 24. Керамические сосуды из поселений и погребений пазырыкской культуры

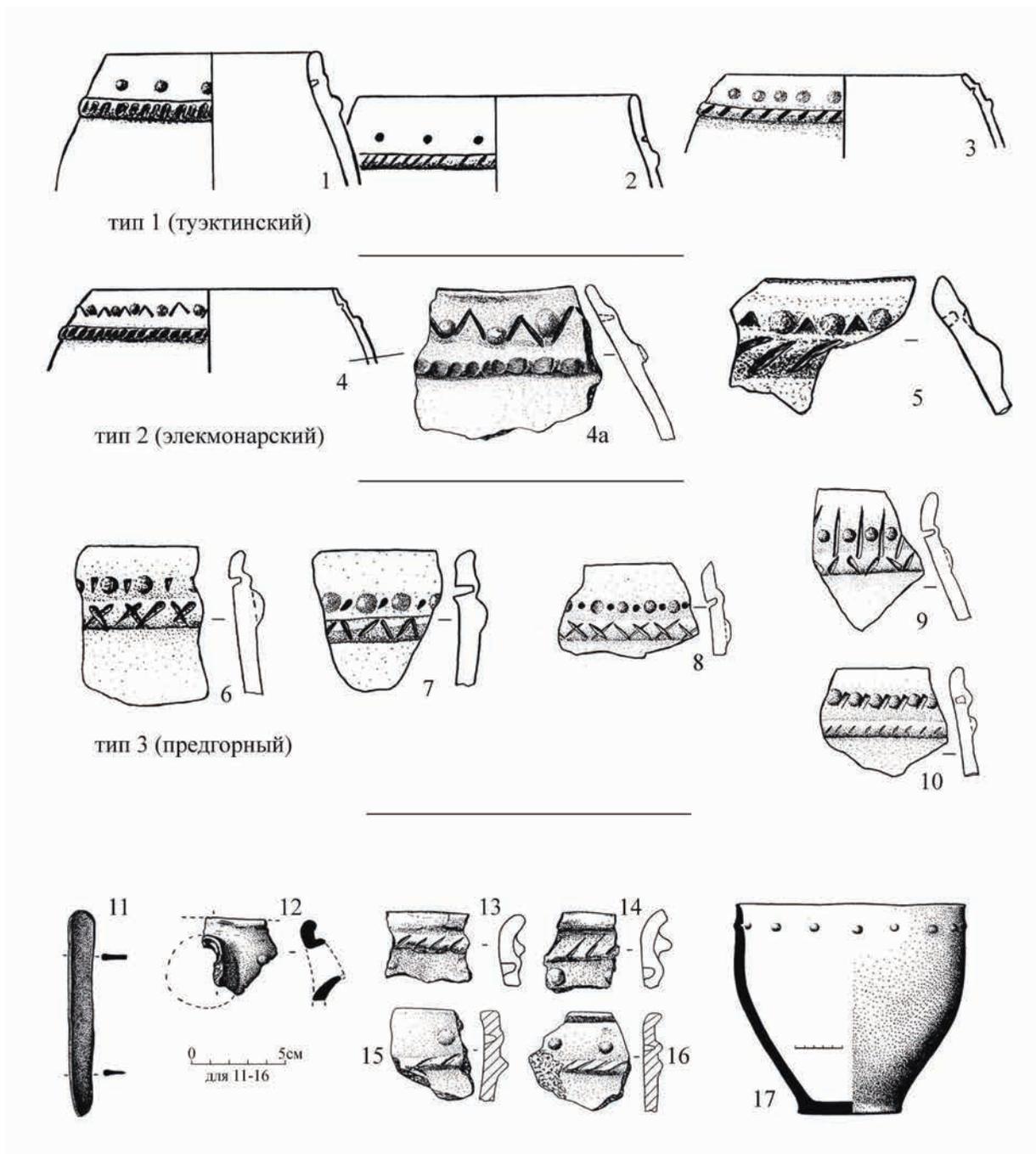

Рис. 25. Валиковая керамика, типы орнаментов (1-10). Керамика и инвентарь переходного времени с поселения Горелый Кордон в Алтайском крае. Бронза – 11; керамика – 12 – 17; (по: Фролов, Папин, Шагинин, 2002)

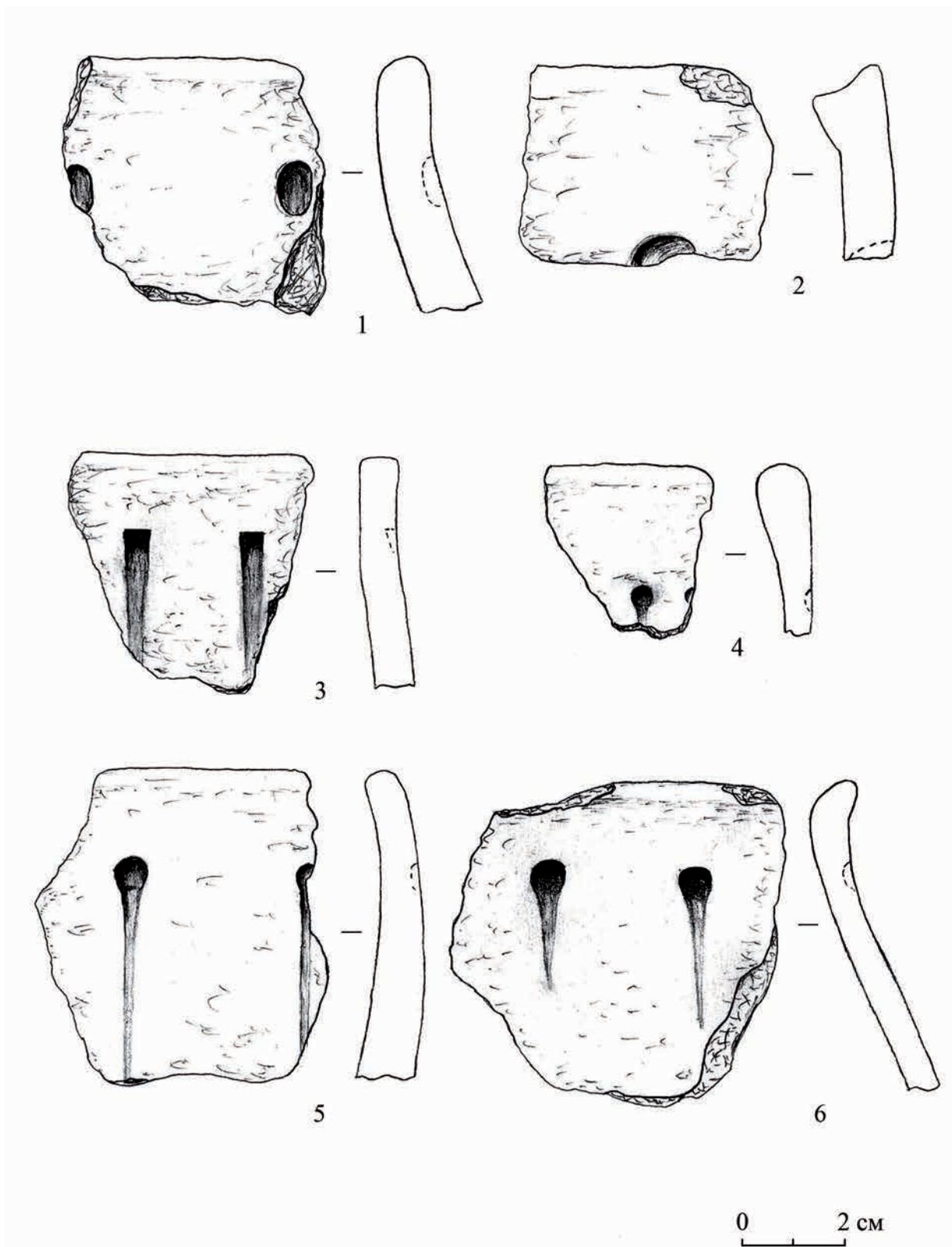

Рис. 26. Поселение Едрей-1. Керамика

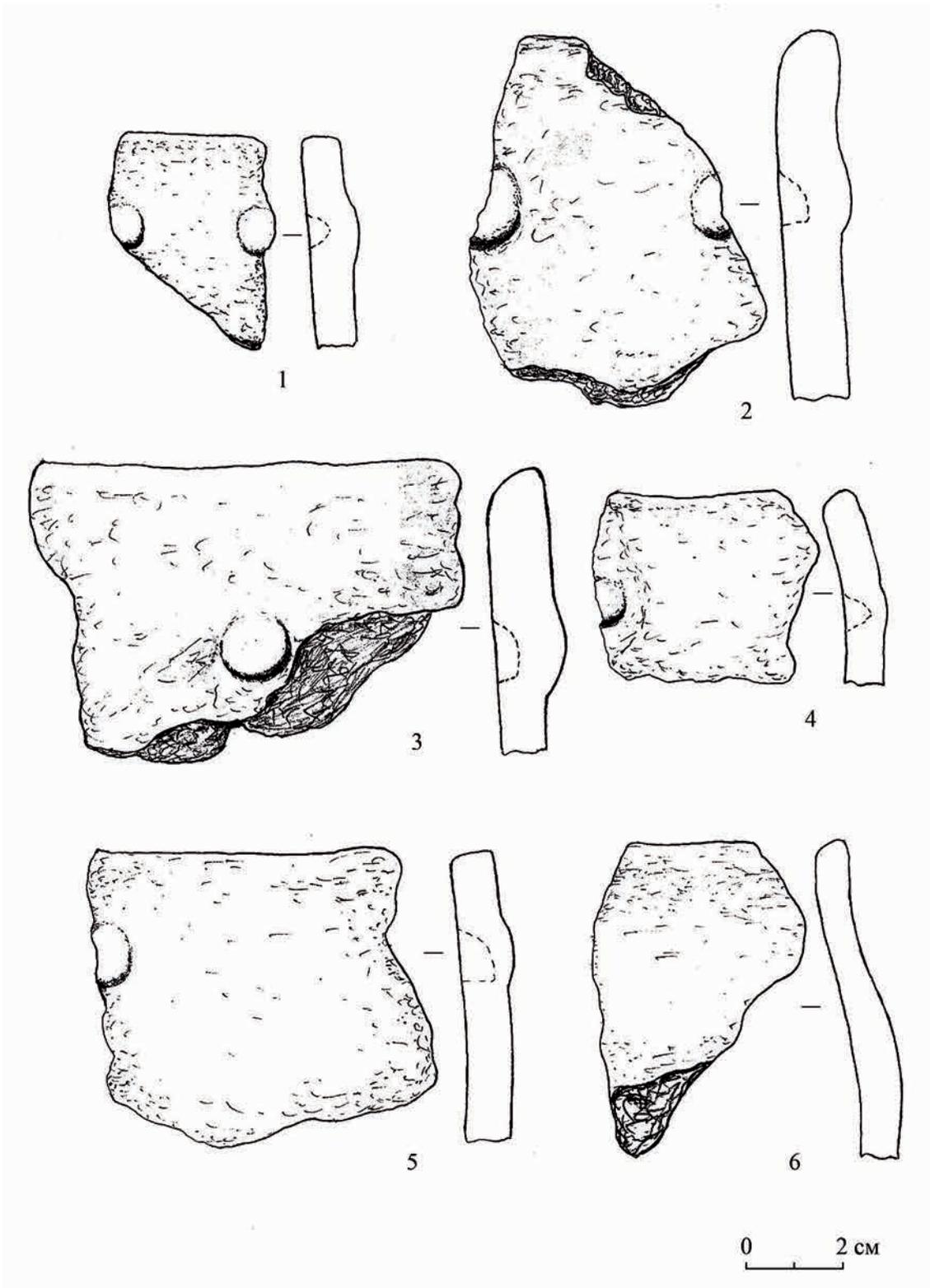

Рис. 27. Поселение Едрей-1. Керамика

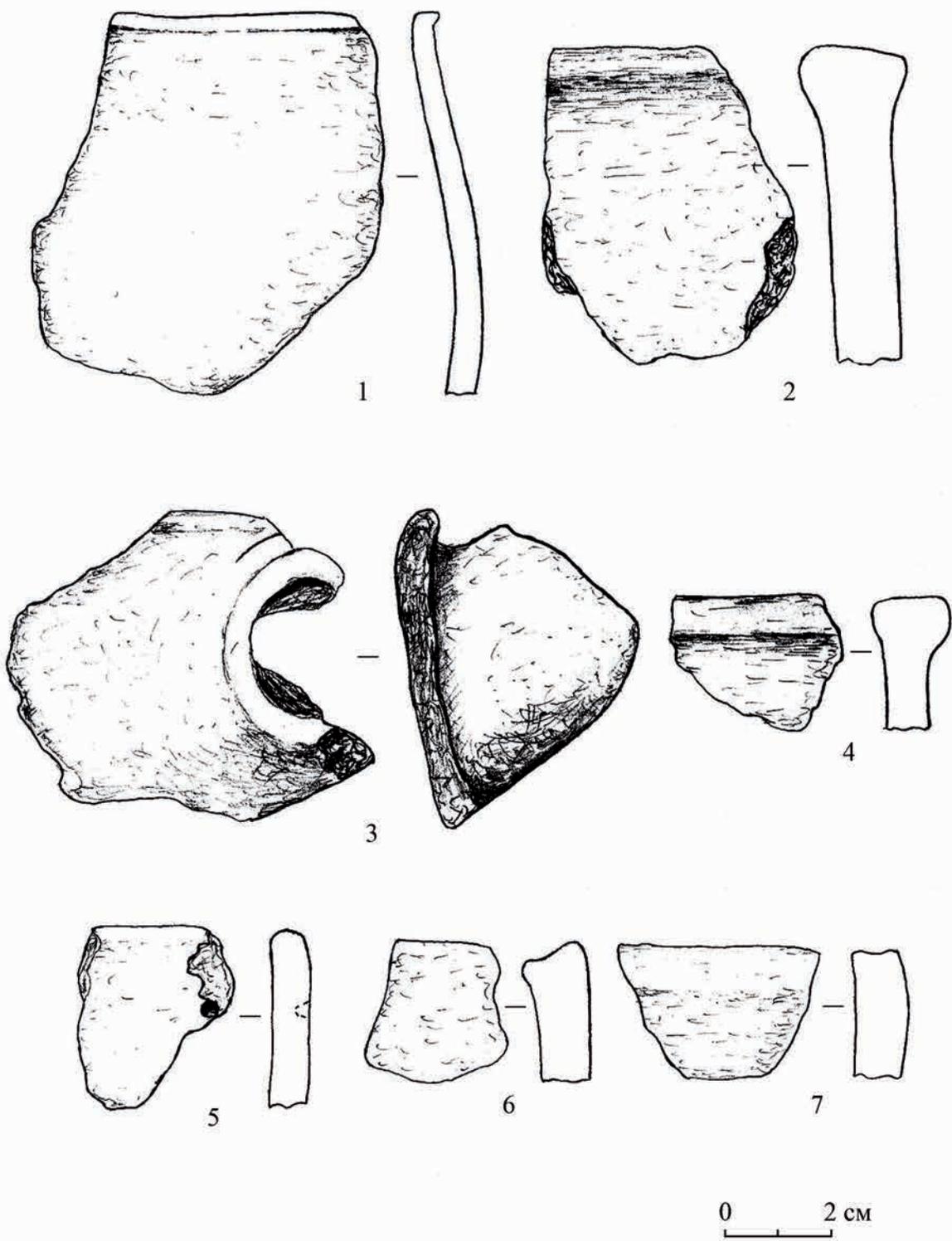

Рис. 28. Поселение Едрей-1. Керамика

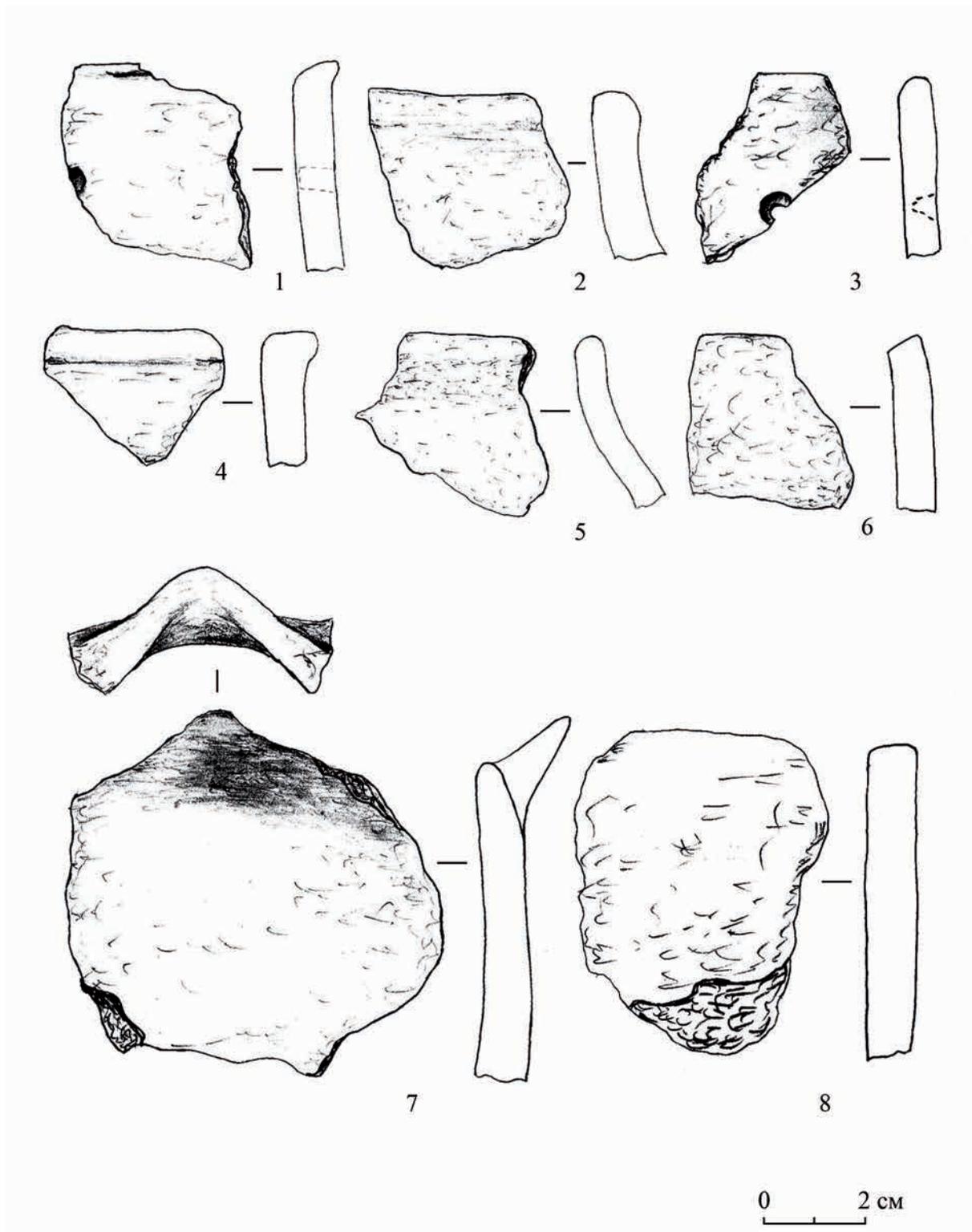

Рис. 29. Поселение Едрей-1. Керамика

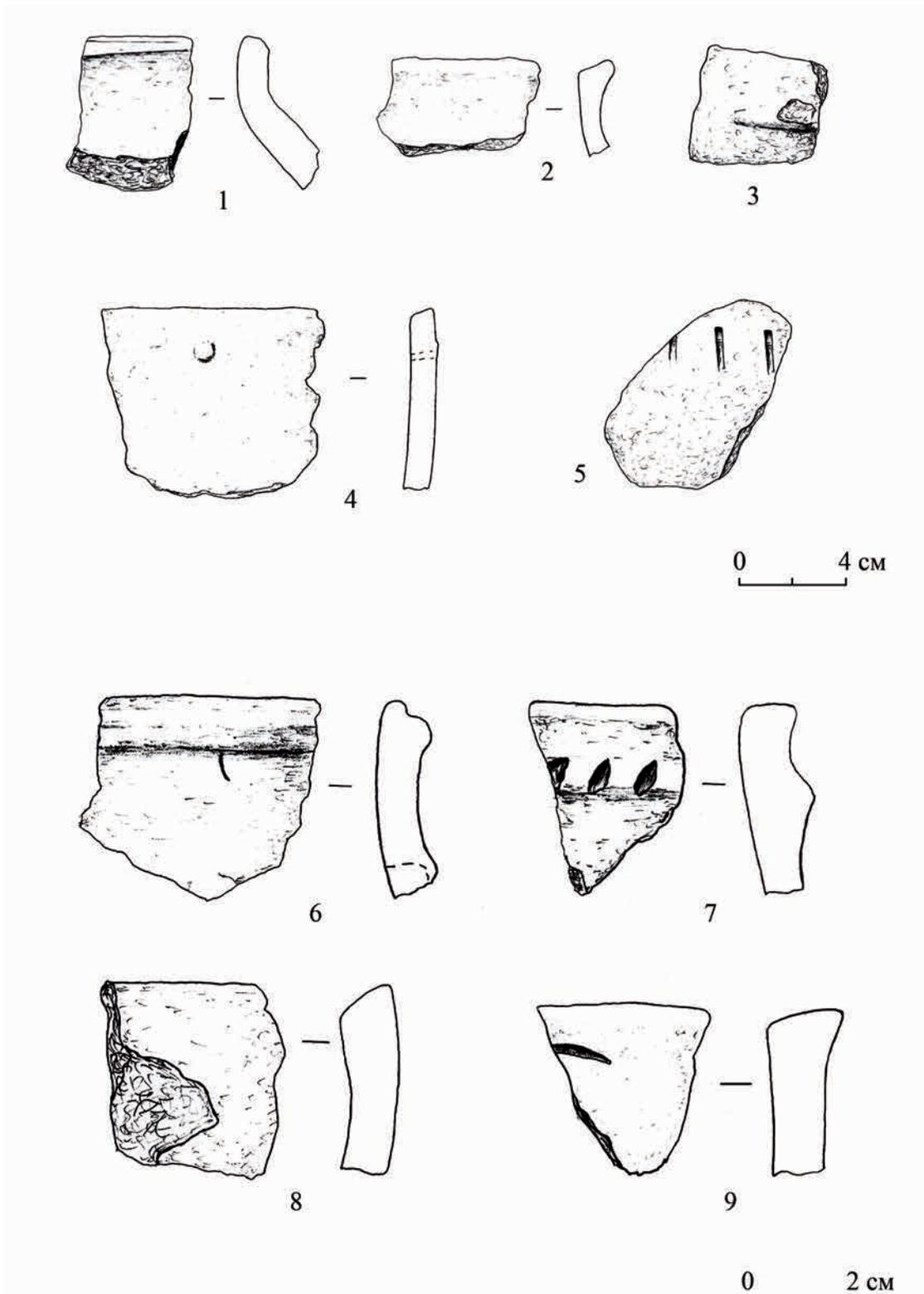

Рис. 30. Поселение Едрей-1. Керамика

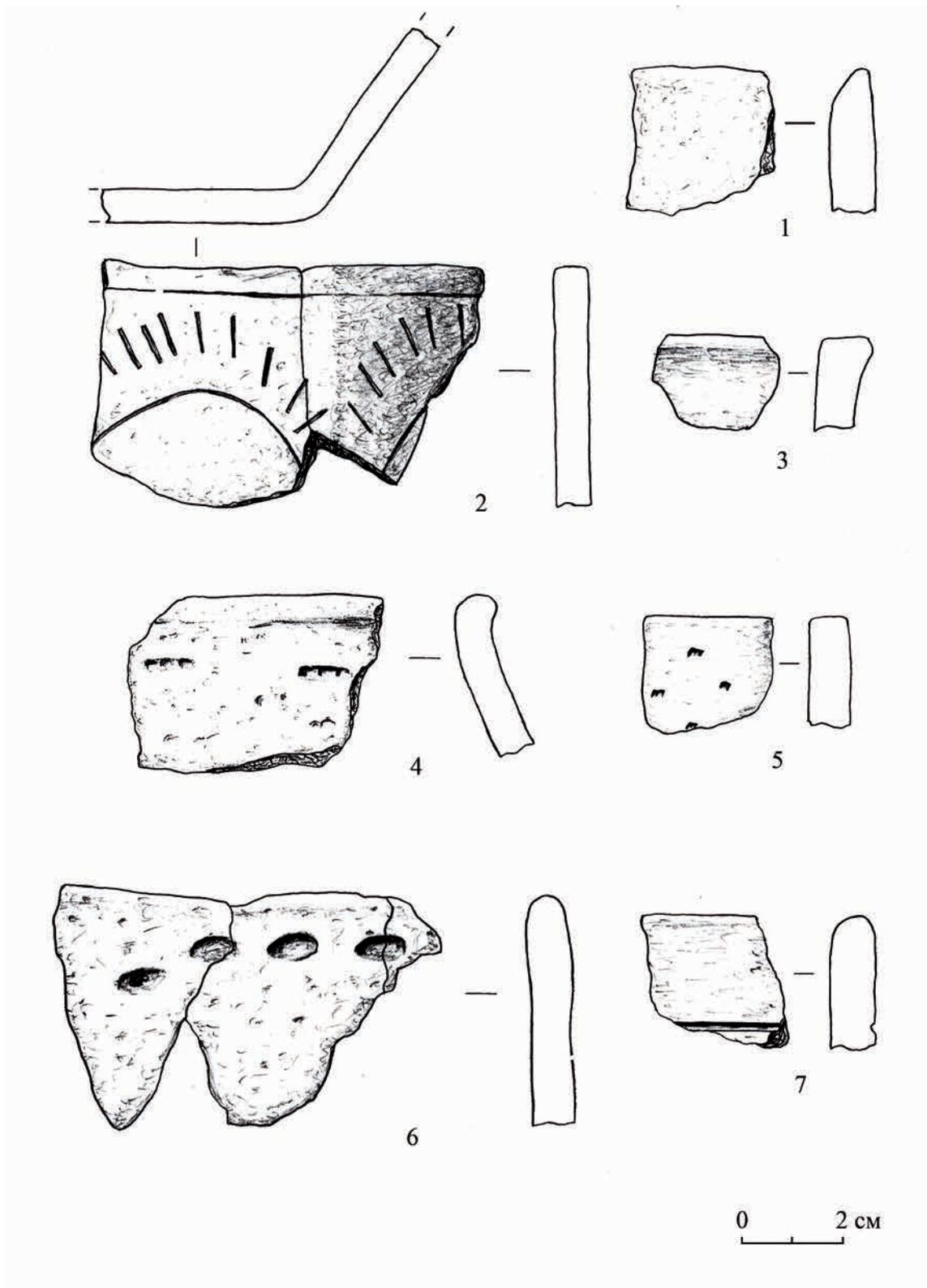

Рис. 31. Поселение Едрей-1. Керамика

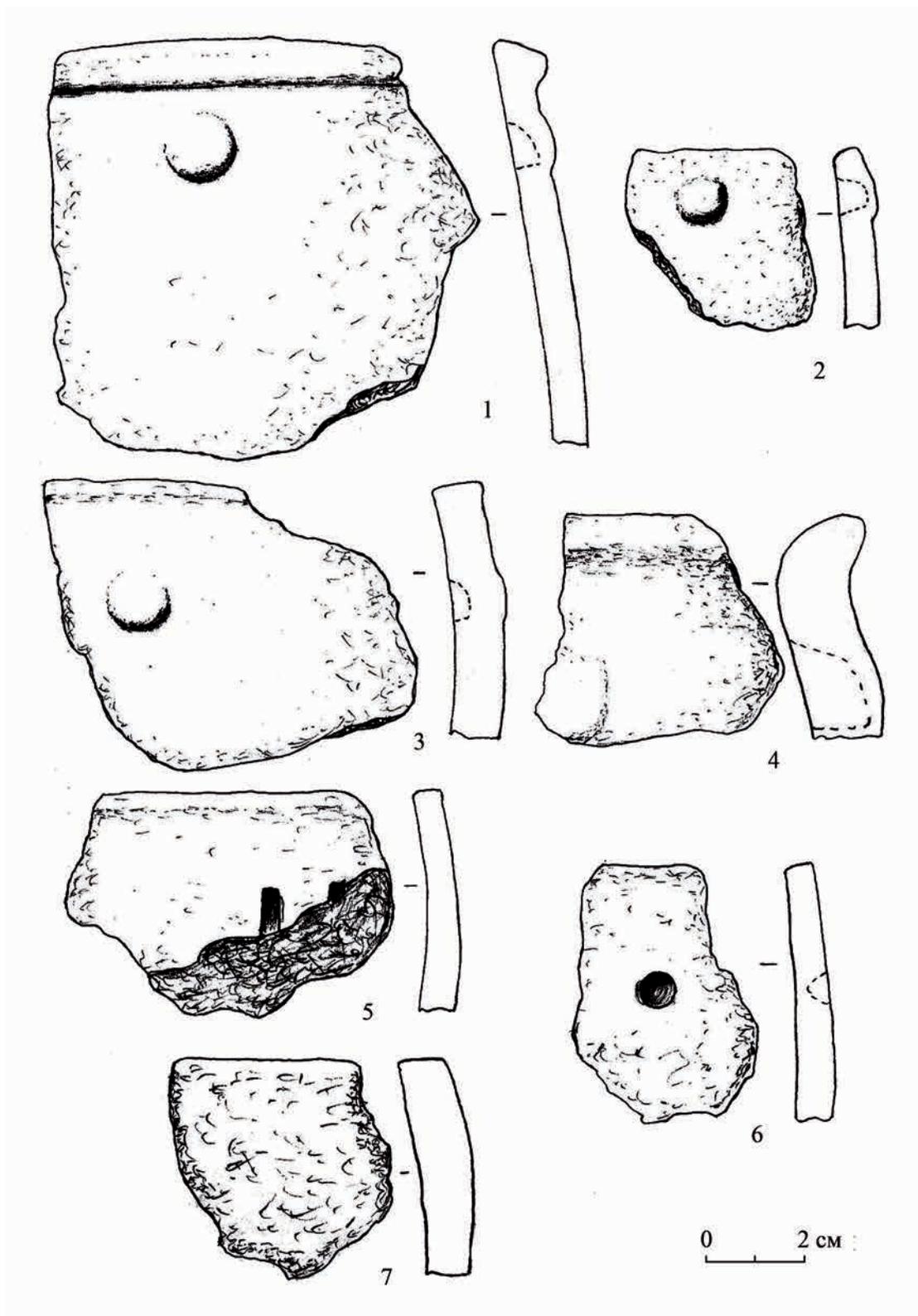

Рис. 32. Поселение Едрей-3. Керамика

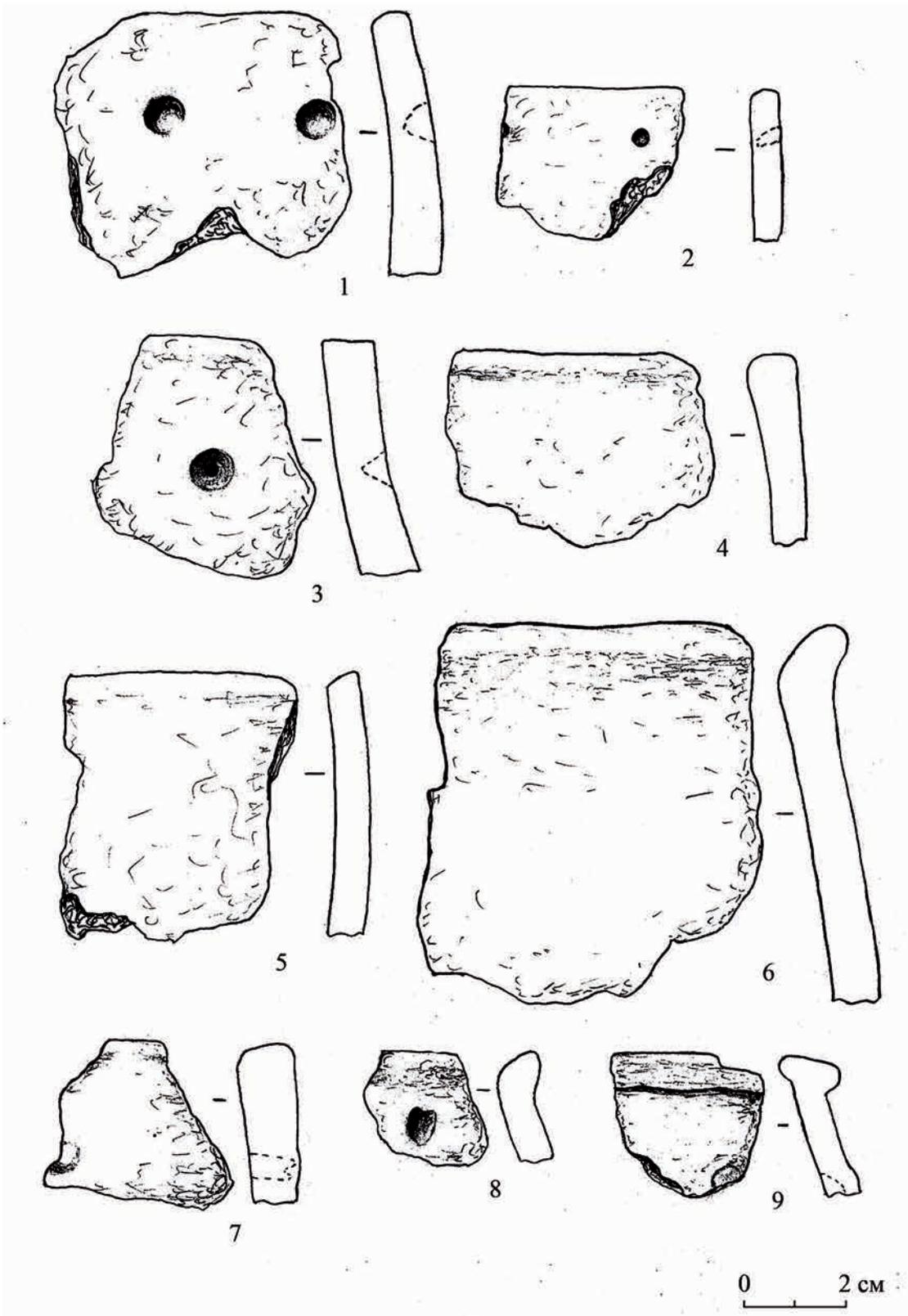

Рис. 33. Поселение Едрей-3. Керамика

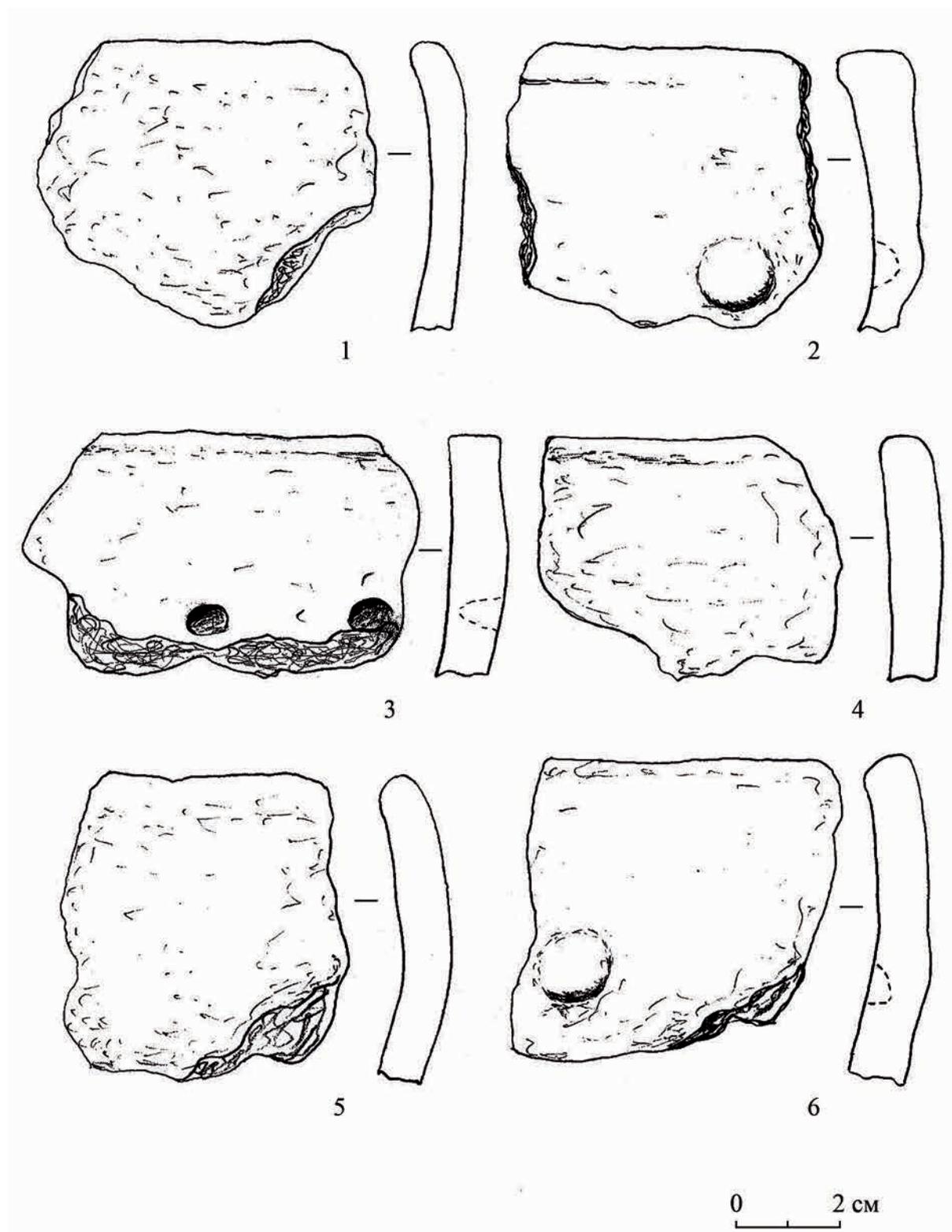

Рис. 34. Поселение Кергетас-2. Керамика

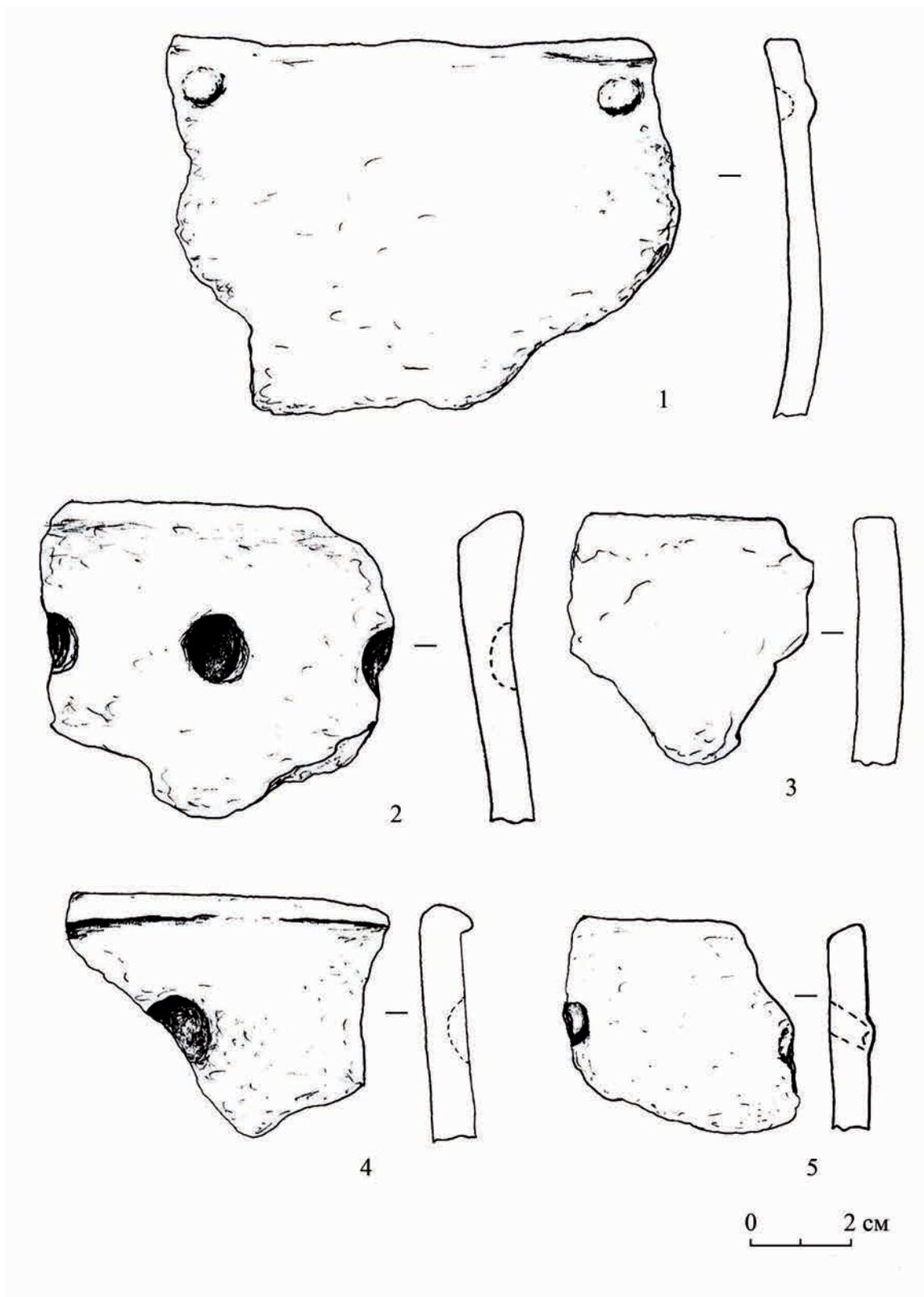

Рис. 35. Поселение Кергетас-2. Керамика

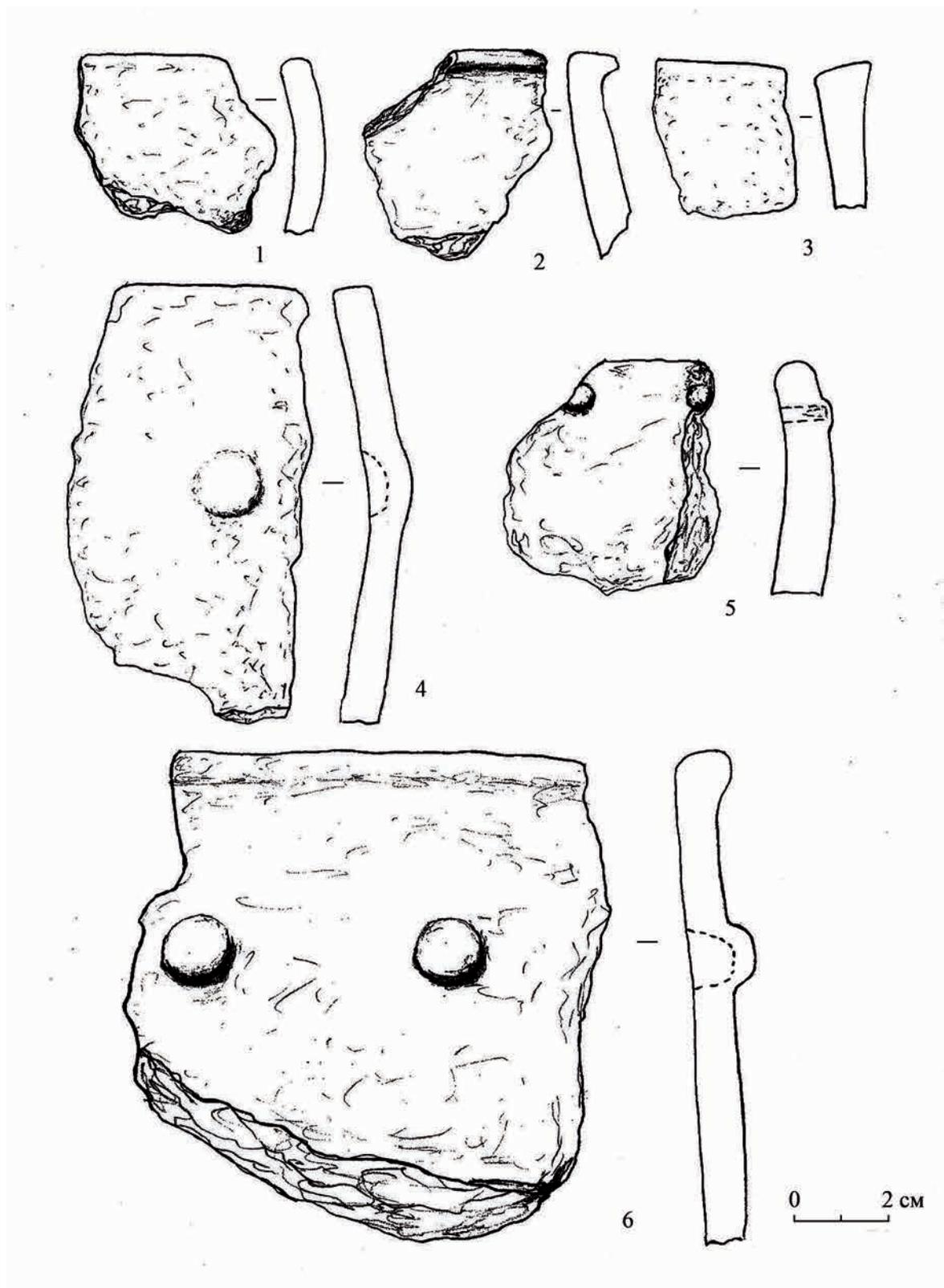

Рис. 36. Поселение Кергетас-2. Керамика

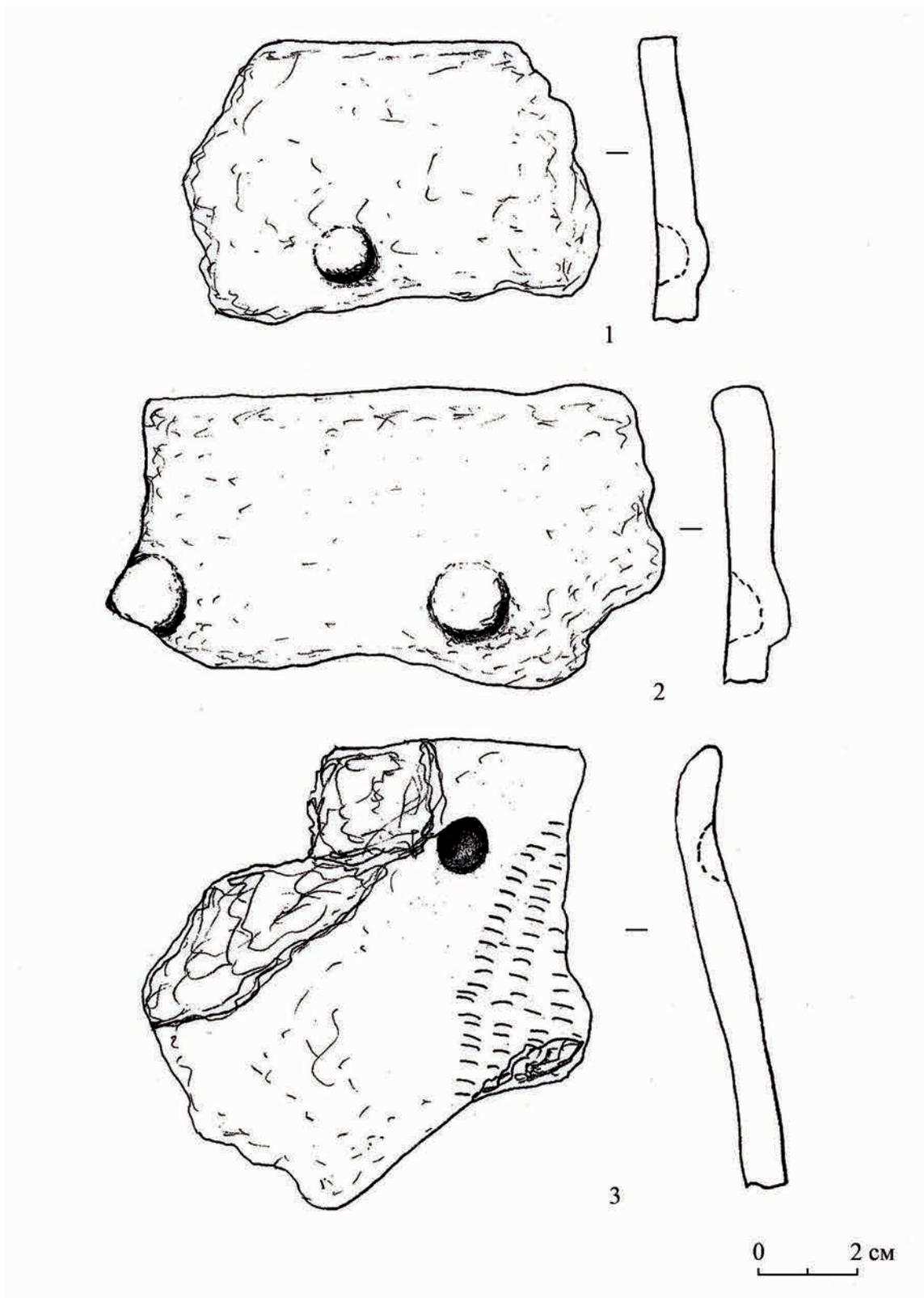

Рис. 37. Поселение Кергетас-2. Керамика

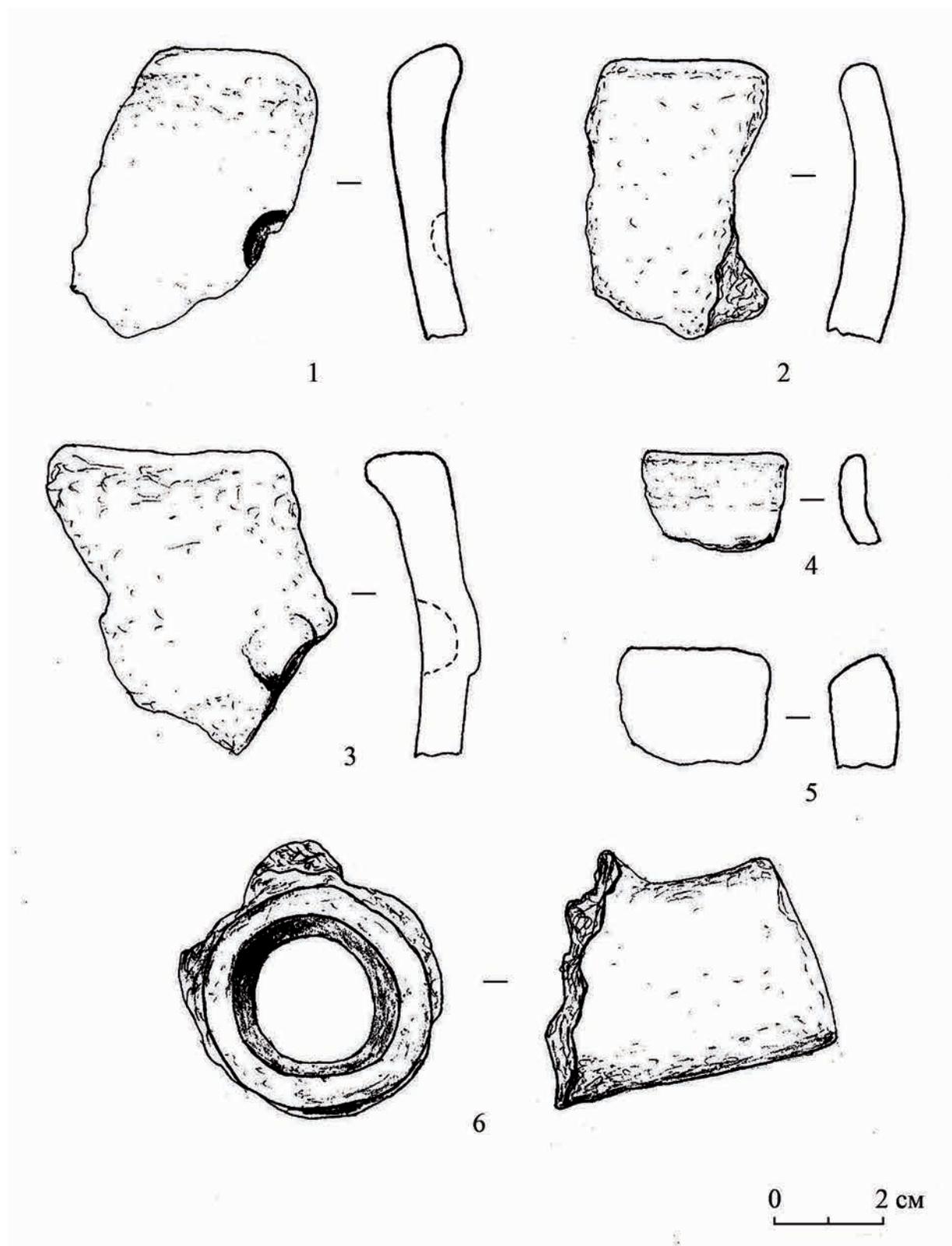

Рис. 38. Поселение Кергетас-2. Керамика

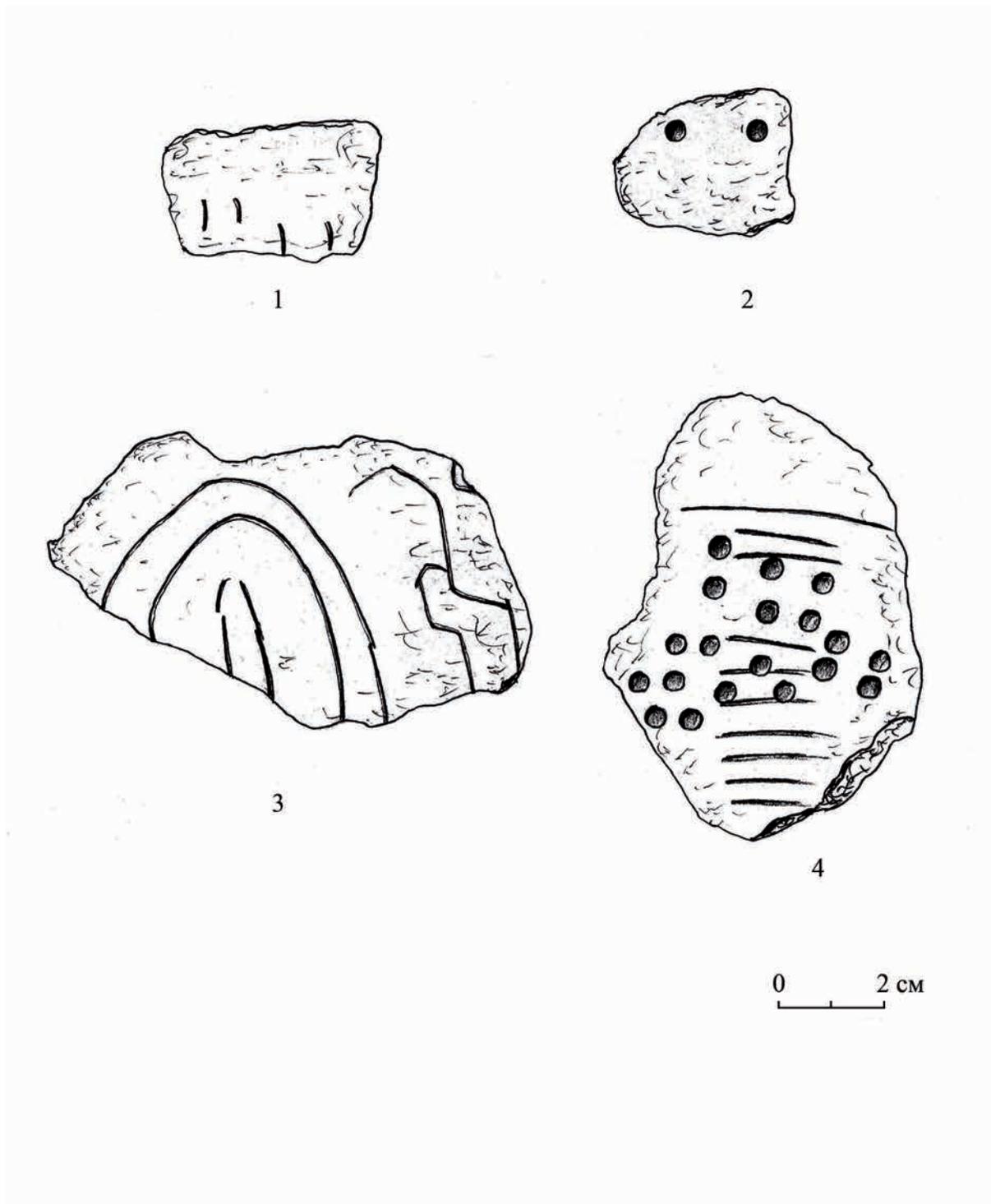

Рис. 39. Поселение Кергетас-2. Керамика

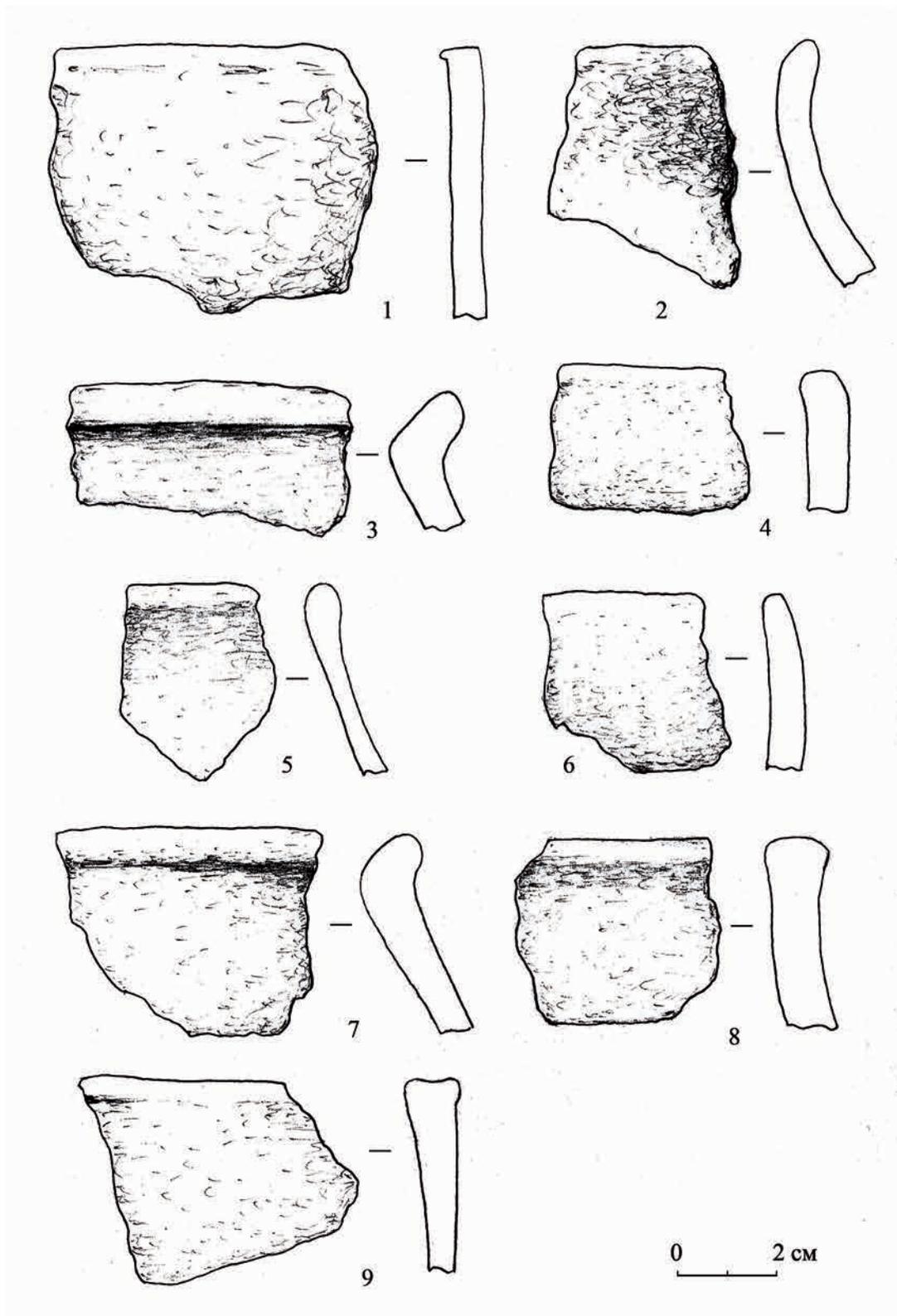

Рис. 40. Поселение Кызылсуур-2. Керамика

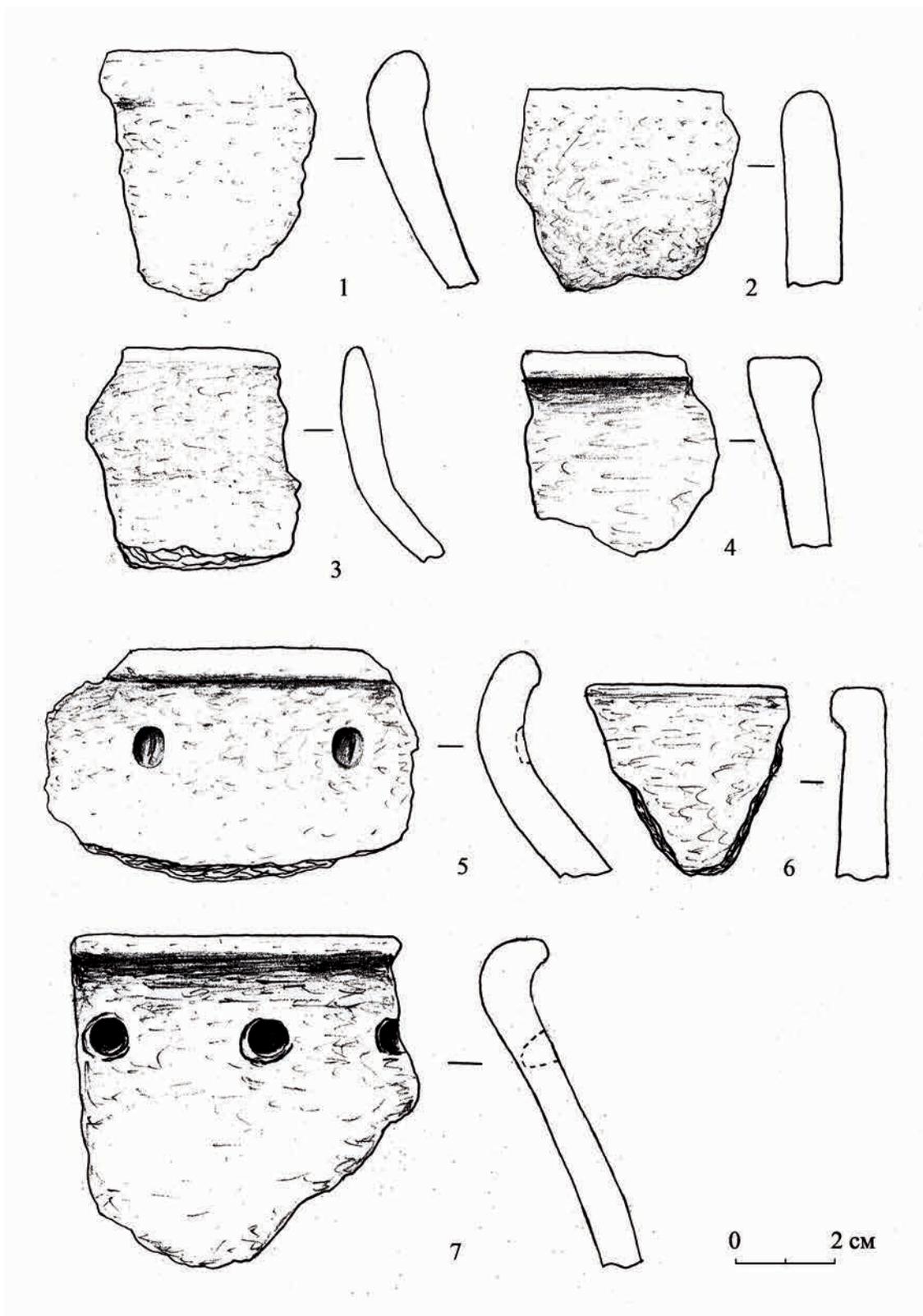

Рис. 41. Поселение Кызылсуур-2. Керамика

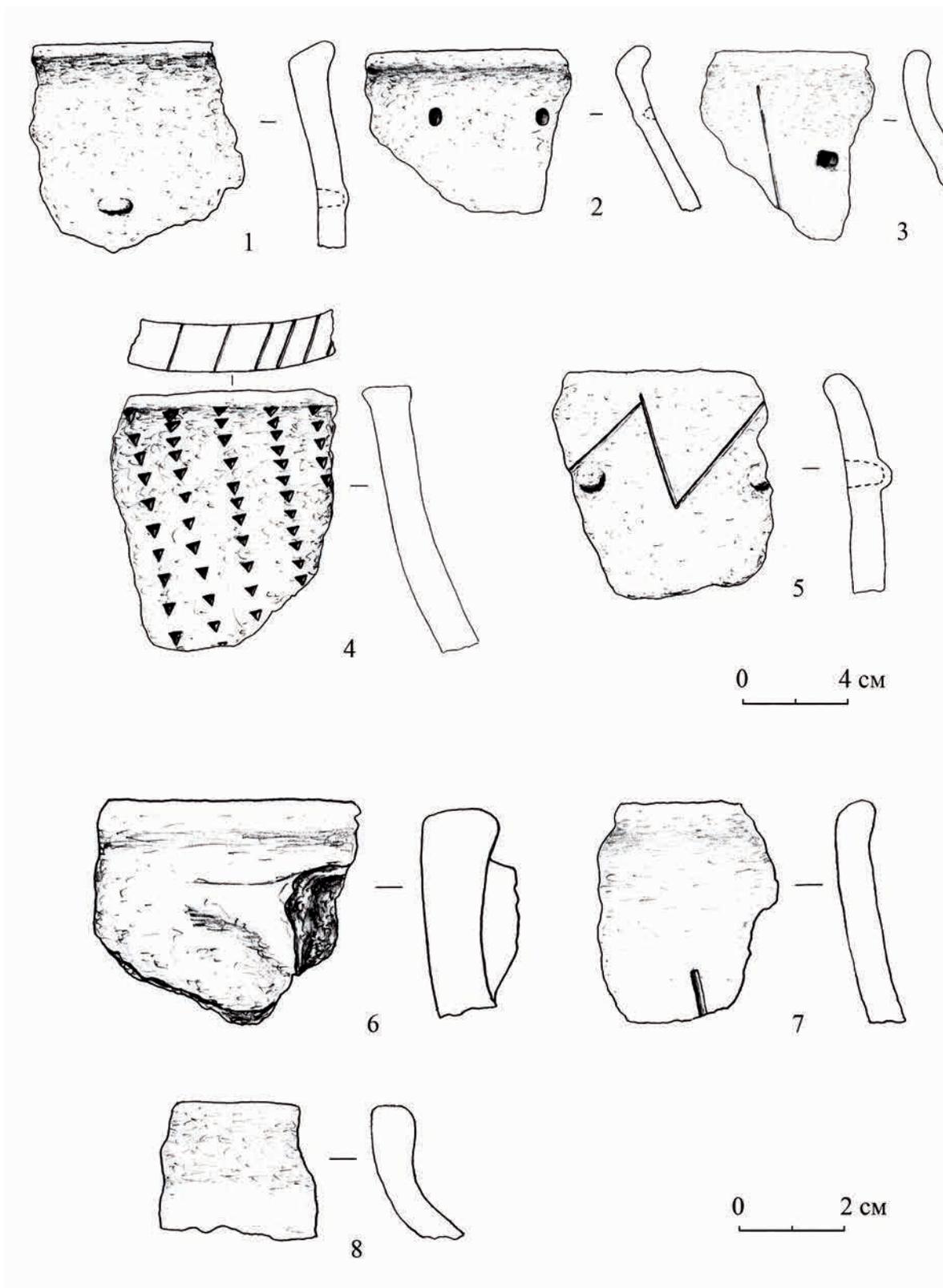

Рис. 42. Поселение Кызылсуир-2. Керамика

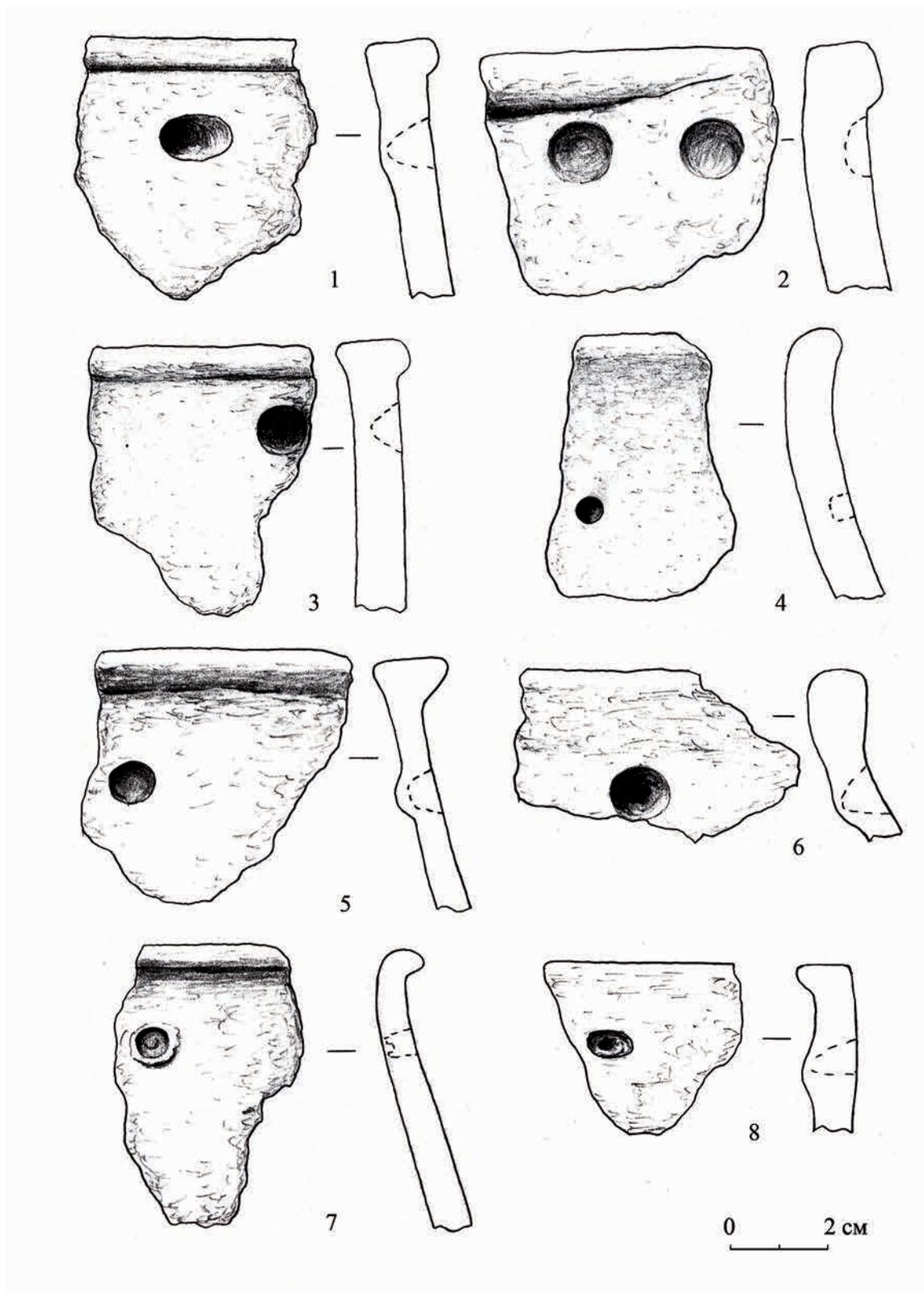

Рис. 43. Поселение Кызылсуур-2. Керамика

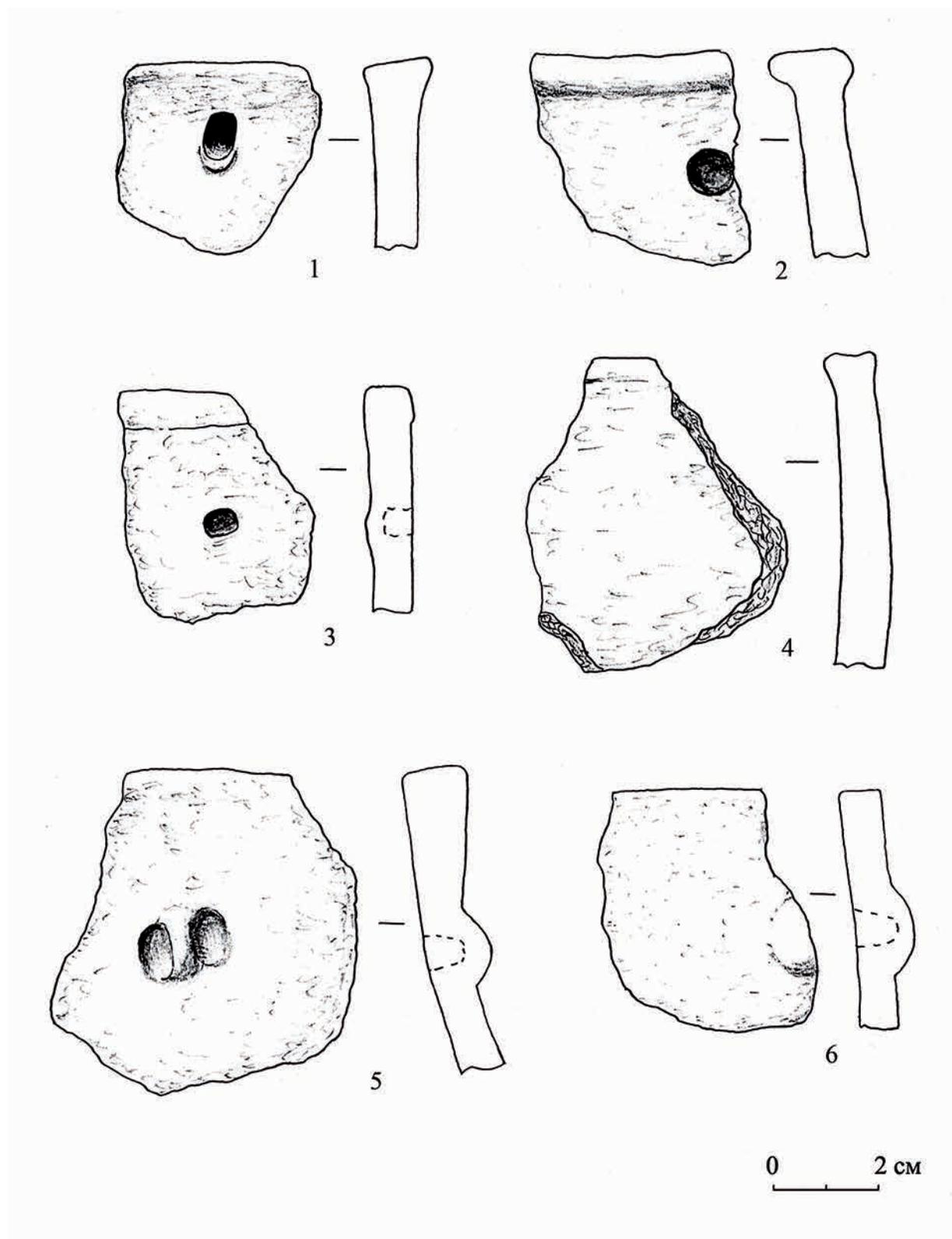

Рис. 44. Поселение Кызылсуур-2. Керамика

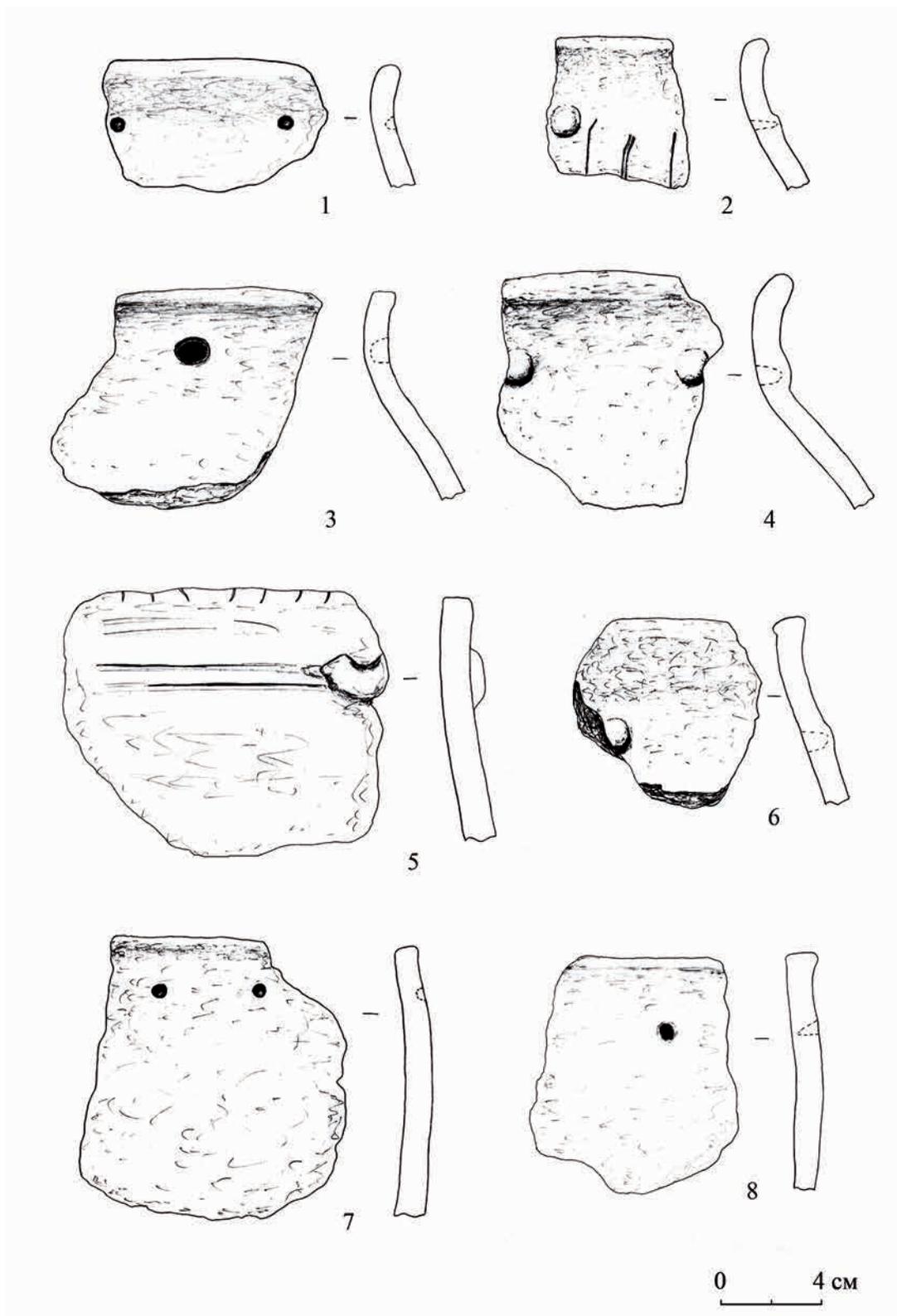

Рис. 45. Поселение Сарыбуйрат. Керамика

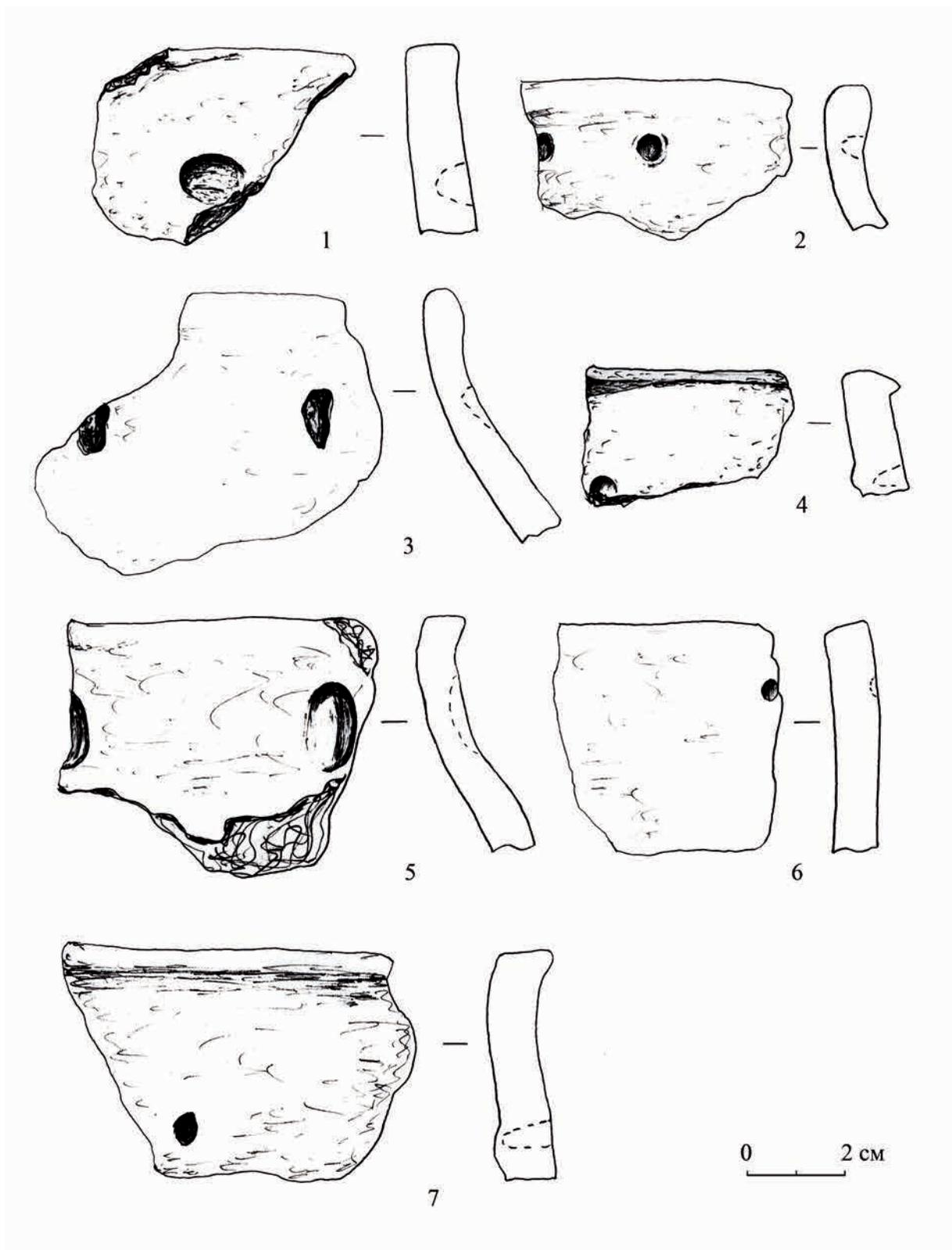

Рис. 46. Поселение Сарыбуйрат. Керамика

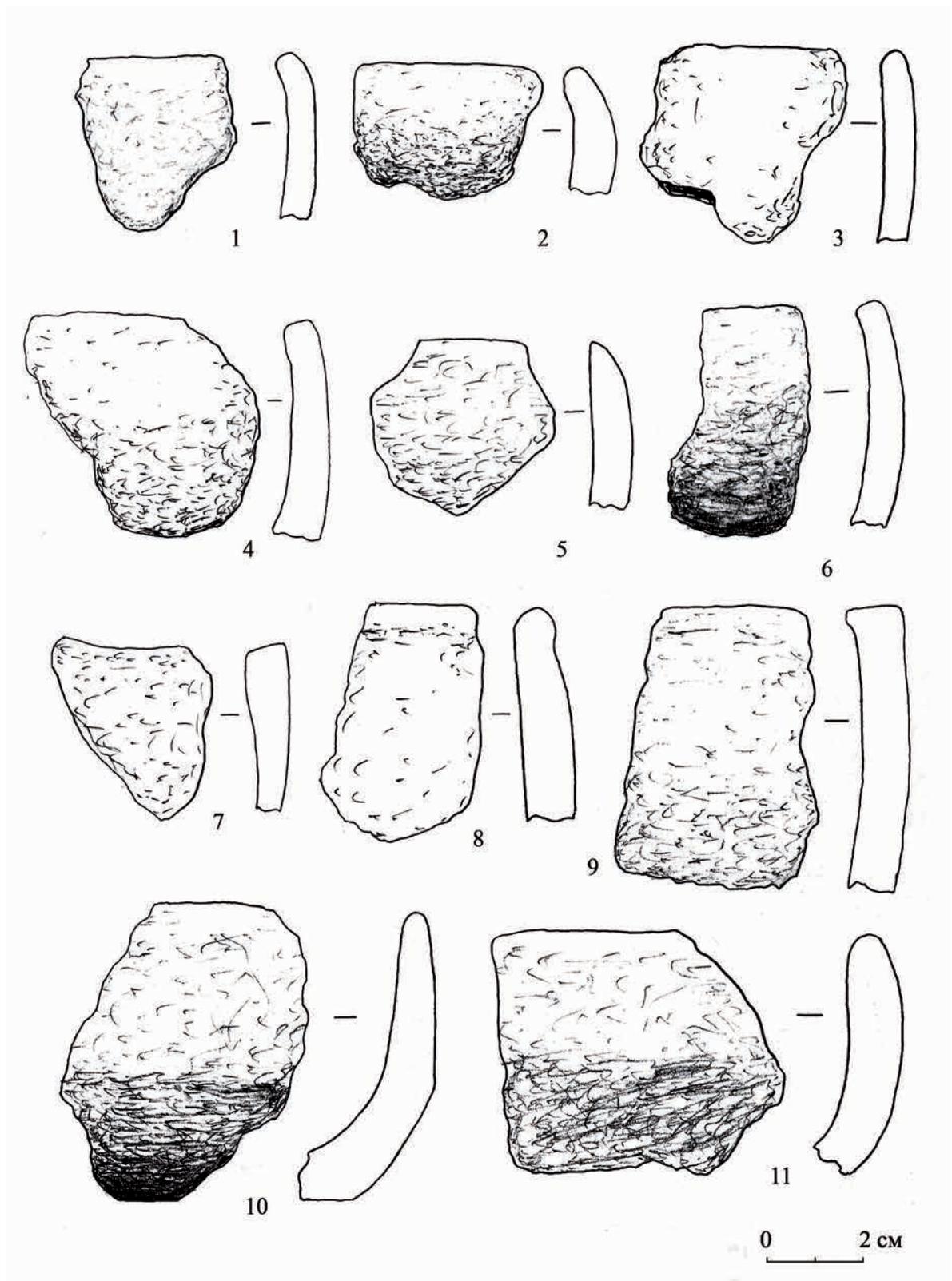

Рис. 47. Поселение Сарыбуғрат. Керамика

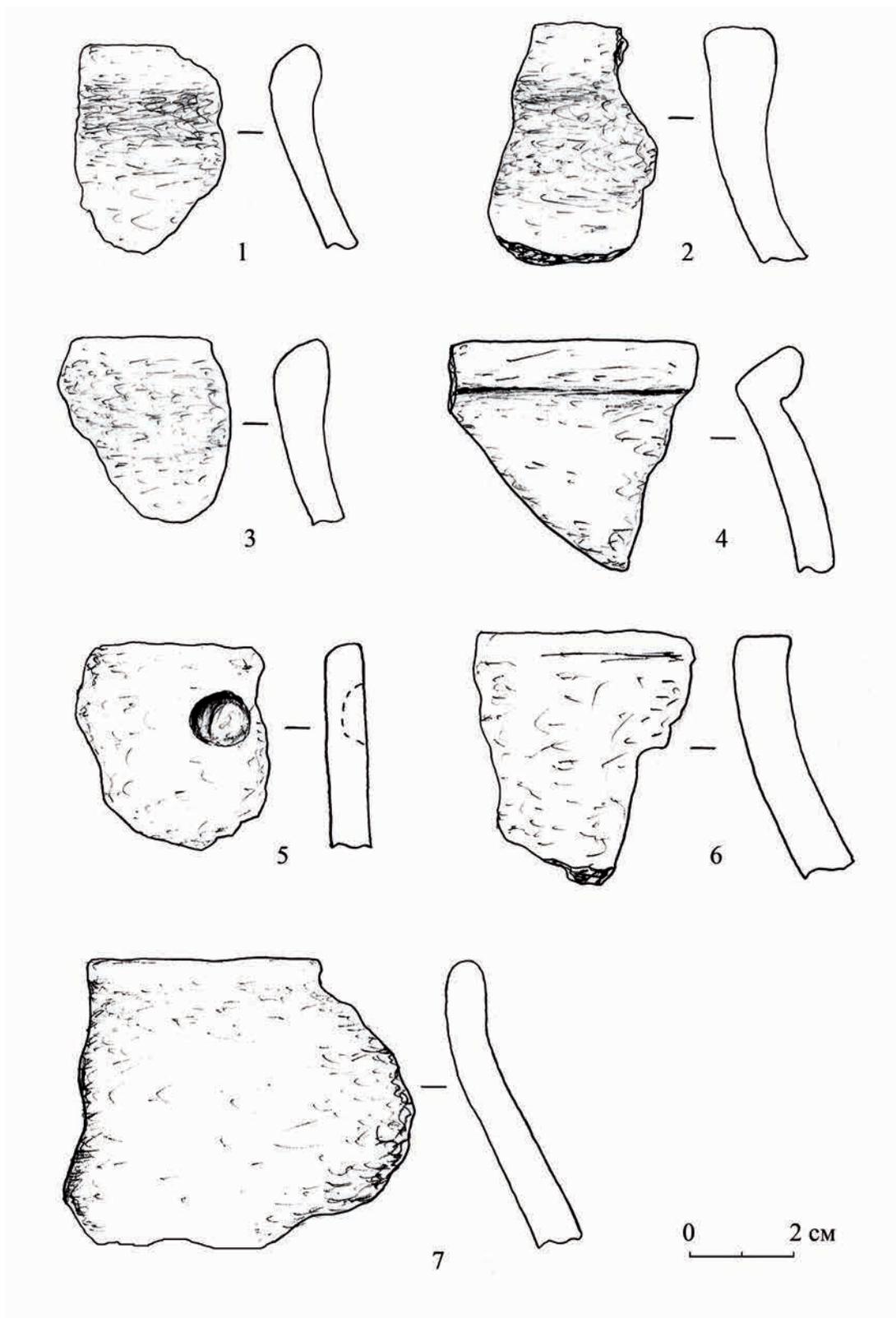

Рис. 48. Поселение Сарыбуйрат. Керамика

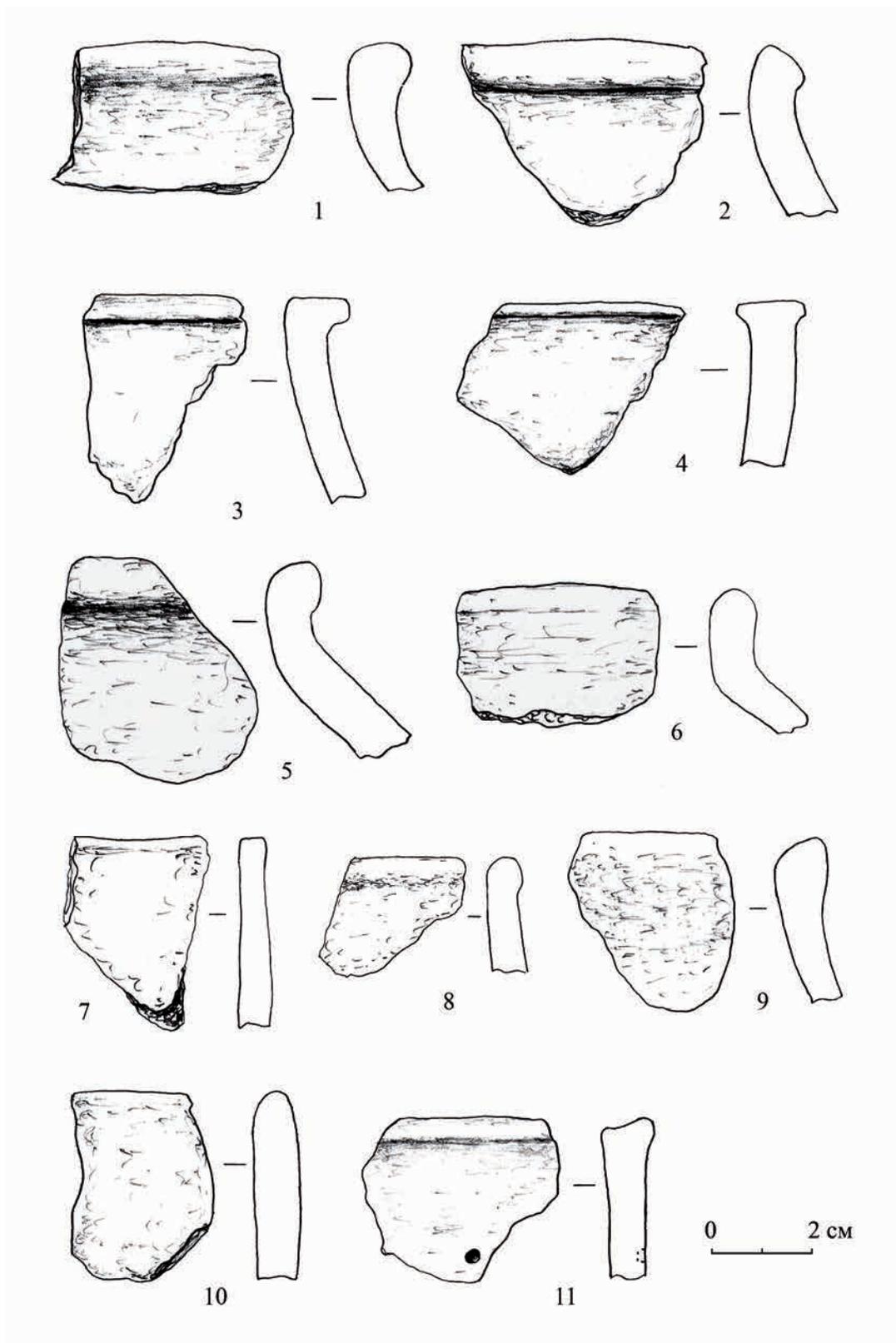

Рис. 49. Поселение Сарыбуғрат. Керамика

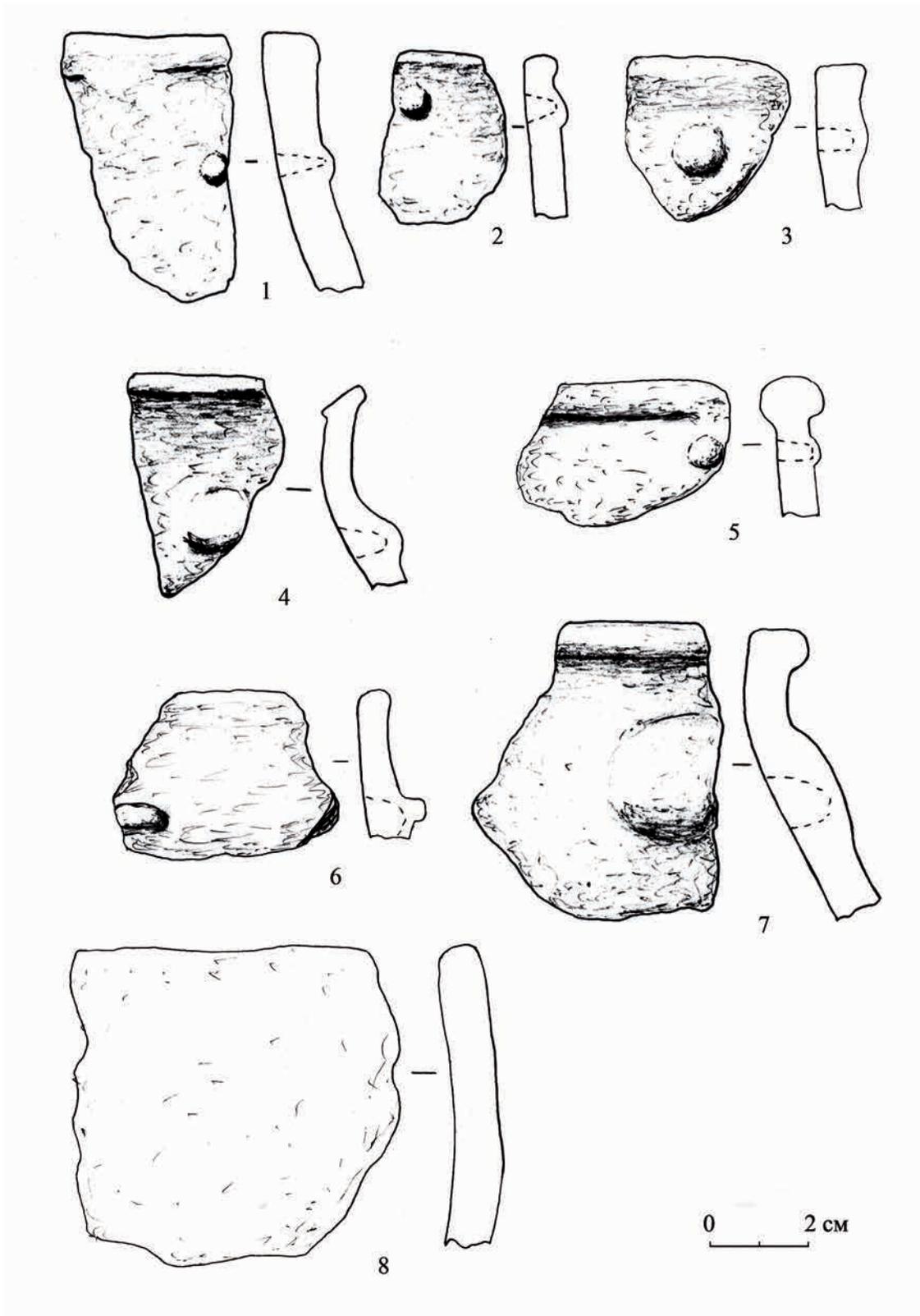

Рис. 50. Поселение Сарыбуйрат. Керамика

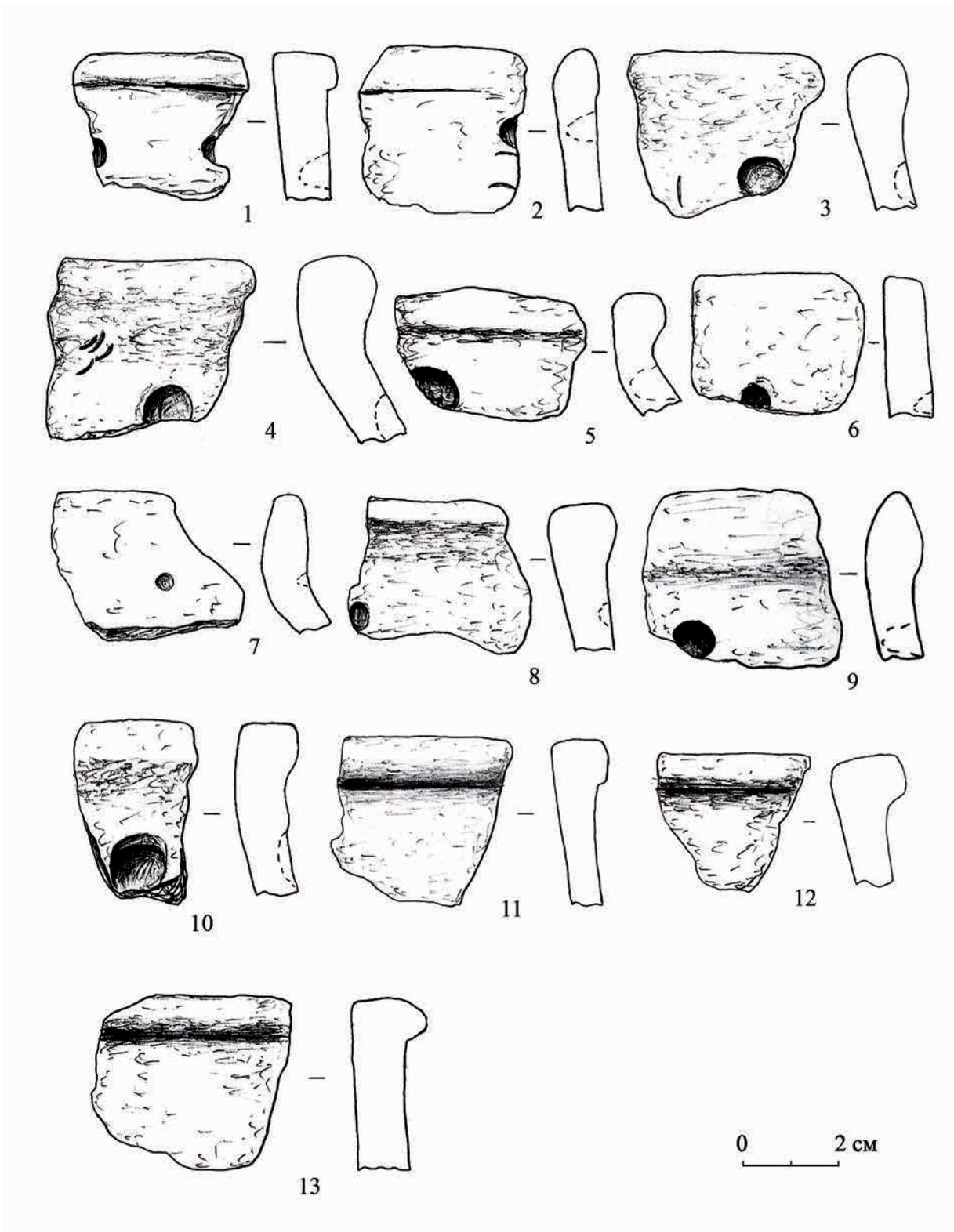

Рис. 51. Поселение Сарыбуйрат. Керамика

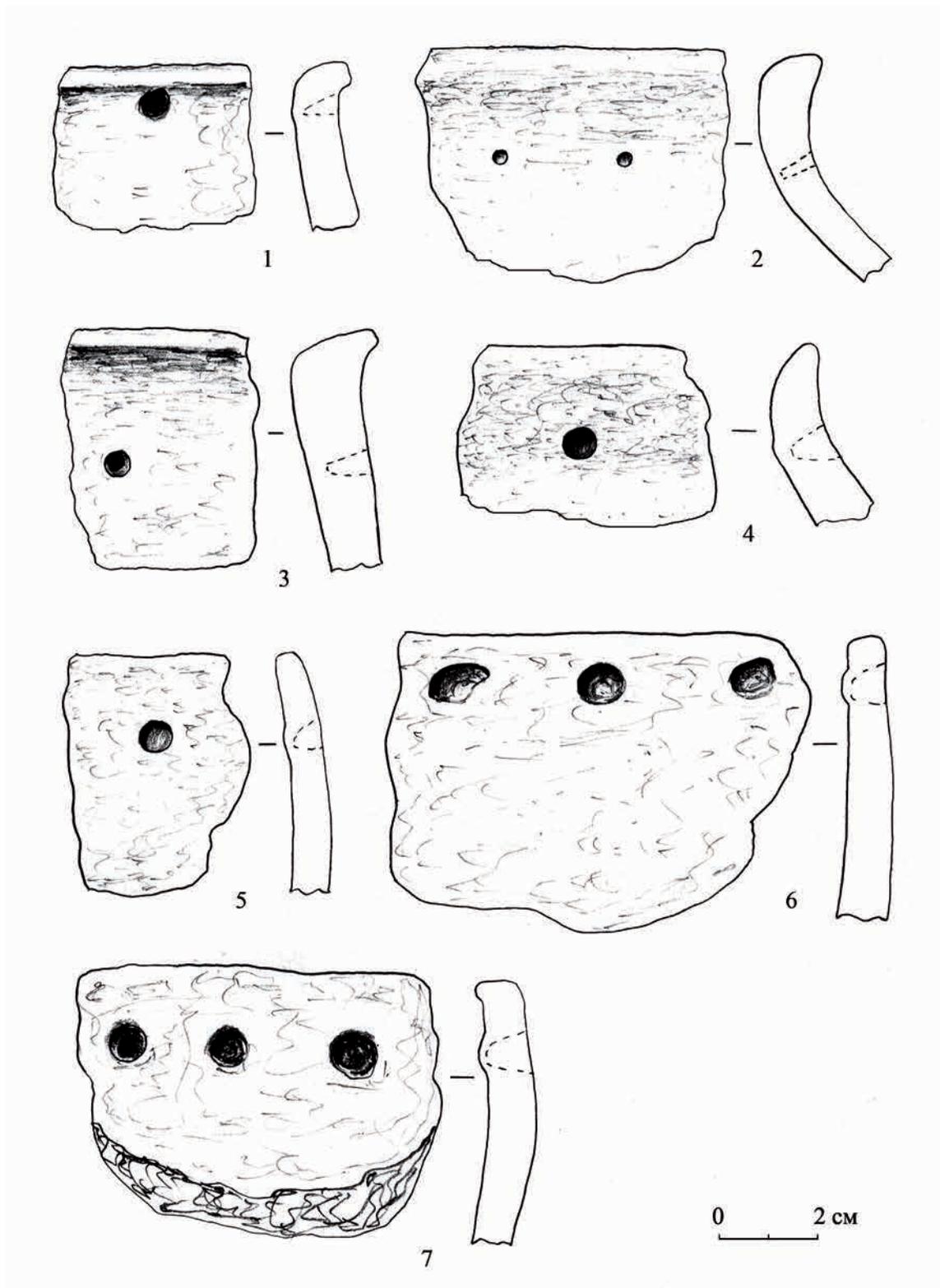

Рис. 52. Поселение Сарыбуйрат. Керамика

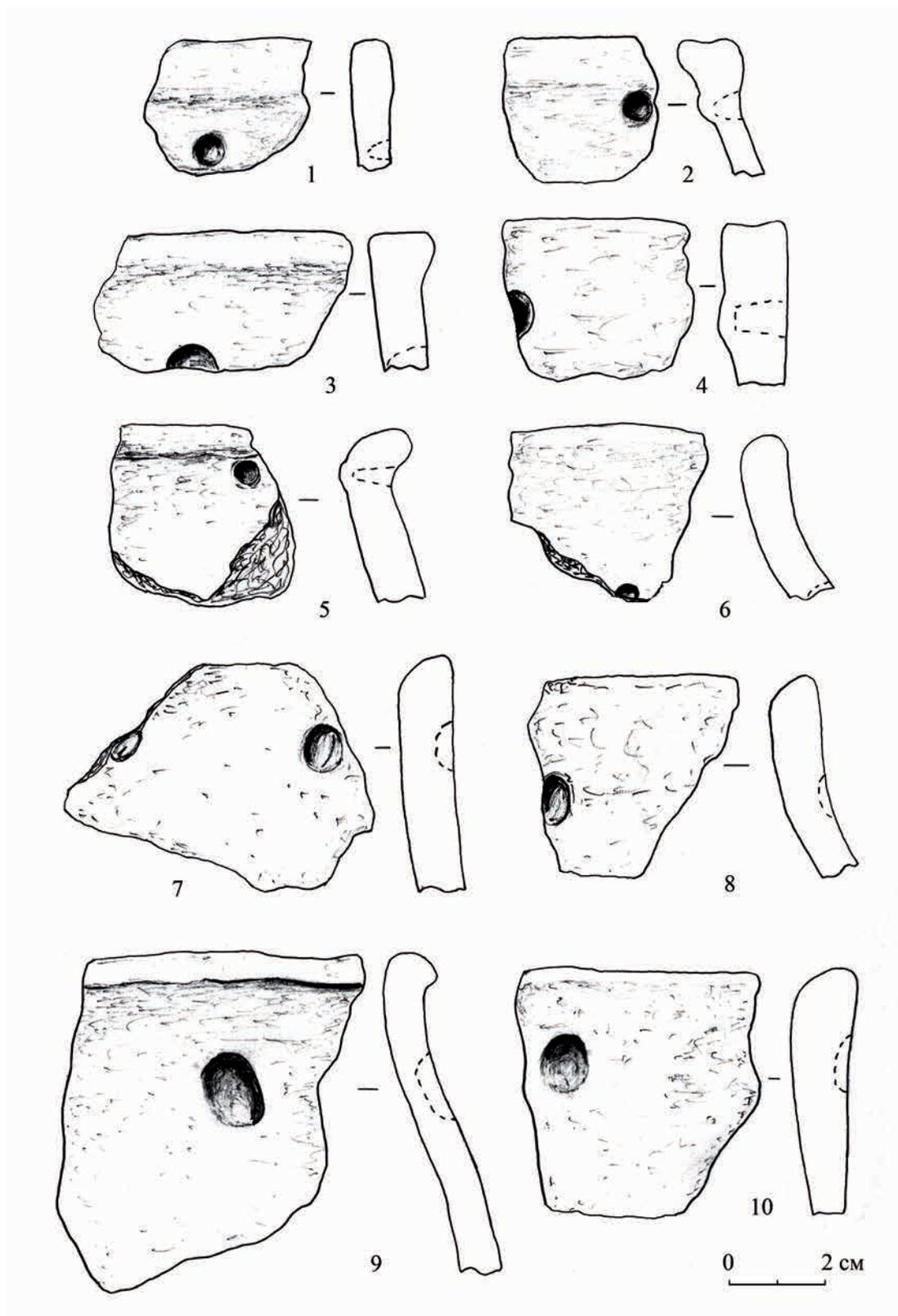

Рис. 53. Поселение Сарыбуйрат. Керамика

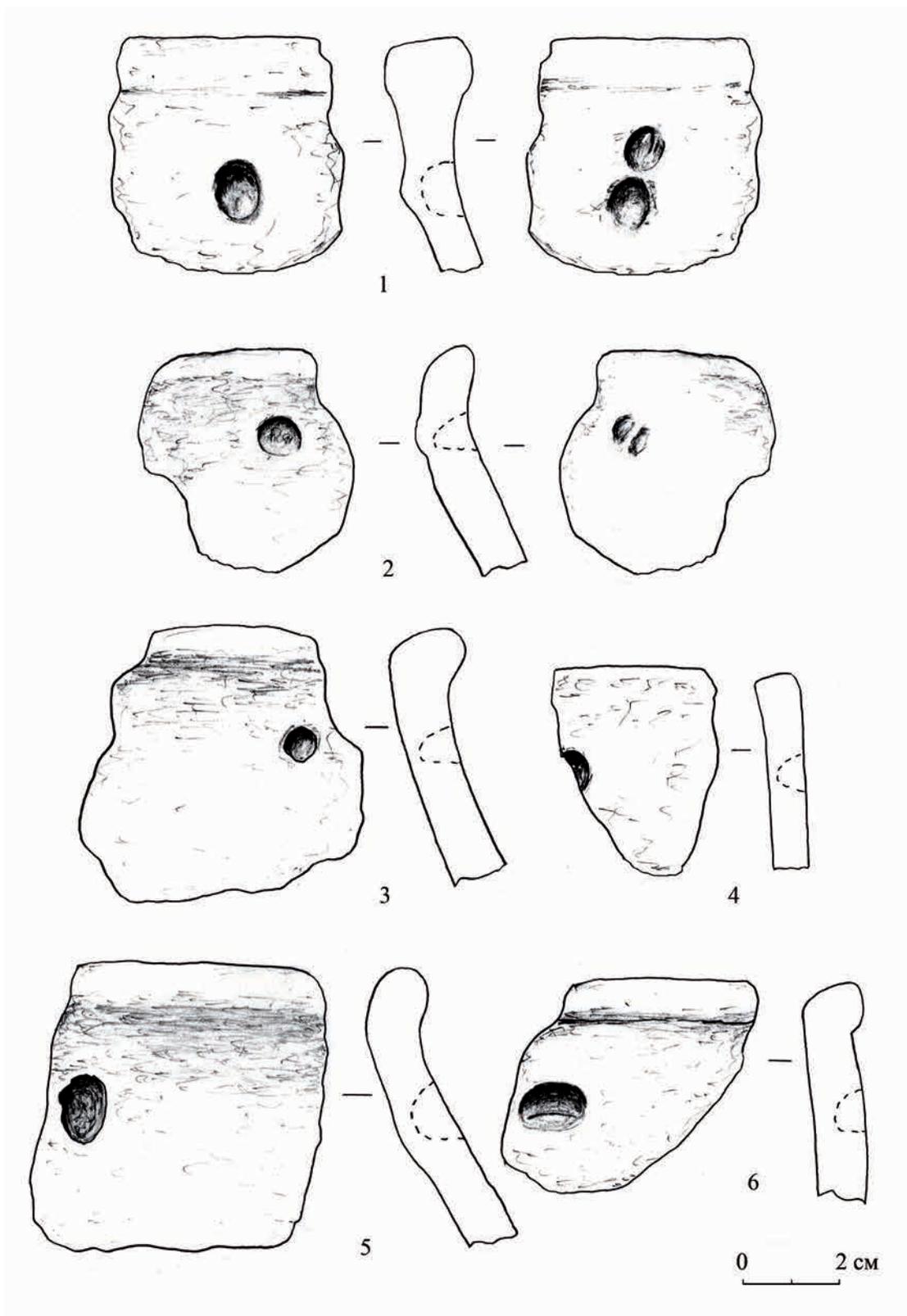

Рис. 54. Поселение Сарыбуйрат. Керамика

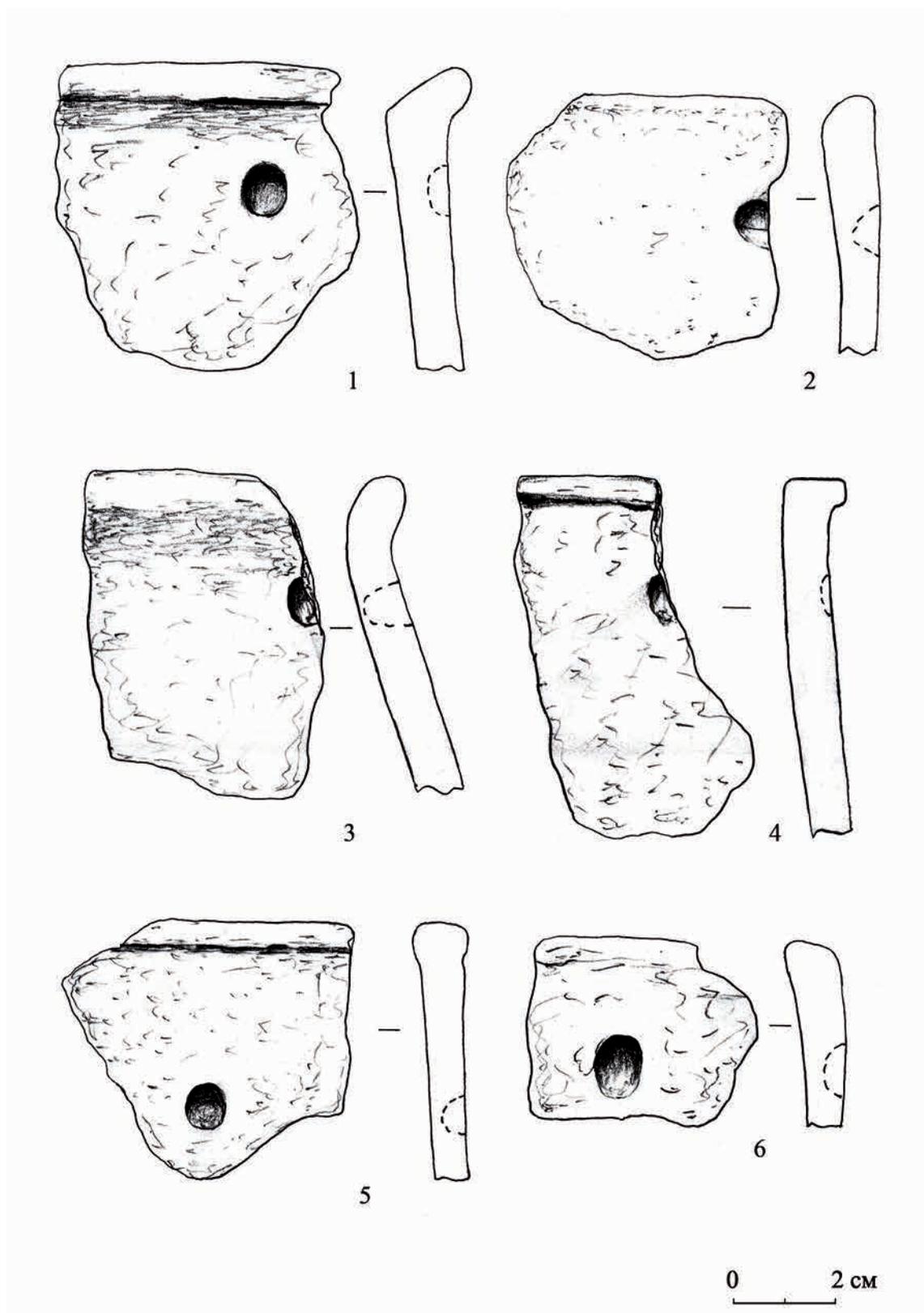

Рис. 55. Поселение Сарыбуйрат. Керамика

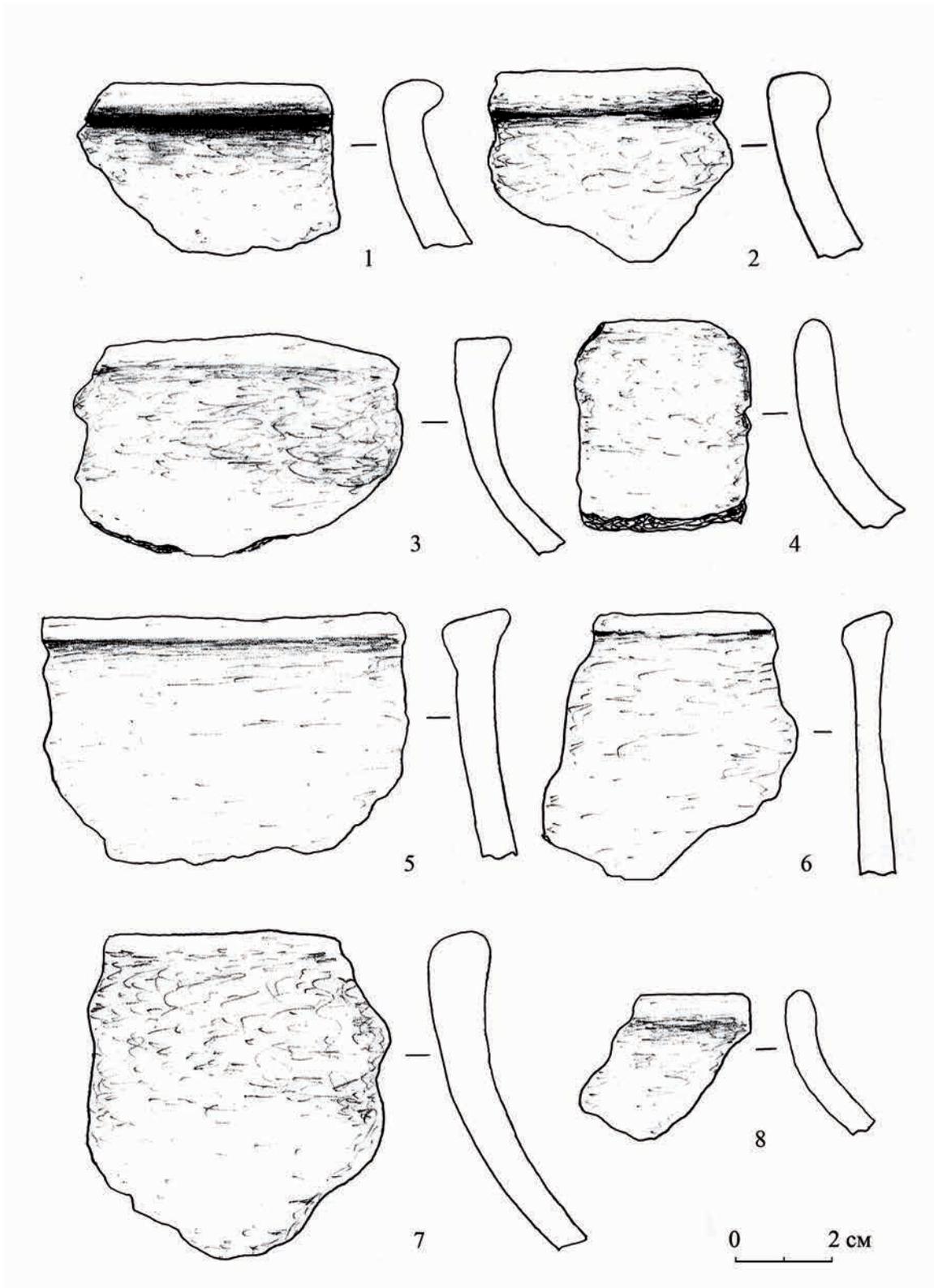

Рис. 56. Поселение Сарыбуьрат. Керамика

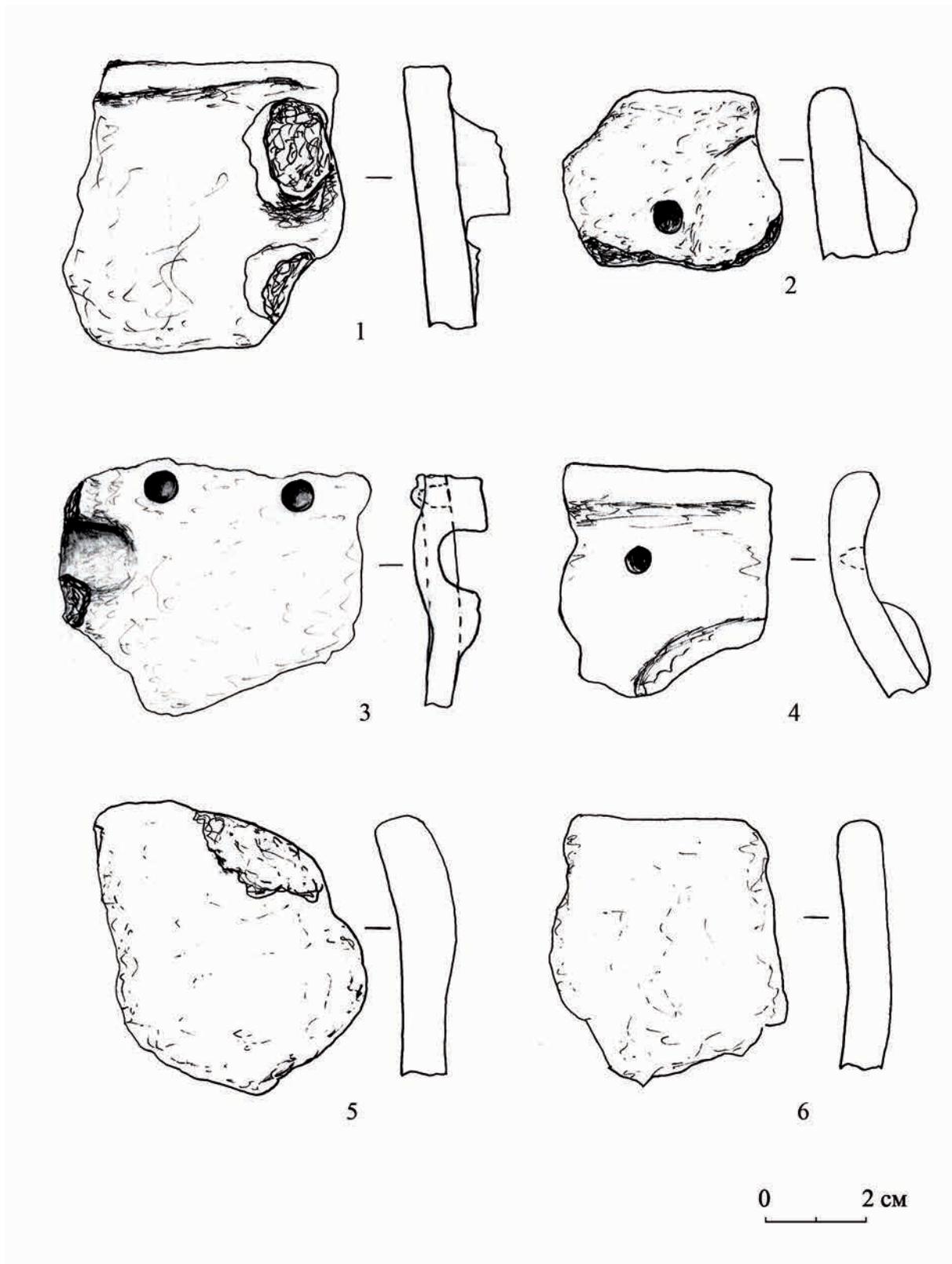

Рис. 57. Поселение Сарыбуйрат. Керамика

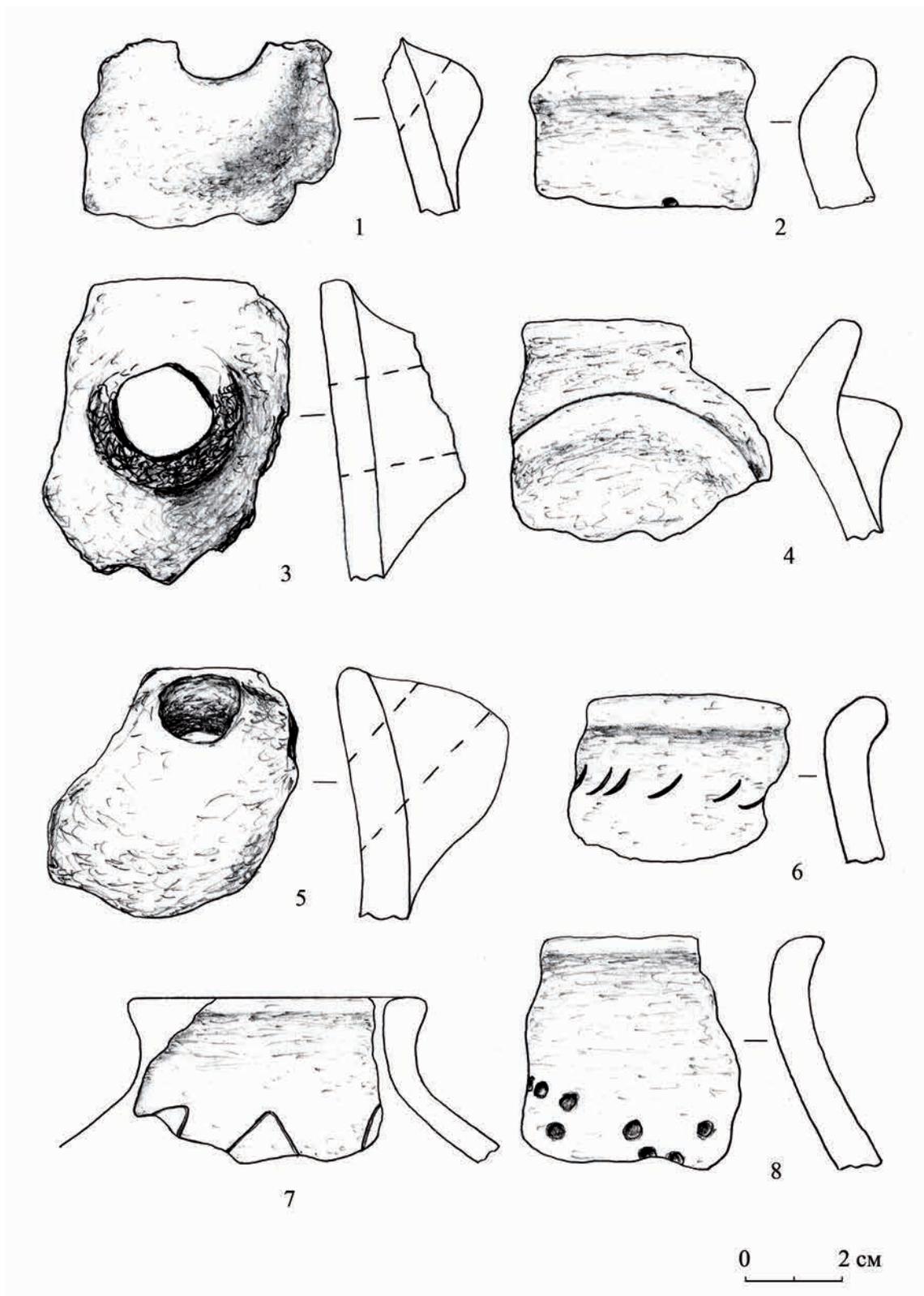

Рис. 58. Поселение Сарыбуғрат. Керамика

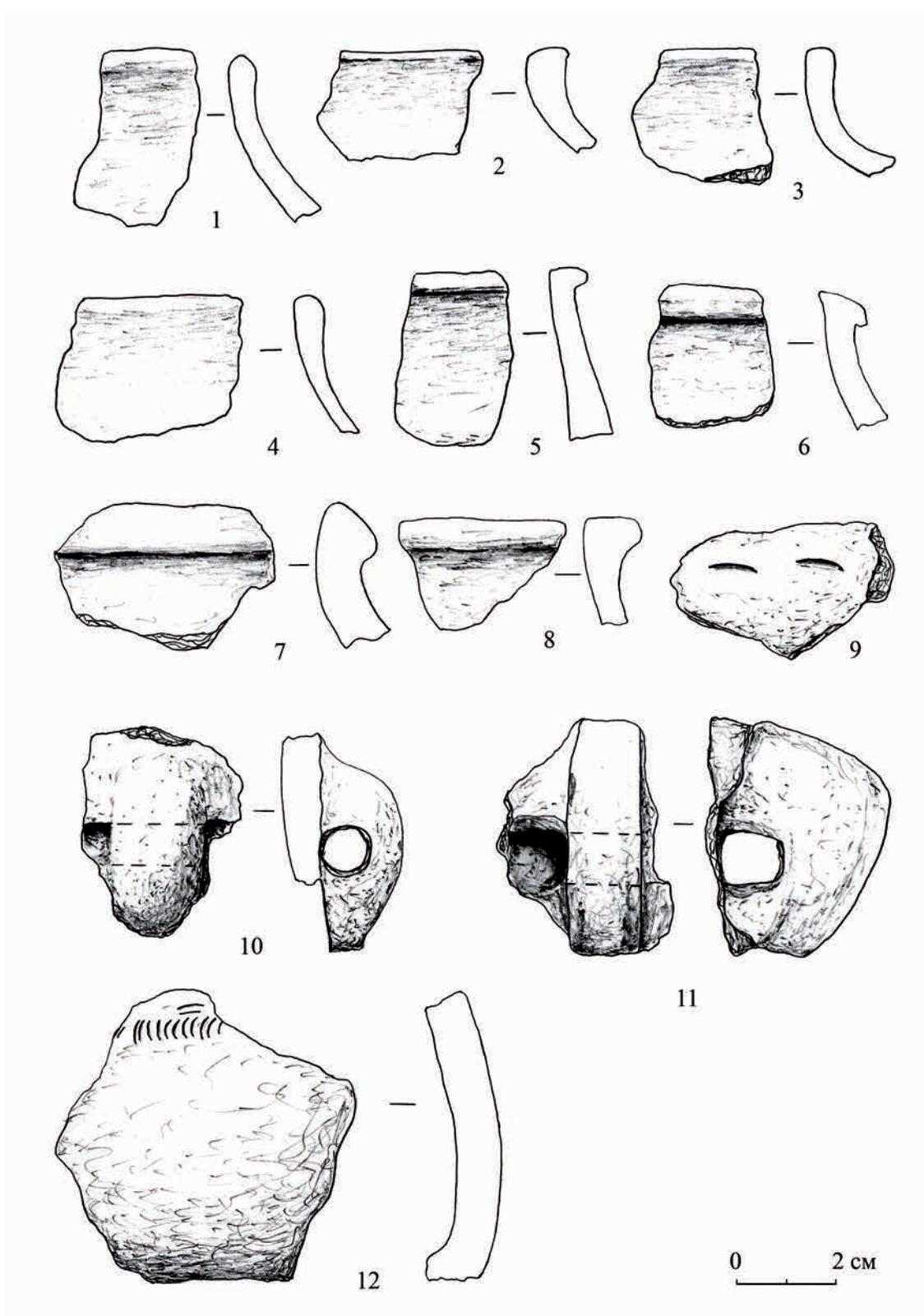

Рис. 59. Поселение Сарыбуғрат. Керамика

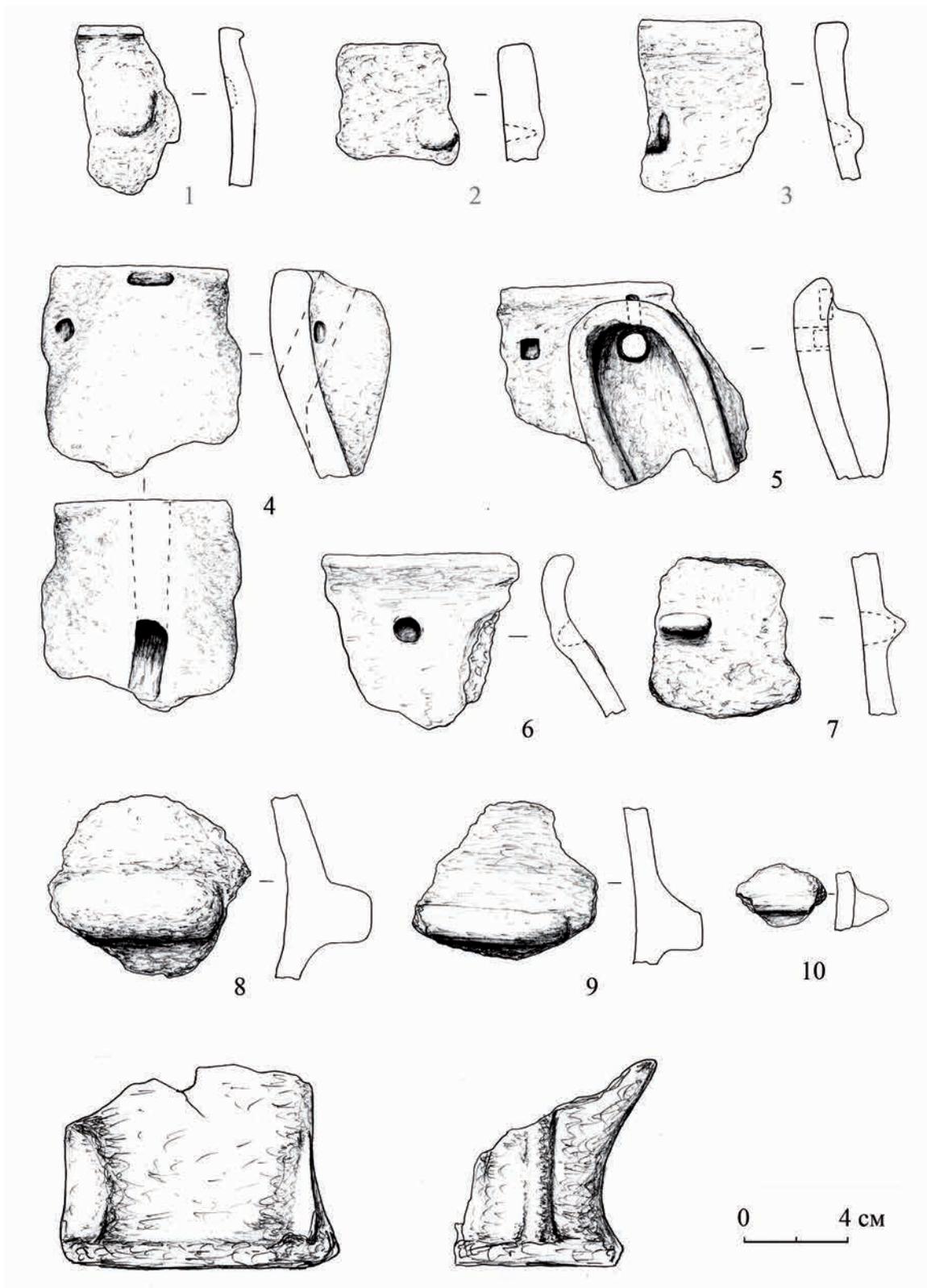

Рис. 60. Поселение Сарыбуғрат. Керамика

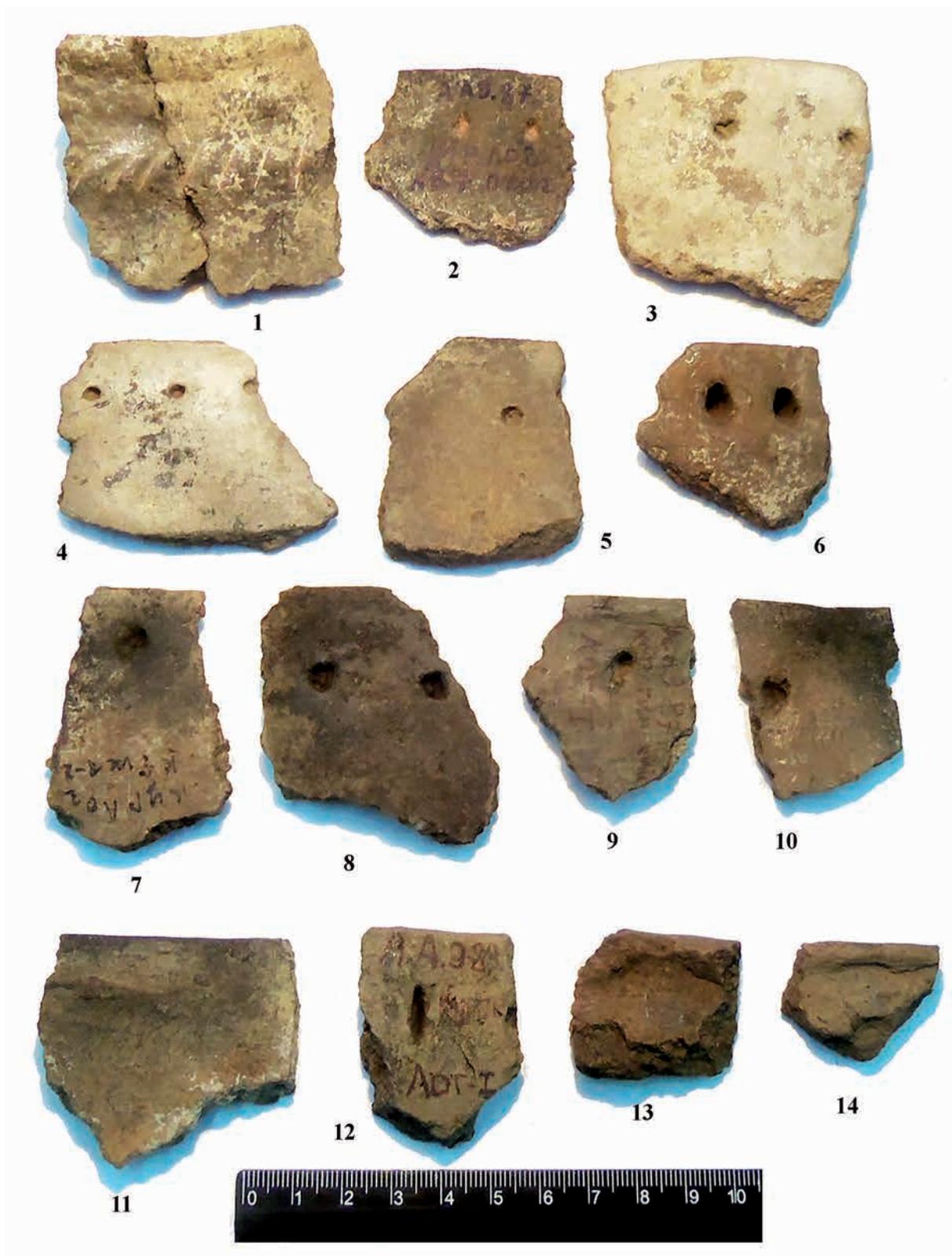

Рис. 61. Поселение Куротинский Лог-1. Керамика

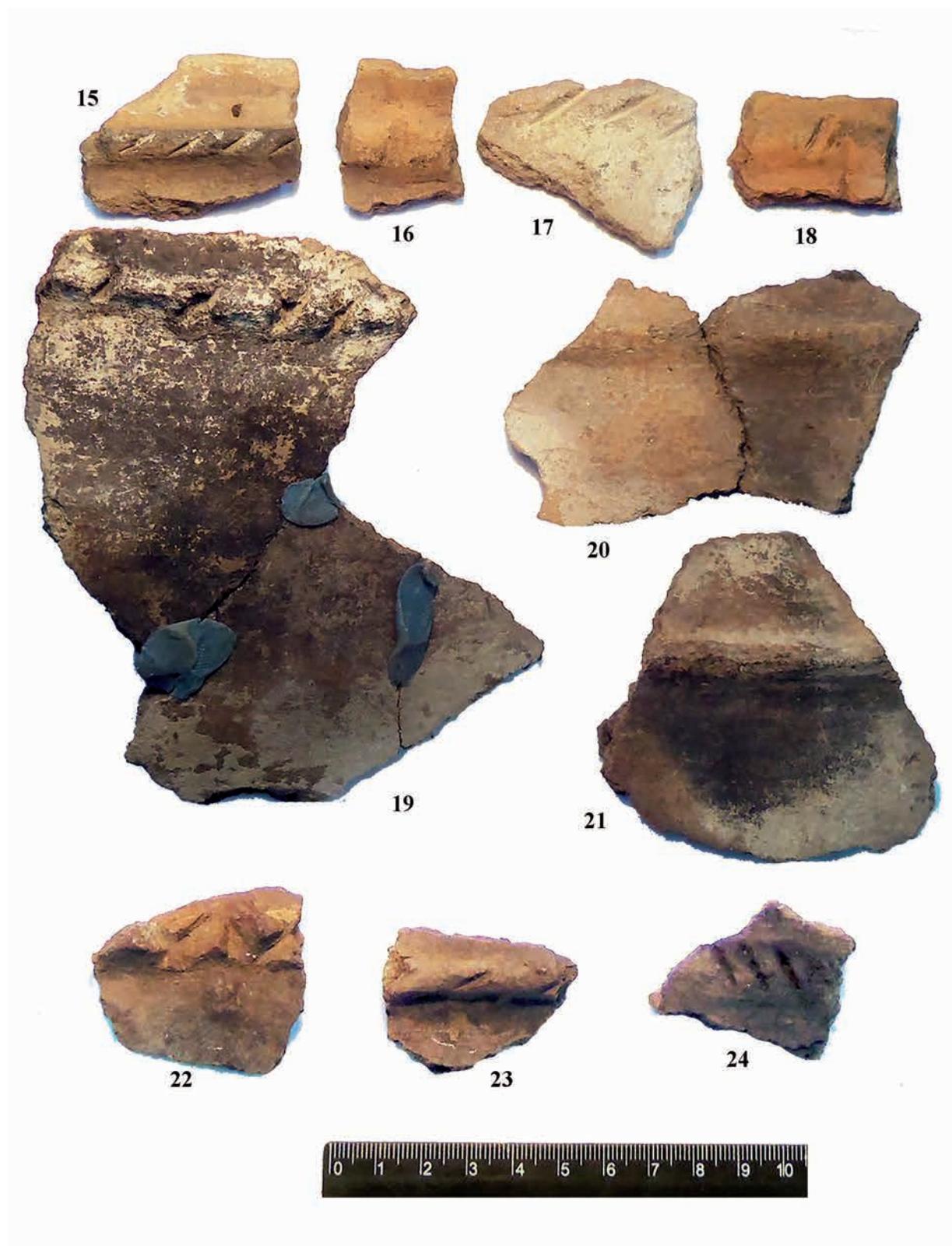

Рис. 62. Поселение Куротинский Лог-1. Керамика

Рис. 63. Поселение Партизанская Катюзка. Керамика

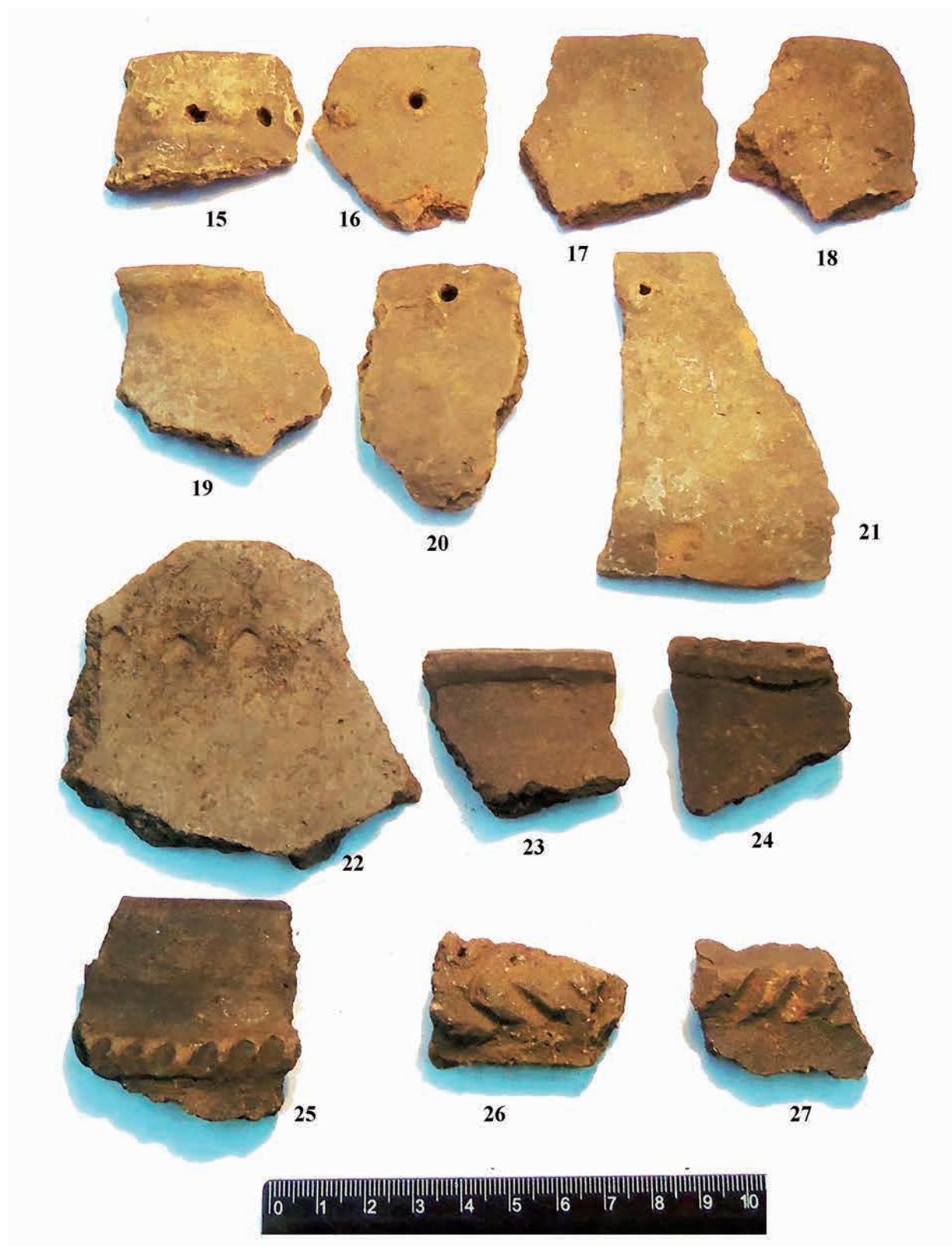

Рис. 64. Поселение Партизанская Катушка. Керамика

Рис. 65. Поселение Чепоиш-2. Керамика

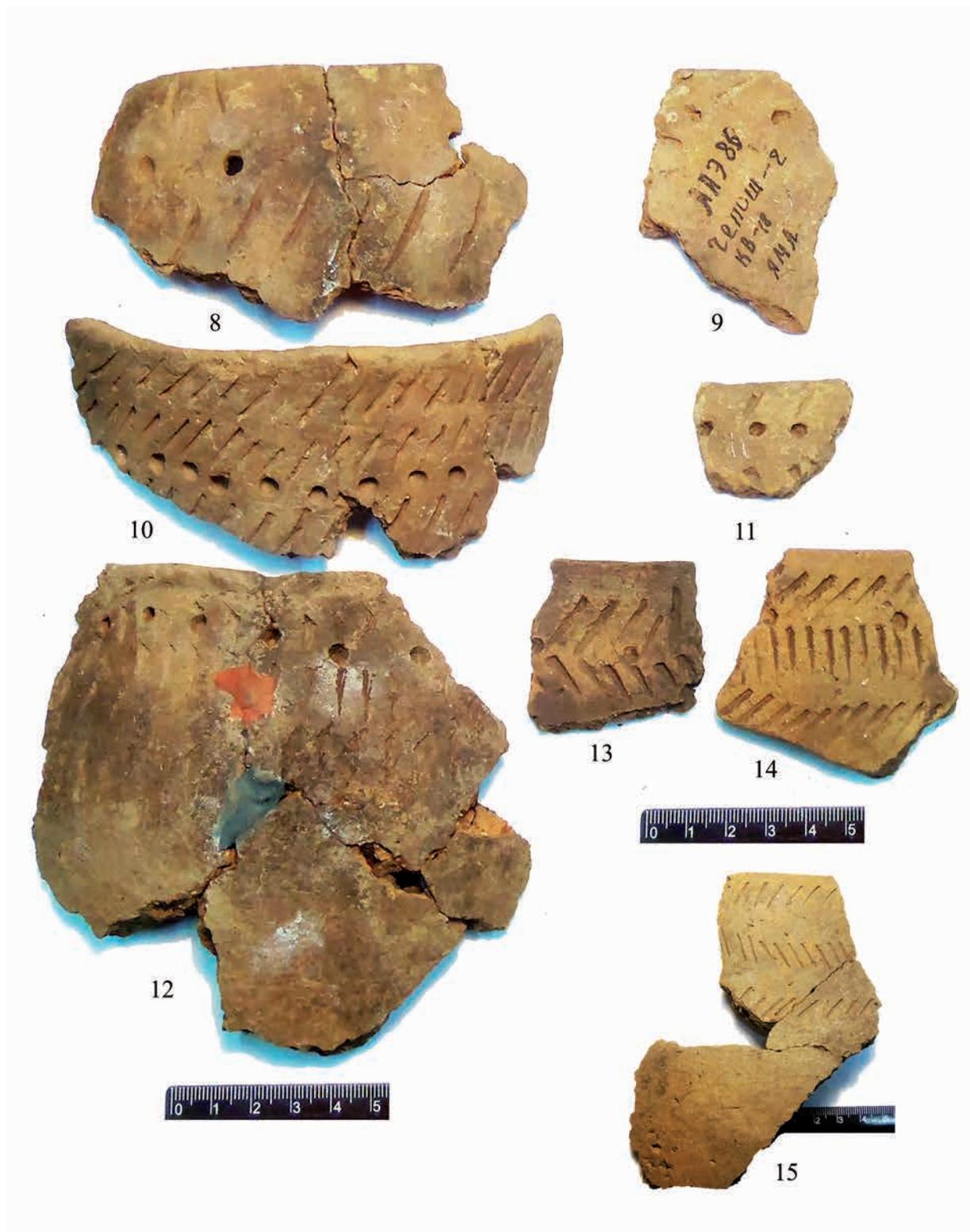

Рис. 66. Поселение Чепиш-2. Керамика

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ** – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АлтГУ – Алтайский Государственный университет.
БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт.
ВЭГУ – Восточный экономико-гуманитарный университет
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории языка и литературы
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НИЦИА – Научно-исследовательский центр истории и археологии.
НЦ РАН – Научный центр Российской Академии наук.
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет.
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии Наук.
СЭ – Советская этнография.
ЧелГУ – Челябинский государственный университет.
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет.

Түйін

САҚ ДӘУІРІНІҢ ҚОНЫСТАРЫ

А. З. Бейсенов, П. И. Шульга, В. Г. Ломан

Монография

Монографияда Орталық Қазақстан мен Таулы Алтайдың сақ дәуіріндегі қоныстары бойынша материалдар мен зерттеулер, сондай-ақ, осы қоныстар қыштарының технологиясын анықтау жұмыстарының нәтижелері берілген.

Орталық Қазақстанда қоныстарды зерттеу соңғы 15 жыл көлемінде жүзеге асып келеді. Географиялық тұрғыдан зерттеулер аймағы Қазақ шоқылығының шығыс қанатында орналасқан. Бұл жерлерде барлығы 50 астам сақ заманы қоныстары ашылып, оның ішінде 12 нысанда А.З.Бейсеновтың жетекшілігімен қазба жұмыстары атқарылды. Топография мен планиграфия ерекшеліктері, үй-жай тұрғызу тәсілдері, қазбадан табылған қыш, тас құралдар мен кейбір метал бұйымдар бұл қоныстарды бір түрге біріктіруге мүмкіндік берді. Қоныстар Орталық Қазақстанның тасмола мәдениетіне жатқызылып, б.д.д. VIII-V ғғ. мерзімделді.

Таулы Алтайдың (Алтай республикасы, Ресей Федерациясы) түрлі өлкелерінде П.И.Шульга мен басқадай археологтардың ізденістері барысында 100 астам ерте темір дәуірі қоныстары тіркелді (б.д.д. VII-III ғғ.). Бұлардың дені бийке және пазырық мәдениеттеріне қарасты. Қоныстардың деректері Таулы Алтай көне тұрғындарының шаруашылық түрлерін анықтауға мүмкіндік берді.

В.Г.Ломан Орталық Қазақстан мен Таулы Алтай қоныстарының қыш кешендерінің технологиясын зерттеп шықты. Атап айтқанда, Орталық Қазақстан қышы ерекшеліктері осы қоныстардың бір типтес екенін нақтылап берді. Таулы Алтай материалдары бойынша қыш кешенінде екі көзешілік дәстүр анықталды. Мұның біріншісі жергілікті шеберлерге тиесілі болса, екінші дәстүр сырттан, соның ішінде, бәлкім, Алтайдың солтүстік өлкелерінен келген этникалық топқа байланысты болуы мүмкін.

Зерттеу деректері көрсетіп отырғандай, Орталық Қазақстан мен Таулы Алтайдың сақ дәуіріндегі тайпалары өз өлкелерінің экологиялық алғышарттары аясында өмір сүрген. Авторлар тау беткейлерінде орналасқан осы бір шағын қоныстар көне бақташы қауымдардың қыстық мекендері (қыстаулары) болған деп санайды.

Abstract

SETTLEMENTS OF THE SAKA EPOCH

A. Z. Beisenov, P. I. Shulga, V. G. Loman

Monograph

The monograph includes materials and studies on the settlements of the Saka era in Central Kazakhstan, Altai Mountains, as well as the results of studying the technology of ceramics from these settlements.

In Central Kazakhstan, a settlement survey has been conducted over the past 15 years. Geographically, the research region refers to the eastern part of the Kazakh Uplands. More than 50 settlements are currently open on this territory. Excavations were carried out in 12 settlements under the supervision of A.Z. Beisenov. Topography, the layout of settlements, the peculiarities of the construction of dwellings, as well as the ceramic vessels found during excavations, stone tools, and a few metal objects gave grounds for uniting these settlements into one type. The settlements belong to the Tasmolin culture of Central Kazakhstan and are dated to the VIII-V centuries BC.

In the various zones of the Altai mountains (the Republic of Altai, the Russian Federation), as a result of many years of research by P.I. Shulga and other archaeologists, over 100 settlements of the 7th-3rd centuries BC were discovered. Most of them are related to the Biyke and Pazyryk cultures. The materials of the settlements made it possible to study the types of the economy of the ancient population of the Altai Mountains.

V.G. Loman conducted a study of the technological features of ceramics from Central Kazakhstan and the Altai mountains. Technological features of ceramics of Central Kazakhstan confirmed the proximity of the settlements within the framework of a single group. Based on the materials of the settlements of Altai mountains, two pottery traditions were distinguished. The first tradition is connected with the local population; the second tradition indicates the penetration of neighboring ethnic groups into the Mountain Altai, possibly from the territory of the northern zone of the Altai region.

As the results of the work showed, the Saka tribes of Central Kazakhstan and Altai mountains lived in the ecological conditions of their territories. The authors believe that these small settlements, arranged on the slopes of the mountains, were wintering.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Поселения в Центральном Казахстане	5
Глава II. Поселения в Горном Алтае	67
Глава III. Керамика поселений	100
Приложение	135
Список сокращений	201
Түйін	202
Abstract	203

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Монография

**Бейсенов Арман Зияденович
Шульга Петр Иванович
Ломан Валерий Григорьевич**

ПОСЕЛЕНИЯ САКСКОЙ ЭПОХИ

Сведения об авторах

А.З.Бейсенов, Институт археологии им. А.Х.Маргулана, Алматы, Казахстан

П.И.Шульга, Институт археологии и этнологии СО РАН, Новосибирск, РФ

В.Г.Ломан, Сарыаркинский археологический институт при
КарГУ им. Е.А.Букетова, Караганда, Казахстан

Компьютерная верстка и дизайн – Ольга Кузнецова

Подписано в печать 14.09.2017 г. Формат 84 x 108 1/16.

Усл. печ. л. 21,84. Гарнитура «Times New Roman»

Отпечатано в типографии «Хикари»